

протоиерей Валентин Асмус

**История Церкви
протоиерей Валентин Асмус**

Лекция [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#)

Лекция 1

Человеческий элемент, человеческая сторона в Церкви имеет свое положительное значение и свою предназначенность. Однако человек – существо свободное. Человек не только служит Богу всей душой, иногда он восстает против Бога, подобно нашим прародителям. Человек иногда заблуждается. Думая служить Богу, он уклоняется от путей Божиих и становится, фактически, противником Божиим. Поэтому человеческий элемент в Церкви иногда играет и негативную роль. Церковь свята, потому что свят Бог. И Церковь имеет все для того, чтобы освящать каждого из людей, кто хочет истинно служить Богу. Но этой святости Церкви, которую мы утверждаем как верующие христиане, по-видимости противоречит то, что в жизни христиан открывается много несовершенств, много грехов, много слабостей, много лжи и т.д. И мы не можем выбрасывать из круга нашего рассмотрения также и различные уклонения верующих людей от путей Божиих, иначе история Церкви была бы не полна.

Самые распространенные пособия к изучению церковной истории:

Тальберг. История Христианской Церкви. Это довольно элементарная переработка дореволюционных учебников семинарского, соответственно, гимназического уровня.

Поснов. История Христианской Церкви. Поснов был профессором богословского факультета в Софийском Университете. Книга его была издана посмертно и весьма несовершенно. Она издавалась по рукописи людьми, которые не владели в полной мере историческим материалом, и там много всяких недочетов. Кроме того, этой книге свойственна определенная католическая тенденция, особенно в ее заключительной части, почему она и была издана брюссельским католическим издательством «Жизнь с Богом». Однако, в целом, это вполне добросовестное и довольно пространное описание первого тысячелетия церковной истории, к тому же снабженное богатой библиографией, в том числе и библиографией на иностранных языках.

Протопресвитер Александр Шмеман. Исторический путь православия. Автор – профессор Православного богословского института в Нью-Йорке, преимущественно литургист. Его книга, которую я назвал, составлена им в ранние годы его деятельности, когда он был еще преподавателем в Парижском институте Преподобного Сергия. Это как бы запись его лекций по церковной истории. Книга отличается живым

изложением. Он не вдаётся в подробное описание фактов, пытается схватить смысл самых главных событий церковной истории.

И, наконец, книга корифея русской науки. Это посмертно изданные **«Лекции по истории древней Церкви» Василия Васильевича Болотова**. Болотов, умерший в 1900 г., был профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии. Дореволюционные студенты отличались большим прилежанием. Они обычно стоваривались и записывали лекции так, что потом можно было, обработав эти записи, издать их. Обычно все профессора на правах рукописи издавали свои лекции в записи студентов. Болотов этого не делал по своей скромности, но зато когда он умер, его ученики собрали все, что могли, и получилось четыре больших тома, которые издавались вплоть до революции. Последний, четвертый том был издан даже в 1918 г.

У **Карташова** есть замечательная **книга по истории Вселенских Соборов**. Если она вам доступна, можете ею пользоваться. Это фундаментальная книга, которая вышла в Париже в 50-х годах. Кроме того, у Карташова есть **и другие труды по истории древней Церкви**.

Изучая церковную историю, мы должны обращаться не только к тому, что называется вторичной литературой, т. е. не только к трудам современных ученых или ученых недавнего прошлого, но также, по возможности, обращаться и к первоисточникам. Какие у нас есть **первоисточники по церковной истории?**

Прежде всего, это, конечно, **Священное Писание Нового Завета**. Я должен сказать несколько слов также и о той истории Церкви, истории ее первых десятилетий, которая излагается в Новом Завете, тем более что каждая книга Нового Завета имеет, среди прочего, и историческое значение. Новый Завет часто совершенно уникальный источник по церковной истории, потому что внехристианские источники почти ничего не говорят о христианстве первых десятилетий, а другие христианские источники, скажем, апокрифические тексты Евангелия, Деяния и другие, – относятся к первым десятилетиям только по претензии и со слов их составителей. На самом деле это книги более позднего происхождения и гораздо менее достоверные исторически, хотя это не значит, что в них нет никакого исторического ядра.

Христианство развивалось преимущественно в пределах греко-римского мира, где существовала давняя и очень значительная историческая традиция. Христианские писатели примкнули к этой традиции. Так что христианская церковная история начала обрабатываться уже очень-очень давно. Уже и в первые века были исторические, в полном

смысле этого слова, сочинения, а затем в первой половине IV века появился церковный историк **Евсевий Кесарийский**, которого почитают как отца церковной истории. Деятельность Евсевия Кесарийского вдохновила очень многих продолжателей. Практически все века церковной истории нашли в древности своих писателей и довольно солидно документированы. История православия изобилует различными катастрофами, и вот одно из самых славных событий в истории западно-европейской культуры, я имею в виду изобретение книгопечатания, по времени почти совпадает с величайшей катастрофой православия – падением Константинополя. После падения Константинополя начинается культурный упадок во всем православном мире, в то время как Запад продолжает наращивать свою культурную мощь. Поэтому нас не должно удивлять, что первые издания первоисточников церковной истории вышли на Западе. На Западе же появились и первые сводные труды по всемирной церковной истории. Эти труды создавались иногда в обстановке очень острой вероисповедной полемики, потому что церковная жизнь Запада была тоже не свободна от всяких потрясений. Скажем, в XVII веке в Европе шли самые кровопролитные войны исключительно на религиозной почве. Но спорящие стороны, а именно католики и протестанты, спорили не только с помощью оружия, но также и с помощью научных аргументов, и порой добивались здесь немалых достижений. Например, в Риме в начале XVII в., для опровержения протестантской концепции церковной истории, написал свой знаменитый труд католический ученый **Цезарь Бароний**. Созданный с заведомо полемическими целями, да к тому же еще и католиком, он, тем не менее, нашел очень широкий круг читателей. По приказанию императора Петра Великого, он был издан в России в славяно-русском переводе, и у нас в XVIII веке на него ссылались не только православные авторы, но и полюбившие этот труд старообрядцы, которые даже переиздали его в начале нашего века в Москве. А в Московской Духовной Семинарии этим трудом пользуются до сих пор. Но я это говорю вовсе не для того, чтобы подшутить над семинаристами: заглянув в современные церковно-исторические сочинения, выходящие на Западе, вы увидите, что и там тоже встречаются до сих пор ссылки на Барония. Таким образом, труд этого ученого, составленный очень давно, до сих пор сохраняет свое значение. Еще большее значение имеет издание первоисточников, которое началось на Западе с самого начала книгопечатания. Самые замечательные успехи это книгоиздательское дело имело, пожалуй, в прошлом веке. Вам наверняка встречались в научной литературе такие аббревиатуры: **PG**. Эти две латинские литеры

обозначают сводное издание всех греческих отцов и церковных писателей **Patrologia Graeca**. Издание это сделал французский аббат **Минь** в середине прошлого века. В нем 162 тома. Это тома большого формата. Как правило, творения греческих отцов снабжаются в этом издании латинскими переводами, а, кроме того, там даются всякие ценные примечания, научные диссертации в приложениях, индексы и т.д. Это издание до сих пор не превзойдено по объему. Дело в том, что аббат Минь ставил себе целью издать все, что можно. Современные издатели древних текстов себе такой цели не поставят, потому что относятся к своей задаче с гораздо большей основательностью. Для того чтобы издать текст какого-нибудь святоотеческого творения, они пересмотрят все его рукописи, какие имеются в библиотеках мира. Если это творение было популярно, и, следовательно, если сохранились десятки его рукописей, то задача издателя становится очень трудной. Вот почему и в наше время Минь остается непревзойденным по полноте собранием греческих отцов. Однако научная недостаточность этого издания стала ощущаться очень рано, и уже в XIX в. появились серии, которые ставили себе целью хотя бы в какой-то части заменить патрологию Миня. Так в Берлине издавалась и до сих пор издается серия, которая называется **«Греческие христианские писатели трех первых веков»**. Впоследствии цели издателей этой серии расширились, и она стала включать в себя писателей последующих веков. С 40-х гг. нашего века в Париже выходит замечательная серия **«Христианские источники»**. В этой серии вышло уже около 550 томов. Там выходят в основном греческие христианские писатели древности, но наряду с ними также латинские, сирийские, армянские и иные. Восточные церковные писатели издаются в этой серии в одном только французском переводе. Греческие и латинские отцы издаются в оригинале, с параллельным переводом. Некоторые тексты, причем важнейшие, были впервые изданы в этой серии. Например, в ней вышло полное собрание творений преп. Симеона Нового Богослова, одного из самых известных изучаемых в наше время византийских отцов. Так что историко-церковная наука не стоит на месте, и последние десятилетия ознаменованы новыми и значительными ее успехами.

Однако Россия все последние десятилетия была выключена из мировой научной жизни в области церковной истории так же, как и в области других богословских наук. Дореволюционная русская наука имела замечательные достижения и была вполне на уровне мировых стандартов. К сожалению, русские ученые существовали довольно изолированно: их научную продукцию, издававшуюся почти исключительно на русском

языке, на Западе никто не знал, потому что выучить русский язык там мало кто удосуживался. Однако те немногие западные ученые, которые знали русский язык, ценили русскую науку самым высоким образом. Например, знаменитый берлинский профессор Гарнак, который был протестантом, причем протестантом довольно крайних воззрений, – он в чем-то сближался со Львом Николаевичем Толстым – в то же время очень высоко ценил русские богословские исследования, которые он, как уроженец Российской Империи, читал в подлиннике. В наше время мы должны постараться наверстать то, что было упущено за минувшие десятилетия. При этом мы должны пользоваться трудами наших отечественных ученых-богословов, в том числе теми трудами, которые передает нам по преемству русская эмиграция.

Можно сказать, что русская эмиграция исполнила свое историческое назначение и сейчас, фактически сходя со сцены, она все самое лучшее, что создала, передает Родине, то есть нам с вами. И, конечно, мы должны использовать достижения православных ученых других стран, скажем греков, сербов (в Сербии в настоящее время существует очень неплохая богословская школа). Мы ни в коем случае не должны чуждаться трудов ученых западных вероисповеданий, потому что западная наука, прежде всего католическая, но также в какой-то мере и протестантская, – тоже имеет свои большие заслуги. Можно утверждать, что традицией нашей русской науки является использование всего истинно ценного, что есть в науке западной. Так поступал уже, например, святой Димитрий Ростовский, который переводил жития святых, в основном, с иезуитских изданий Общества болландистов. Во Фламандии, в Бельгии и до сих пор существует такое очень небольшое ученое общество, которое занимается изучением и изданием житий святых, и всякий, кто почитает святых, может оценить бескорыстный труд этих ученых, которые проходят весь мир для того, чтобы найти какую-нибудь затерявшуюся рукопись и по ней издать житие, сохранившееся лишь в одном этом списке.

Православная наука других стран тоже развивается во взаимодействии с западной неправославной наукой. Например, в современной Греции выходят две серии, два собрания творений греческих святых отцов (одна серия выходит в Афинах, другая – в Салониках). И вот, в обеих сериях тексты святых отцов перепечатываются в основном из западных изданий просто потому, что других изданий нет. Но, конечно, и современные греки участвуют посильно в деле издания святоотеческих текстов, до сих пор неизданных – так же, как в этом участвуют сербы, так же, как до революции и русские ученые тоже издали некоторое число святоотеческих

творений.

Церковная история начинается в день Пятидесятницы. Мы называем праздник Пятидесятницы днем рождения Церкви Христовой. В том чудесном даре языков, который получили апостолы и другие последователи Христовы, можно видеть предсказание распространения веры Христовой по всей Вселенной. Для этого распространения были уже промыслительно созданы предпосылки, а именно: во-первых, создание огромной Римской Империи, в которую были включены несколько десятков современных нам государств; во-вторых, господство в этой Великой Империи эллинистической культуры. Рим, великий своими государственными и военными достижениями, вполне сознавал свою культурную неполноценность, и римская культура имела подражательный характер. Мало того, в первом веке все образованные римляне были двуязычны – вроде того, как двуязычны были русские аристократы в начале XIX века. И неизвестно еще, какой язык был для них привычнее. Например, император Марк Аврелий прославился как замечательный греческий писатель. Кроме того, в Риме и вообще на Западе обитало очень большое число выходцев с Востока. Мы не удивимся, если узнаем, что в самом Риме языком христианской Церкви, и, причем довольно долгое время, был греческий язык. То же самое было и в Галлии, где, например, во второй половине II века Лионский епископ Иринеи писал по-гречески. Таким образом, в Великой Империи существовал единый язык, который был доступен большинству ее населения, и христианская проповедь могла звучать именно на этом языке.

Христианская проповедь была подготовлена также и тем, что в III веке до Рождества Христова был сделан перевод Священного Писания Ветхого Завета на греческий язык. Этот перевод, выполненный, как говорит Предание, для того, чтобы удовлетворить любознательность египетского царя-язычника, получил довольно широкое распространение. Он стал средством проповеди ветхозаветной религии в языческой среде. Евреи расселялись по разным городам Римской империи, создавали свои молитвенные дома (бывшие одновременно и школами), которые назывались синагогами. («Синагога» в переводе с греческого значит «собрание»). Эти синагоги были центром притяжения для всех, кто интересовался еврейской религией. Эта среда, среда евреев рассеяния, и всех, кто в той или иной мере сочувствовал ветхозаветной религии, и явилась той средой, где с чрезвычайной быстротой стала распространяться проповедь о Христе Спасителе, о Христе Воскресшем. Как шла эта проповедь, мы можем себе представить по книге Деяний св. апостолов, где

описана проповедь ев. ап. Павла в странах рассеяния. Как только ап. Павел прибывал в какой-нибудь город, он сразу направлялся в синагогу и проповедовал там. Обычно это довольно скоро приводило к конфликту с синагогальным начальством. Апостола изгоняли из синагоги, но за то время, что ему удавалось проповедовать, он успевал своей проповедью приобрести каких-то новых последователей веры Христовой, которые и составляли ядро христианской Церкви в этом городе. В начальный период церковной истории, в первые ее десятилетия – вплоть до разрушения Иерусалима в 70 году, – христианская Церковь осознавала самое себя. Она довольно легко могла осознать себя в отношении к язычеству, но гораздо труднее это было сделать в отношении к ветхозаветной религии, и вот почему. Христос проповедовал почти исключительно среди иудеев. Все апостолы Христовы, все члены Иерусалимской Церкви были из иудеев. Мало того, когда началась проповедь за пределами Иерусалима и за пределами Палестины, эта проповедь, как я сказал, шла в среде иудейской или в среде язычников, которые сочувствовали иудейству – так называемых прозелитов. Прозелитизм имел разные степени. Были такие прозелиты, которые полностью принимали иудейскую религию, были те, кто не решался этого сделать, но все-таки, так или иначе, примыкал к синагогам. Проблемы начались, когда среди первых христиан стало заметным число язычников, потому что тогда сразу встал вопрос о том, какое отношение имеют эти христиане к ветхозаветному обрядовому закону. Ни апостолы, ни другие первые христиане не противопоставляли себя ветхозаветному богочитанию.

В книге Деяний святых апостолов рассказывается, что апостолы посещали иерусалимский Храм в положенные часы молитвы, т. е. посещали храмовое богослужение. И хотя одновременно с этим они у себя в домах совершали христианское богослужение, которое автор книги Деяний называет «преломлением хлеба» (мы понимаем, что это – Евхаристия), но все-таки существование этого христианского богослужения не приводило их к отрицанию необходимости посещать иерусалимский Храм. Но вот в Церковь приходят язычники. Должны ли они исполнять все предписания ветхозаветного обрядового закона? Лежит их путь в Церковь Христову через принятие закона Моисеева или нет? Здесь столкнулись разные понимания этой проблемы в христианской среде. В 49 г. по Р. Х. в Иерусалиме произошел Собор. Это первый Собор, который знает церковная история. О Соборе этом рассказывается опять-таки в книге Деяний святых апостолов. Как говорит книга Деяний, на Соборе присутствовал св. ап. Петр, св. ап. Иаков, брат Господень. Св. ап.

Иаков был главой Иерусалимской Церкви после того, как апостолы покинули Иерусалим, разойдясь на проповедь в разные стороны. Кроме того, на Соборе присутствовал св. ап. Павел.

Св. ап. Павел происходил из иудеев рассеяния, родился в малоазиатском городе Тарсе и, как он сам о себе говорит, был фарисеем и сыном фарисея. Будучи ревнителем отеческих преданий, он прибыл в Иерусалим для того, чтобы получить богословское образование у лучших иерусалимских раввинов и самому стать раввином, учителем Закона. Поначалу он был непримиримым врагом Церкви Христовой и участвовал в кровавых гонениях на христиан. В книге Деяний рассказывается, что при побиении камнями св. первомученика архидиакона Стефана, Павел (тогда его еще звали иудейским именем Савл), сторожил одежды тех, кто с ним расправлялся. После того, как Савлу явился Христос, он уверовал со всем жаром своей великой души, и стал самым деятельным проповедником веры христовой. Посмотрите хотя бы объем Посланий ап. Павла в Новом Завете. И вот, как раз Савл, он же Павел, утверждал, что Христос пришел для того, чтобы спасти всех, и что спасает Он не через выполнение обрядов ветхозаветного закона. Это, можно сказать, основное содержание проповеди св. ап. Павла. Св. ап. Павел сознавал, что он призван проповедовать среди язычников, и оказался также защитником христиан из язычников перед лицом ревнителей ветхозаветного Закона, которых было немало и в христианской среде. Св. ап. Павел учил, что христиане из язычников не обязаны исполнять все предписания закона, и Иерусалимский Собор 49 г. согласился с его доводами. Собор составил послание ко всем христианам, в котором говорилось, что они должны воздерживаться от идоложертвенного, от удавленины, от блуда и не делать другим того, чего не хотят самим себе. Некоторые из этих предписаний имеют чисто моральный характер. Понятно, что Павел не думал освобождать христиан от требований морали, которые изложены, например, в десяти заповедях, данных Моисею. Наоборот, моральные требования св. ап. Павла еще более высоки. Вся острота спора относилась как раз к обрядовым обязанностям ветхозаветного народа Божия. Вот, например, некоторые из предписаний Иерусалимского собора – требование воздерживаться от удавленины, т. е. не есть мяса тех животных, из которых не была по специальным правилам, изложенным в Ветхом Завете, выпущена кровь. Это правило, предписанное Собором, и имеющее, казалось бы, чисто обрядовое значение, на самом деле нужно понимать следующим образом. Каждая христианская община, или почти каждая, состояла как бы из двух частей: с одной стороны – христиане из

иудеев, которых было много во всех городах, куда апостолы шли проповедовать, с другой стороны – христиане из язычников. И общение христиан было весьма многосторонним. Это в наше время, да еще под влиянием всяких страхов большевистских («страха ради большевистска») возникло такое ущербное понятие прихожанина: прихожанин – это тот, кто приходит и уходит. Вся принадлежность к общине ограничивается посещением храма в часы богослужения, а потом раздается: «Православные, освободите помещение!», и на этом кончается церковная жизнь, теперь можешь возвращаться к своей обыденной жизни, которая не имеет ничего общего с жизнью христианской Церкви.

У первых христиан было, конечно, не так. Братское общение выражалось, в частности, в общих трапезах, которые сопровождали богослужение, и, конечно же, объединяли всех, кто принадлежал к общине. Если бы на таких братских трапезах начались разговоры о том, что «это блюдо мне подходит, а это мне не подходит, потому что я соблюдаю такие-то предписания ветхозаветного Закона; тебе не обязательно их соблюдать, ты не еврей, а я уж буду их соблюдать», это, конечно, привело бы к разделению в каждой общине, к обособлению двух ее частей, что было бы нежелательно. Поэтому, чтобы не было такого бытового разобщения, Собор апостольский предписал воздержание также и от удавленины, Но надо сказать, что это предписание довольно долго сохранялось в христианском обществе. Даже примерно через тысячу лет после апостольского Собора один из византийских императоров издал очень строгий закон против тех, кто употребляет кровь в пищу.

Проблема взаимоотношения христиан из иудеев и христиан из язычников, как я сказал, со всей остротой стояла в первые десятилетия христианской церковной истории до разрушения иерусалимского Храма. Разрушение Храма произошло в 70 году, когда после неудачного восстания иудеев против римской власти, римляне разорили весь Иерусалим. Эта катастрофа средоточия ветхозаветной религии совершенно естественно была осознана многими христианами как знак того, что окончилось ее историческое существование. И даже христиане из иудеев могли считать себя уже не связанными обрядовыми предписаниями ветхозаветного Закона. Впрочем, пропорция христиан из иудеев быстро уменьшалась в результате успеха проповеди веры Христовой среди язычников. Поэтому проблема, которая так волновала христиан в апостольское время, впоследствии утратила свою остроту, хотя какая-то часть христиан из иудеев не могла примириться с тем, что в общем сознании христиан ветхозаветный Закон в его обрядовой части отменен. И возникла

маленькая группа иудео-христиан, которая еще в IV веке была известна в Палестине. Но только в Палестине она и могла получить распространение, потому что была большая разница между настроениями иудеев в Палестине и странах рассеяния. Св. Лука, автор книги Деяний, дает нам знать о тех конфликтах, которые внутри Христианской Церкви происходили между иудеями палестинскими и так называемыми эллинистами.

Эллинистами назывались иудеи рассеяния по той причине, что они говорили по-гречески, часто даже не зная еврейского языка. Эллинисты гораздо более остро, чем палестинские иудеи, сознавали универсальное значение ветхозаветной религии. Они чувствовали себя миссионерами этой религии в греко-римском мире, поэтому в синагогах рассеяния пользовались, в основном, греческим переводом Ветхого Завета, а не древнееврейским текстом. Можно отметить и такой факт, совершенно невероятный с точки зрения палестинской иудейской ортодоксии. В Александрии Египетской еврейская община была самой значительной из всех общин рассеяния. Там был построен храм, во всем подобный иерусалимскому Храму. В нем совершались богослужения – такие же, как в Иерусалиме. Палестинские иудеи не признавали законности этого храма.

Палестина не была изолированной. Будучи святой землей, будучи средоточием иудейской религии, она привлекала к себе многочисленных паломников из всех стран рассеяния. И мы знаем, что в Иерусалиме были синагоги, которые объединяли земляков из разных уголков Римской империи. В жизни самой христианской Церкви в Палестине эти иудеи рассеяния очень быстро получили большое место. Об этом говорят те факты, которые сообщает нам св. Лука в Деяниях апостолов относительно формирования иерархии Церкви Христовой. Апостолы, получившие свое служение от Христа, довольно быстро осознали, что они не могут одни управлять жизнью Церкви, и создали себе коллегия помощников, которых называли диаконами, т.е. служителями. Судя по именам этих семи диаконов (список их начинается со св. Стефана, он стал первомучеником Церкви), которые сплошь греческие, все они – из иудеев рассеяния, а последний из них – даже прозелит. В переводе с греческого «прозелит» значит «пришелец». Так называли язычников, которые обращались в иудейскую веру.

Лекция 2

В настоящее время в Церкви существует трехступенчатая иерархия: епископы, священники, диаконы. Сохранилось четкое и повсеместно распространенное представление о церковной иерархии, и даже в тех Церквях, которые отделились от православной, в древневосточных Церквях: несторианской и монофизитских; в Католической Церкви, невзирая на такие яркие отличительные особенности, как, например, католическое учение о папстве, в принципе существуют те же самые иерархические принципы. В наших представлениях о древней Церкви очень давно заметна такая тенденция – механически переносить иерархические структуры нашего времени или четвертого века на церковную жизнь первых десятилетий. Обратившись к нашему первоисточнику, к Священному Писанию Нового Завета, мы увидим, что это представление неверно, ибо в первые десятилетия еще нет такой четкой трехступенной иерархии, а с другой стороны, обнаружим, что в это время существуют особые служения, которых нет в церковной деятельности последующих времен.

Прежде всего, в Церкви первых десятилетий существуют апостолы (о них отдельный разговор), существуют пророки. И еще, что очень важно, хотя мы не находим здесь господства монархического принципа в церковной иерархии, но можно утверждать, что к концу первого века монархический принцип получил преобладание. К концу первого века, вся Вселенская Церковь состояла из Поместных Церквей. В то время еще нельзя было говорить о таких структурных единицах, как митрополии, патриархаты. Вселенская Церковь состояла из отдельных городских Церквей во главе с епископом – т.е. выражаясь нашим современным языком, Вселенская Церковь состояла из отдельных епархий.

Но это – не первоначальная картина, потому что ситуация первых десятилетий, насколько она отражена в Священном Писании Нового Завета – в Деяниях и Посланиях апостольских, – иная. Именно этого монархического принципа, который стал господствующим довольно скоро, мы там и не находим. На первом месте стоят апостолы, ближайшие ученики Христа Спасителя, – это двенадцать апостолов. Мы знаем, что один из двенадцати, Петр, был первым, имел особое место в этом лике апостольском. Однако он был, как говорится, первым среди равных. Только впоследствии римские епископы связали учение о преобладании своей кафедры с преемством от апостола Петра и стали доказывать, что он

с самого начала был назначен Христом главою всей Вселенской Церкви, но это невозможно обосновать новозаветными текстами. Далее, Церковь, как она изображается в книге Деяний, управляется очень часто не одним человеком, но коллективно, Вот, например, Антиохийская Церковь. В начале 13-й главы книги Деяний святых апостолов мы читаем: «В Антиохии, в тамошней Церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четверовластника, и Савл». Среди этих пророков и учителей мы находим величайшего апостола Савла, т.е. Павла, и получается, что во главе данной Церкви стоял не один человек, а целая коллегия иерархов, которые здесь называются «пророки и учителя». Далее, после того, как апостолы покинули Иерусалим, мы находим во главе Иерусалимской Церкви коллегия пресвитеров, первым из этих пресвитеров называется Иаков брат Господень, и только впоследствии Иакова брата Господня стали называть епископом Иерусалимским. Что касается слова «епископ» – оно в Новом Завете неоднократно употребляется взаимозаменяемо со словом «пресвитер», и мы видим, что еще нет различия между епископами и пресвитерами, эти два слова обозначают одно и то же служение, в то время как впоследствии они стали обозначать различные ступени иерархии. Приведу пример из 12 главы книги Деяний. Здесь излагается беседа апостола Павла с возглавителями Эфесской Церкви, причем в одном месте, в 17-ом стихе, они называются пресвитерами, а в 28-ом стихе – епископами. В русском переводе стоит «блюстителю»: чтобы не смущать простых читателей, переводчики отказались от термина, который употреблен в греческом подлиннике.

Однако, хотя мы и не находим в общинах первых десятилетий последующего четкого различения степеней священства, на основании этих отрывков мы можем утверждать, что в Церкви никогда не было демократических порядков, на которых настаивают протестанты. Протестанты считают, что все христиане имеют совершенно равные харизматические дары и уже в силу одного крещения могут считаться священниками. Поэтому те рукоположения, которые во множестве описаны в Священном Писании, это, с их точки зрения, не посвящения, не сообщение каких то особых даров, а всего лишь введение в должность, назначение. Но если мы посмотрим, как описана церковная жизнь в Новом Завете, то будет ясно, что иерархический принцип существовал всегда. Всегда существовали возглавители общин, руководители церковной жизни, учителя народа Божия, хотя столь характерные для последующего времени понятия клира, с одной стороны, и мирян, с другой, сложились

лишь к концу второго столетия.

Несмотря на то, что в Новом Завете нет трехстепенной иерархии в нашем современном понимании, мы можем все-таки утверждать, что она там есть. Прежде всего, там говорится о служении апостольском. Апостолы в этот первый период церковной истории и были возглавителями Церкви в том смысле, в каком впоследствии ими стали епископы. Однако, особенность апостольского служения была в том, что они были посланы в мир: «Идите в мир весь и проповедуйте Евангелие всей твари». Апостолам была вверена не какая-то местная Церковь, как в последующее время епископам, но вся Вселенская Церковь. Они действовали, исходя из сознания своей вселенской ответственности, вселенской миссии. Они шли с проповедью повсюду, переходя из одного города в другой, и даже имея от Спасителя особую заповедь не задерживаться на одном месте, спешить дальше, оставляя плоды своих проповеднических трудов в виде новосозданных Церквей и новонасажденной церковной иерархии.

Следующая ступень иерархии – пресвитеры, или же епископы, сопоставима с пресвитерами – священниками последующего времени. Название «пресвитер» означает старейший, так назывались почетные члены иудейских общин, которым поручались дела по руководству этими общинами. Слово «епископ» – греческое, как и пресвитер; оно означает буквально «надзиратель» или «блюститель». Вообще, эти термины – апостол, пресвитер, епископ – трудно однозначно связать с практикой ветхозаветной Церкви, потому что схожие названия, с похожими функциями, должностями мы встречаем также и у язычников. Нельзя говорить, что эти названия соответствуют тому-то или тому-то, там-то и там-то, тем более что здесь речь может идти только о сравнении, а не об отождествлении этих служений христианских с какими-то схожими служениями в других религиозных общинах.

И, наконец, третья степень священства – самая младшая – это диаконы, о которых я уже говорил в прошлый раз. Диаконы в древней Церкви имели очень большое значение, обычно это были близкие помощники епископов, имевшие свои литургические функции. Мы должны думать, что семь диаконов Иерусалимской Церкви непременно имели такие литургические полномочия: например, о диаконе Филиппе-благовестнике рассказывается, что он совершал святое крещение. Обо всех диаконах говорится, что они с большим успехом проповедовали, но, кроме того, в древней Церкви диаконы были ближайшими помощниками епископов и очень часто становились преемниками епископов. В западной

Церкви и до сих пор очень мало диаконов: обычно на целую епархию западной католической Церкви приходится только один диакон, который исполняет должность епископского секретаря. Из римского диаконата в течении веков вырос институт кардиналов, т.е. институт должностных церковных лиц, которые во всей западной Церкви имеют огромное значение.

Проповедь христианской веры была очень успешной, по крайней мере, в пределах огромной Римской державы. В Римской империи существовало оживленное сообщение между разными ее частями, и совершенно естественно, что одним из важнейших каналов распространения проповеди о Христе были связи иудейской диаспоры с Иерусалимом, потому что еврейские общины существовали повсюду. В самом Риме была очень большая община, поэтому и Церковь христианская, которая обычно появлялась там, где существовала еврейская община, очень рано появилась и в Риме. Как проповедовал, например, святой апостол Павел: он прежде всего шел в синагогу в том городе, куда он прибыл.

Кто основал Римскую Церковь, сказать невозможно. Но мы можем думать, что уже очень скоро после Пятидесятницы в Риме появились первые христиане. При императоре Клавдии в начале 50-х годов I века в Риме среди иудеев произошли столкновения, связанные со спорами относительно учения Христова. Об этих событиях довольно глухо упоминает римский языческий историк Светоний. Он пишет, что у иудеев произошли беспорядки при подстрекательстве некоего Христа. Эта довольно туманная фраза на основании всех наших сведений понимается весьма просто. У иудеев были столь ожесточенные споры относительно учения Христова, что римские власти увидели в этих спорах угрозу общественному спокойствию, и в начале 50-х годов император Клавдий распорядился об изгнании из Рима всех иудеев. Об этом также сообщает святой евангелист Лука в книге Деяний, согласно которой апостол Павел встретил в Коринфе одну супружескую пару, которая была изгнана из Рима по императорскому приказу. Что здесь для нас важно в этом известии? Во-первых, мы узнаем, что проповедуется учение Христово, во-вторых, видим, что внешние люди, т.е. язычники, не делают различия между иудеями и христианами, христианство рассматривается как своего рода секта внутри иудейства. Но уже немного больше десятилетия спустя положение меняется. При императоре Нероне в 64 году происходит большой пожар города Рима, несколько дней и ночей город пылает, и целые кварталы сплошь выгорают. Император Нерон был человеком

извращенным, этаким эстетом, декадентом своего времени. Даже тогда, когда он пришел к политическому краху, и ему предстояло совершить самоубийство, он горестно воскликнул: «Какой художник погибает!». Он считал себя замечательным поэтом, и, как говорили злые языки, сам поджег город Рим, чтобы вдохновляться величайшим зрелищем пожара и воспевать его в своих стихах. Но этот пожар, который, естественно, вызвал страшное волнение в народе, был использован как повод для гонения на христиан. Именно христиане, а не кто другой, были обвинены в поджогах. И здесь христиане уже совершенно четко отличались от иудеев. Иудеев это обвинение не коснулось ни в какой степени.

О нероновом гонении сообщает римский историк Тацит. После Светония это другое важное свидетельство о первоначальном христианстве, исходящее из внешнего мира. Тацит свидетельствует о том, что христиане вызвали всеобщую ненависть, и, действительно, рассматривая историю гонений на христианство, можно констатировать, что в течение первого и более продолжительного периода гонений, до самой середины III века, ненависть общественного мнения по отношению к христианству, ненависть простого народа была гораздо сильнее, чем репрессивные намерения властей. Нероново гонение было своего рода исключением, и коснулось оно одного лишь города Рима, совершенно не затронув провинции, а многие последующие императоры старались не столько развязать репрессии, сколько, наоборот, ввести начатые по инициативе язычников, по инициативе местных возглавителей администрации гонения в какие-то более узкие рамки. И только, начиная с середины III века и до самого конца гонений, т.е. до начала IV века, императорская власть берет на себя инициативу гонений и становится во главе антихристианской кампании. Чем объясняется такая неприязнь к христианству? Я думаю, что ее объяснить совсем не трудно. Она объясняется совершенно естественной ненавистью толпы ко всему духовно значимому, ко всему из ряда вон выходящему. Мы можем вспомнить, как в Афинской республике, которая во все времена почиталась эталоном античной демократии, был по приговору этой самой демократии казнен великий языческий праведник Сократ. Христианство, в духовном отношении, было несравненно выше язычества. Дело не только в том, что христианство давало гораздо более высокие идеалы, дело в том, что языческий мир к моменту появления христианской Церкви был в состоянии кризиса и разложения, это был духовно угасающий мир, в то время как Церковь была полна духовного горения, самой сильной

жизненной энергии. Естественно, что первые христиане резко выделялись на фоне языческого общества, и сами бывали вынуждены рвать связи, которые их с этим обществом соединяли.

В наше время тоже очень часто происходят конфликты даже внутри одной семьи, когда дети становятся христианами, а родители их никак не понимают. Вам всем приходилось видеть примеры внутрисемейных конфликтов. И, как говорят жития святых, в древности тоже бывали конфликты такого рода, причем они могли доходить до крайней степени ожесточения, когда родители не останавливались перед тем, чтобы отдавать своих детей на казнь за исповедание христианства. Свидетельства о мучениках – это весьма драгоценные исторические свидетельства. Прежде всего, нужно понять значение этого слова «**мученик**» во всем его объеме. Наше русское слово «**мученик**» передает греческое слово «**мартис**», но греческое слово более многозначно. Мученик – это тот, кто терпит мучения, «мартис» – это, прежде всего, свидетель. Те, кто воспринимал слово «мартис» в полноте его значения, видел в нем, прежде всего, выражение того, что проповедь веры ведется не словами, но всей жизнью, не останавливаясь и перед смертью. Если проповедниками в современном смысле могут быть люди только особо одаренные или, скажем, более образованные, проповедниками-мучениками могли быть все, и поэтому прав был Тертуллиан, когда говорил, что кровь мучеников – это семя Церкви. Именно на крови мучеников Церковь строилась, и пример мучеников был, может быть, гораздо более убедительным, чем слово многих и многих проповедников и учителей.

Сами апостолы и те, кто шел за ними, как правило, запечатлевали свою проповедь мученическим концом, как апостол Петр, который был распят в Риме, как апостол Павел, который был казнен мечем в том же Риме, как почти все другие апостолы. Каждая поместная Церковь, т.е. каждая городская община (а таких общин – городов могло быть очень много, например, в Малой Азии в IV в. было около трехсот общин во главе с епископами), хранила память о своих мучениках и имела среди самых больших праздников своего календаря местные праздники в память тех, кто в этом месте пострадал. Впоследствии, когда Церковь смогла выйти из катакомб, над гробницами мучеников стали воздвигать храмы, причем во многих местах это было возможно еще до общего прекращения гонений.

Церкви, естественно, сообщали друг другу о тех, кто прославился мученической смертью. И вот, одни из древнейших источников о мучениках – это такие послания одной Церкви другой. Кроме того, отдельные жития мучеников возникли на основе официальных

документов. Хотя в некоторых случаях мучеников казнили в порядке самосуда. Чаще всего это происходило по приговору официальных римских судов и сопровождалось соответствующим бюрократическим делопроизводством. Такие акты могли также стать основой для жизнеописания мучеников. В иных случаях, однако, жития мучеников составляли позднее, чем они прославились, ибо древние жития перерабатывались, расширялись, дополнялись на протяжении всего первого тысячелетия всей христианской истории, причем к ним в полной мере относится то, что Д. С. Лихачев в своей книге о поэтике древнерусской литературы говорит относительно нашей словесности. Существовал, если воспользоваться выражением Лихачева, «литературный этикет», т.е. какие-то характерные моменты могли восприниматься как обязательная принадлежность каждого жития и переноситься из одного жития в другое. Мы не должны думать, что житие всегда абсолютно достоверный исторический источник. Во всяком отдельном случае нужно рассматривать вопрос исторической достоверности отдельно, потому что одно дело, если житие написано сразу после кончины мученика, другое – через несколько сот лет, и это, понятно, ситуации совершенно различные. И, кроме того, жития – это не биография в современном смысле, не ученое жизнеописание, а скорее икона. В житии возможны определенные обобщения, определенный схематизм, свойственный художественным изображениям на иконе. Мученики – это свидетели веры Христовой в том обществе, которое этой веры не принимает.

Но почему же все-таки Римская империя враждебно относилась к христианству? Почему о христианах распространялись самые невероятные, фантастические сведения, которые передавались из уст в уста и становились основой антихристианской государственной политики? Много здесь, как я уже сказал, зависело от народной психологии, но всего этим не объяснишь, потому что Римское государство тоже имело свои основания бояться христианства. В отличие от либеральных доктрин новейших времен, Рим не рассматривал религию как частное дело граждан, для римлян она была государственным делом. Римский народ имел свою религию и не мог иметь другой религии. Правда, римский народ стал хозяином огромной империи, куда вошло множество других племен, но то были, за одним единственным исключением, народы языческие, поэтому особых проблем не возникало. В некоторых случаях происходило отождествление богов римского пантеона с иноземными богами. Самые известные примеры – это параллели между римскими и греческими богами. Здесь, ввиду очень

сильного культурного влияния греков на римлян, произошло полное отождествление всего пантеона. Получилось так, что каждый греческий бог, полубог, демон имеет своего римского двойника. В других случаях, когда какие-то экзотические культы оказывались на территории Римской империи, эти новые божества могли быть также включены в римский пантеон, уже сохраняя свои собственные имена и свои отличительные признаки.

Здесь, конечно, совершенно особое место занимала иудейская религия. Ревнителям иудейства удалось отстоять свои интересы перед лицом римских властей, и это оказалось возможно по двум причинам: во-первых, иудейская религия с успехом доказывала свою большую древность (а римляне были большими почитателями древности, древность религии как бы автоматически оправдывала ее право на существование), кроме того, апологеты иудейства могли очень легко доказать, что иудейство – это национальная религия, т.е. религия целого народа, а каждый народ в пределах империи имел право на свою собственную религию, даже если она сильно отличалась, как иудейство, от всяких других языческих религий. Понятно, что ни одного из этих двух преимуществ не было у христианства. Христианство воспринималось как новая религия, поскольку оно и было религией Нового Завета. Христианство очень рано вышло за пределы иудейства, уже со времен императора Нерона оно никоим образом не могло восприниматься как своего рода иудейская секта; христианство находило последователей среди всех народов, т.е. подтачивало основы тех религий, которые существовали в Римской империи. Кроме того, нужно учитывать еще и следующее. Когда Рим, римское государство переродилось в империю, эта новая монархическая государственность получила санкцию языческой религии в виде обожествления императоров. Сначала императоры обожествлялись посмертно, потом их стали и при жизни почитать как существа божественные, и каждый лояльный гражданин был обязан участвовать в поклонении этим царственным божествам. Отказ в поклонении был равносителен отказу в лояльности. Здесь делалось исключение для иудеев (я уже объяснял, почему им это было позволено), и в то же время власть очень строго следила за тем, чтобы иудейство оставалось чисто национальной религией, чтобы эта привилегия ни на кого больше не распространялась. Христианами становились бывшие язычники, которые еще вчера почитали богов и возносили почести государственному культу, но затем принимали веру Христову и переставали посещать языческие капища, и это рассматривалось как большая политическая опасность.

Надо сказать, что римские власти расправлялись не только с христианами, но и с представителями других тайных религиозных обществ. Существовала целая категория запрещенных религиозных союзов. Однажды в Риме обнаружили тайное общество почитателей Вакха – бога вина, и все 7000 членов этого общества были казнены. Здесь римские власти действовали, прежде всего, из соображений государственной целесообразности. Не нужно преувеличивать их религиозный идеализм, хотя, в общем, историки отмечают, что в некоторых случаях императоры, настроенные более идеально, оказывались и более жестокими гонителями христианства, чем императоры-прагматики. Вот, один документ из истории раннего христианства. Это переписка императора Траяна с Плинием младшим. Плиний был назначен наместником в Вифинии, в северо-западной части Малой Азии, и в этой части империи оказалось очень много христиан, причем их положение к этому времени (к началу II века) не было определено ни какими законами, и потому этот важный чиновник часто оказывался в недоумении. Он шлет своему другу императору запрос о том, как ему нужно поступать в изложенном случае.

Письмо Плиния Траяну: «Я никогда не знаю, что именно и в какой степени подлежит суду, наказанию и является предметом расследования. Я находился в немалом затруднении, придавать ли какое-то значение различию возрастов или же несовершеннолетние не должны быть отличаемы от взрослых; давать ли за раскаяние прощение, или тому, кто был христианином, и отречение не приносит пользы; подвергать ли христиан казни за самое имя, помимо каких-либо преступлений, или же за преступления, стоящие в связи с именем? Я, между тем, поступал следующим образом с теми, о ком мне доносили как о христианах. Я допрашивал их – христиане ли они? Когда они сознавались, я спрашивал их во второй и в третий раз, угрожая казнью; тех, которые упорствовали, приказывал отводить на смертную казнь, ибо я не сомневался, что каково бы ни было то, в чем они сознались, во всяком случае, их упорство и непреодолимая нераскаянность заслуживают казни. Других подобных же безумцев, если они были римские граждане, я предназначил к отсылке в Рим. Как только началось дело, как это бывает обыкновенно, обвинение приняло сложные и разнообразные виды. Подан был анонимный донос, и в нем перечислены имена многих, которые заявили, что они не христиане и никогда не были христианами. Когда они, вслед за мной, обратились с воззванием к богам, воздали поклонение твоему изображению, которое я для этой цели приказал принести со статуями богов, через воскурение

фимиама и возлияния вина, и когда, сверх того, произнесли злословия на Христа, – действительно, говорят, христиан нельзя принудить ни к одному из этих действий, – я нашел возможным отпустить их. Другие, поименованные в списке, признались, что были прежде христианами, но теперь уже не принадлежат им, один перестал быть христианином за три года перед тем, другие несколько раньше, некоторые лет двадцать тому назад. Все они почтили твое изображение и статуи богов и злословили Христа. По их словам, вся вина их, или заблуждение, состояло в том, что они сходились в известные дни рано утром вместе и пели песни Христу как Богу. Клятвенно они обязывались не на преступление какое-либо, но к тому, чтобы не красть, не грабить, не прелюбодействовать, быть честными, возвращать вверенные залого. После этого они расходились и собирались снова для вкушения пищи, обычной, однако, и невинной. Впрочем, и это перестали делать, когда я своим эдиктом, согласно твоему повелению, запретил это. Ввиду этого, я счел тем более необходимым допросить под пытку двух служанок, которые назывались служительницами, чтобы узнать, что здесь есть истинного, но я не нашел здесь ничего, кроме суеверия, грубого и безмерного. Поэтому, отложив дальнейшее разбирательство, я обратился к тебе за советом. Дело мне кажется заслуживающим внимания, особенно ввиду большого количества замешанных в нем. Множество людей всякого рода, положения – и мужчин, и женщин – вовлечены в опасность, будут и потом подвергаться ей. Зараза этого суеверия распространилась не только по городам, но и по селам и деревням, хотя, кажется, можно остановить ее и поправить дело. По крайней мере, известно теперь, что опустевшие были храмы начали опять привлекать поклонников, прекратившиеся на долгое время жертвоприношения – возобновились, и стал находить сбыт корм для жертвенных животных, имевший доселе весьма немногих покупателей. Отсюда легко можно заключить, какое множество людей может быть приведено к порядку, если дать место раскаянию».

Желая, как истинный чиновник, преувеличить свои заслуги, автор вместе с тем свидетельствует, что христианство получило чрезвычайно большое распространение в провинции, которая была ему вверена. Действительно, и из других источников мы тоже знаем, что Малая Азия была христианизирована, пожалуй, больше других областей империи; примерно в таком же благоприятном положении был Египет. Интересно также посмотреть, что отвечает Плинию император: «При разборе дел на тех, о которых было донесено, как о христианах, ты поступил как должно. В этом случае и невозможно установить общее определенное правило.

Разыскивать их не следует, но если выступают с доносом и обвинениями против них, нужно казнить их. Однако, если кто не признает себя христианином и докажет это самим делом через поклонение нашим богам, то за раскаяние получает прощение, хотя относительно прошлого он находится под подозрением. Бессмысленные доносы не должны иметь места ни в каком процессе».

Лекция 3

Казалось бы, в таких условиях Церкви было довольно легко определить свои отношения с языческим миром или, другими словами, размежеваться с языческим миром, и можно удивиться, почему это было нелегко на практике, почему противоположность между христианством и язычеством не всегда была очевидной реальностью? На самом деле положение было не такое уж простое. Язычество не только извне боролось с Церковью, воздвигало гонения, убивало христиан. Оно боролось с Церковью и по-другому, проникая в нее, влияя на сознание христиан, т.е. разрушая Церковь изнутри. Мы это поймем только тогда, когда лучше уясним себе, что такое язычество вообще, и чем язычество отличается от христианства. Можно сказать, что язычество – это верование во многих богов, в то время как христианство поклоняется единому Богу. Можно сказать, что христианство – это вера духовная, в то время как язычество погрязло в материализме. Конечно, это так, но это и не совсем так. Прежде всего, далеко не все язычники были последовательными политеистами (многобожниками), они еще за несколько веков до Рождества Христова (конечно, не все, а очень немногие), пришли к сознанию того, что Бог един. Об этом, между прочим, говорится даже в Священном Писании. В первой главе Послания к римлянам, начиная с 19 стиха, как раз говорится о язычниках, определяется отношение Церкви к язычеству: «Что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им, ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они (т.е. язычники) безответны».

Итак, человек может силами своего собственного разума прийти до веры, до познания единого Бога. Это не значит, что язычество само по себе дает такую веру, но человек даже в язычестве может до этого прийти, потому что ему дан разум, ему дан Божий мир, рассматривая который он может познать Творца. Что касается языческого материализма, то, опять-таки, лучшие представители язычества, скажем, Платон, за несколько столетий до Рождества Христова, изобрели идеализм, т.е. последовательное отрицание материи, всего материального и телесного. По учению платонизма, тело – это гробница души, (платоники пользовались созвучными словами: «сомо» – тело, «сима» – гробница), и задача духовного существа, каким по происхождению является человек, это – освобождение от материальности, от ее томительного плена. Такие идеалистические настроения к первому веку были среди язычников очень

распространены, они приводили иногда к крайним формам аскетизма. Что же все-таки отличает язычество от христианства? Вот как в той же 1-ой главе Послания к римлянам обличает язычников апостол: «Они не познали Творца, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся» (стих 23). Чего не хватало язычникам, – это, прежде всего, понимания того, что Бог – Творец, того, что Творец совершенно не сравним с тварью, что Он безмерно превышает тварь, что между Ним и тварью онтологическая бездна, и мост через эту бездну может перебросить только милосердие Творца к своему творению. Язычники рассматривали все сущее как единое целое; это целое имеет свою иерархию: есть высший Бог, есть ряды низших божеств и т.д., словом – целая иерархическая пирамида, в которую включены как боги, так и люди, и весь земной мир. Как ни силились язычники, они не могли возвыситься до признания творения, сотворенности мира. Поэтому происхождение мира они понимали или примитивно, в виде каких-то генеалогий, в соответствии с древней мифологией, или же в философском духе – как постепенное снисхождение Божественного начала на низшие ступени, вследствие которого Божество выходит за свои пределы и постепенно умалается, угасает.

В тот век, когда пришел на землю Христос, в языческом мире, и не только в языческом, – в самом иудейском мире, особенно в диаспоре, в рассеянии иудейском, была очень сильная синкретическая тенденция, тенденция к слиянию различных религий. В пограничных областях, где греко-римская религия сталкивалась с различными восточными языческими, а также с иудейством, еще до Рождества Христова стали возникать синкретические религиозные системы. Для истории христианства особенно существенна группа таких синкретических религиозных систем, которая называется **гнозис** или **гностицизм** ("**Гнозис**" – греческое слово, которое в переводе означает знание, ведение, разумение; когда мы в рождественском тропаре поем: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума», по-гречески вместо «разума» стоит слово «гнозис»). Но Церкви уже в первые десятилетия своего исторического бытия пришлось соприкоснуться с ложным разумением, с ложным знанием. Так, в 1-ом Послании к Тимофею, 6-ой главе, святой апостол Павел обличает лжеименное знание, и, по всей видимости, здесь имеется в виду какая-то форма гностицизма, уже существовавшая в середине первого века. Однако настоящий расцвет гностических систем приходится на второй век. Гностицизм был попыткой переосмыслить христианство в языческом духе, создать какую-

то смесь из христианства, язычества и иудейства. С тем, что язычники не признавали мира творением Бога, был связан (это очень важно для истории гностицизма) пессимизм в оценке мира. Конечно, мы знаем, что мир, как сказано у евангелиста Иоанна, во зле лежит. Однако тот же евангелист многократно повторяет, что Христос пришел для того, чтобы спасти мир, а не для того, чтобы погубить, не для того, чтобы судить, но чтобы спасти вот этот мир, который в его настоящем поврежденном виде лежит во зле.

Язычники, не признавая творения, тем самым не могли возвыситься до христианского понимания спасения. Поэтому, между прочим, у них и были огромные трудности с принятием догмата телесного воскресения. Язычники охотно верили в бессмертие души, но в воскресение тела они никак не могли поверить, и это продолжалось довольно долго, и было очень характерно для язычества. Такие образованные язычники, как, например, выходцы из платонической школы, гнушались телесным началом и, соответственно, не понимали, зачем Богу нужно воскрешать человеческие тела, когда достаточно одного бессмертия души. Даже в конце IV-го века, когда один очень образованный человек, по имени Синесий, был избран в епископы своего города (он жил в Кирене, в Египте), выяснилась маленькая трудность: он не мог стать епископом, потому что он не веровал в воскресение – всего-навсего. Это нужно понимать в том смысле, что он не верил в телесное воскресение.

Сводить воедино учение гностиков трудно, потому что было несколько учителей гностицизма и было большое многообразие, пестрота учений. Но все-таки есть некоторые идеи, которые характерны если не для всех гностических доктрин, то, по крайней мере, для большинства. Вот, например, учение о демиурге. "**Демиург**" – греческое слово, обозначающее Творца, но поскольку тот мир, в котором мы живем, зол, то всеблагий Бог не мог его сотворить. Этот мир сотворен, по учению гностиков, Демиургом, т.е. божеством низшего порядка или даже неким злым началом (в разных системах по-разному). В некоторых системах гностицизма очень отчетливо выражен дуализм. Это те системы, которые связаны с Востоком, и возникли, как правило, в Сирии, которая граничила с Персией, традиционной страной дуализма. В других системах, в соответствии с платонизмом, материя признается не бытием, а таким началом, которое может быть разрушено, аннигилировано, что не так уж опасно; это, так сказать, более оптимистическая система.

Гностики развивали очень сложные фантастические системы, верховное Божественное начало порождало в них целые ряды существ,

хотя и божественных, и духовных, но низшего порядка. Эти существа обычно назывались у гностиков зонами (слово «эон» в переводе значит «век»). Но гностические системы – это не отвлеченные рационалистические построения. Они разработаны с большим художественным вдохновением. И поэтому такое довольно абстрактное понятие, как век, у гностиков превращается в живое существо, которое активно действует, борется в разных направлениях, нисходит в низшие ярусы бытия, потом опять возвращается туда, откуда пришло, и таких эонов в иных системах получают целые десятки. Это самая настоящая мифология, совершенно новая, оригинальная, однако, испытавшая явное влияние христианства, включающая в себя какие-то черты христианской Священной истории, а в некоторых случаях гностики не боялись пользоваться также и элементами языческой греко-римской мифологии.

Поскольку мир наш лежит во зле, то все, что к нему принадлежит, тоже входит в эту сферу зла. Поэтому в своей христологии (учении о Христе), гностики, как имеющие отношение к христианству никак не могли обойтись без Христа. В свое учение о Христе они обычно вносят дуализм, разделяя единого Христа на человека Иисуса и высшее существо – Христа, при этом им не известно, что Христос – Сын Бога Вышнего. Христос обычно происходит из каких-то более близких к нашему миру по гностическим системам, эонов. У некоторых гностиков дело дошло до отрицания реальности боговоплощения – Бог не может воплотиться, это принципиально невозможно, но поскольку Бог все-таки хотел войти в контакт с людьми для того, чтобы научить их, высшее существо принимает личину человека (это очень важно, здесь особенно подчеркнут рационалистический момент в событии Боговоплощения, Христос для них – прежде всего и почти исключительно учитель, в то время, как для нас – прежде всего Искупитель). У гностиков, которые отрицали реальность воплощения, сложилось учение, что человек Иисус – это призрачная форма человечества, в которую Богу нужно было облечься для того, чтобы стать учителем людей. Такое учение называется **докетизм** (от греческого слова – глагола "**докео**", означающего "**казаться**"). Согласно ему, человечество Христово – это кажущееся, призрачное человечество. Другие, не отрицая соединения Бога и человека во Христе, говорили, что Бог вселился в человека Иисуса в момент крещения на Иордане, и на Голгофе покинул его. Здесь опять-таки отрицается реальность Боговоплощения, говорится о двух личностях, а не о единой личности Богочеловека, о которой учит Церковь. Некоторые из этих ересей появились довольно рано и засвидетельствованы в Священном Писании

Нового Завета, например, ап. Иоанн Богослов в своем 1-ом послании говорит: «Не всякому духу верьте», т.е. не всякому учителю духовности верьте, испытывайте таковых, причем, вот как испытывайте: спрашивайте, признает ли он, что Сын Божий пришел во плоти. Можно предполагать, что все учение Евангелия от Иоанна имеет в виду полемику с такого рода еретиками; хотя мы и воспринимаем его, прежде всего, как положительное утверждение, но знаем вместе с тем, что ап. Иоанн был современником этих ересей, и конечно, ставил своей целью бороться с ними.

Церковь ответила на гностицизм целым рядом полемических сочинений, где опровергались гностические учения. Святой Ипполит Римский, Св. Иринея Лионский боролись против этого лжеименного знания, обличенного еще апостолом. Эти святые отцы жили во втором веке, они – современники самых известных гностических учителей. Надо сказать, что в это время еще не было церковной догматики в том виде, в каком мы ее имеем в своих нынешних учебниках. Было очень много проблем, очень многое оставалось нераскрытым. И хотя вера в Церковь была та же самая, что и теперь, – и это инстинктивно чувствовали все, кто защищал истину против еретиков, – но для того, чтобы вера была выражена всем понятными и недвусмысленными словами, понадобились века и целая серия Вселенских Соборов.

Вселенские Соборы – это содержание следующей эпохи Церковной истории. Поэтому мы не должны судить слишком строго тех богословов первых веков, которые впадали в те или иные ошибки, нам гораздо легче, чем им. В частности, возникали неправильные учения о Святой Троице. У гностиков единый Бог разворачивался в целый ряд эонов, и некоторые богословы Церкви, желая опровергнуть гностицизм, который фактически означал многобожие, приходили к тому, что вовсе отрицали Святую Троицу. Такое учение получило название «**модализма**» – по своему существу, или **савеллианства** – по имени ересиарха. Модалисты учили, что Святая Троица это единый Бог, который проявляется в трех различных модусах, откуда и название "**модализм**". Некоторые модалисты понимали это тройственное самораскрытие Бога в чисто историческом плане – сначала Бог раскрывает себя человечеству как Отец, потом, после Рождества Христова, как Сын, и, наконец, как Дух Святой. Согласно этому учению получалось, что на Кресте Голгофском страдал сам Отец, и потому последователей его называли **патрипассиане**, т.е. те, кто учил о страданиях Отца.

Другая неправильность в понимании догмата троичности, которая неоднократно встречается в первые века, – это **субординационизм** (от лат.

«субординацио»), – учение о том, что Сын и Святой Дух – суть служебные орудия Отца, хотя и личные, но все-таки подчиненные и неравночестные Ему. Здесь отрицается единосущие и равночестность трех Ипостасей. К такому заблуждению были особенно склонны богословы, испытывавшие влияние греческой философии, потому что платонизм понимает Божественное начало именно так – в смысле субординации. (Вы знаете неоплатоническую триаду: единое, ум, который ниже единого, и душа, которая еще ниже, чем ум). Нужно отметить и некоторые другие учения, которые были осуждены Церковью. В середине II-го века в Риме появился проповедник, по имени **Маркион**. Маркион был решительным противником Ветхого Завета, в духе гностического дуализма он утверждал, что Ветхий Завет – это творение некоего злого начала. Маркион поэтому не мог одобрить и Новый Завет в том составе, в каком он уже сложился и был принят Церковью. Маркион объявил, что единственный истинный выразитель христианского учения – св. ап. Павел, поэтому он пересмотрел весь Новый Завет и оставил в нем только послания св. ап. Павла (без Послания к евреям) и Евангелие от Луки. Но и в этих книгах обнаружили места, несогласные с его учением, которые Маркион поспешил выбросить. Он объявил их подложными и заново отредактировал и Евангелие от Луки и послания св. ап. Павла. В наше время приходится вспоминать о Маркионе, потому что и теперь есть люди, которые относятся к Ветхому Завету примерно так, как Маркион, хотя, может быть, и не в такой крайней форме. Посему нужно напомнить, что Церковь решительно осудила Маркиона и объявляет, вслед за ап. Петром, что «все Писание богодухновенно» (2-ое Послание ап. Петра). Ересь Маркиона имела положительное значение в том смысле, что она ускорила процесс утверждения новозаветного канона, да и ветхозаветного тоже.

Когда апостолы писали свои послания, когда создавались Евангелия, эти книги были предназначены для каких-то конкретных общин, отдельных Церквей, поэтому понадобились усилия, чтобы собрать их воедино. Так, современным исследователям ясно, что ученик ап. Павла – святой Лука, трудясь над «Деяниями Апостолов», излагая дела и проповедь своего учителя, не пользовался апостольскими посланиями, и, хотя они в большей части к тому времени были уже созданы, под рукой у него их не оказалось. Но в течение I века канон, пусть не без некоторых затруднений, более или менее составил. Окончательно, забегаю вперед, можно сказать, что канон Нового Завета утвердился только в IV веке, когда новая ситуация позволила выносить решения, обязательные для всей

Церкви. Большие споры вызвали такие книги, как «Апокалипсис», не все поначалу включали эту книгу в канон, затем некоторые из посланий, например, 2-ое Послание ап. Петра, которое уже было упомянуто, послание ап. Иакова. С другой стороны, в Новый Завет включались такие книги, которые в настоящее время там не числятся – например, в некоторых рукописях Нового Завета, даже IV века, есть некоторые творения мужей апостольских, самых первых учителей Церкви после апостолов – например, в некоторых случаях встречается 1-ое послание к Коринфянам Климента Римского, одного из римских епископов I века; книга «Пастырь Ерма», которая была составлена в первой половине II века, и некоторыми почиталась как каноническая. И все же, во второй половине II века, т.е. вскоре после появления на исторической арене Маркиона канон в основных чертах установился. Был найден так называемый «канон Муратори» (датируется 70-ми годами II века). Он, к сожалению, фрагментарен, в нем есть пропуски. Но, судя по сохранившемуся (а сохранилась средняя часть), Римская Церковь уже в то время числила в каноне почти все ныне входящие в него книги.

В конце II века появляется новое лжеучение, которое по имени ересиарха стало называться **монтанизм**. Если мы обратим взор к современности, то увидим, что в наше время появилось учение такого же толка, это учение Богородичного центра. Монтанисты учили о царстве 3-го завета, завета Духа Святого и притязали быть в состоянии непрерывного вдохновения, пророчествовали, записывали свои пророчества. Оппоненты монтанистов порицали их за то, что они ко всем принятым Священным книгам прибавляют еще множество своей собственной писанины. У них были пророки и пророчицы. Это лжеучение явилось своеобразным протестом против некоторого снижения духовного уровня христиан к концу II века. Как мы знаем, в Апостольской Церкви существовали чрезвычайные дарования духовные (дары пророчества, дары языков и др., о чем рассказывается в посланиях ап. Павла). И вот, монтанисты притязали иметь все эти дарования в полной мере. Поскольку снижался духовный уровень христиан, то встала проблема покаяния. Один из апологетов христианства Тертуллиан, первый великий богослов Западной Церкви сказал такие слова: «Христианами не рождаются, а становятся». Это действительно было так, крещение принималось в зрелом возрасте, причем оно было чаще всего не следствием подчинения традиции (например, семейной или народной), а результатом личного выбора, человек принимал веру и крещение в полной мере, всей душой как смерть ветхого человека и рождение нового. Перед крещением совершалось

покаяние. Оглашенный, который готовился к крещению, каялся во всех своих грехах, и это означало, что он отрекается от греха и обязуется жить святой жизнью. Первые христиане так и называли себя святыми. Об этом до сих пор есть напоминание в нашей литургии, когда священник возглашает: «Святая святым».

Но вот Церковь стала более массовой в нее пришли очень многие вчерашние язычники, и некоторые из этих людей не пережили по-настоящему покаяние, не почувствовали, что они родились к новой жизни, и продолжали жизнь ветхого человека, позволяя себе впадать в тяжелые грехи. Это поставило перед Церковью вопрос, что делать с такими людьми – выбрасывать ли их из Церкви, отлучать раз и навсегда, как людей зараженных и опасных для христианской среды, или поступить более человеколюбиво. И Церковь решила этот вопрос в смысле домостроительства (в Церковной традиции понятие «домостроительства» – по-гречески «икономии» – противопоставляется понятию «строгости» – «акривии», т.е. соблюдению закона во всей строгости его буквы). В домостроительстве подчеркивается созидательный момент снисхождения к грешным людям, которое Церковь готова проявить. Следы этих споров о покаянии, о возможности, допустимости покаяния после крещения находим уже в «Пастыре Ерма». Автор одного творения первой половины II века высказывается за так называемое «второе покаяние», т.е. покаяние после крещения.

Лекция 4

Завершение периода гонений на Церковь отмечено особенно страшными, дотоле невиданными преследованиями христиан. Чтобы понять, почему это случилось, нужно хотя бы немножко представить, что являла собой Римская империя во второй половине III-го – в начале IV-го века. В третьем веке Империю постиг жесточайший кризис. Все было поколеблено, а особенно страшной была ситуация на границах: с севера наседали германцы, с востока персы. И те, и другие враги грозили империи разрушением, и чтобы отразить эту опасность, она должна была сконцентрировать все свои силы. И в этом, т.е. в деле спасения империи как таковой, христиане полностью были на ее стороне. Они понимали, что империя, даже в ее языческом облике, – это те внешние рамки, в которых не только возникла, но и продолжает более или менее нормально существовать, насколько возможно, нормально существовать в перерывах между гонениями, христианская Церковь. Гибель империи очень легко может стать не только гибелью культуры, но и самой Церкви. Возможная гибель империи воспринимается как некая эсхатологическая катастрофа. Но империя, для того, чтобы защититься от врагов, меняет свой характер: она превращается, как теперь сказали бы, в государство тоталитарного типа. Государство не в интересах эксплуататорских классов, как сказал бы марксист, но в своих собственных интересах берет под контроль всю жизнь общества. Государство предпринимает более энергичные военные усилия, и потому расширяется воинская обязанность. Оно предпринимает огромные финансовые усилия, и потому растет управленческий аппарат. Государство берет под свой контроль всю экономическую жизнь: каждый человек прикрепляется к своему сословию и к своему рабочему месту. Историей позднеримской империи всегда интересовались социалисты, и действительно, там был элемент социализма, но это, так сказать, крепостной социализм.

Усиливается также и идеологический диктат государства. Языческая религия во все большей степени навязывается всем слоям населения. С 284 г. во главе империи стоял император Диоклетиан, и почти двадцать лет он правил, не трогая или почти не трогая христианской Церкви. Первые девятнадцать лет его правления отмечены только мученичеством среди воинов, потому что воины то и дело отказывались приносить положенные жертвы богам, и за это подвергались казни. Христиане чувствовали себя настолько спокойно, что даже против дворца императора в малоазиатском

городе Никомидии, где Диоклетиан имел свою резиденцию, возвышалась большая христианская церковь. И вот под самый конец своего царствования, в 303г., Диоклетиан воздвигает гонения на христиан. В течение одного года 303–304 он один за другим издает целых четыре эдикта (указа) против христиан, и эти эдикты определяют все более нарастающие масштабы гонений. Сначала происходит всего-навсего конфискация церковного имущества (эта конфискация напоминает события в нашей стране в 20-х годах и впоследствии). Прежде всего, конфисковывались церковные здания. Кроме того, от духовенства требовалось выдавать священные сосуды и священные книги. Один из епископов был рад, что он обманул гонителей, и вместо священных книг выдал им еретические книги, которые для сведений хранились у него. Но несравненно чаще ситуация была более острой, потому что тех, кто не выдавал священных книг и сосудов, подвергали репрессиям, а тех кто выдавал – считали падшими – об этом Церковь судила довольно строго. Между прочим, во время Диоклетиановых гонений было уничтожено несравненно больше христианских книг, чем впоследствии, в христианскую эпоху, книг языческих – по приговору церковных судов, потому что языческие книги, уничтоженные христианами, можно пересчитать по пальцам одной руки, в то время как язычники истребляли вообще все христианские книги.

Гонения развивались дальше, и от конфискации святынь и церковной собственности скоро перешли к арестам и казням духовенства. Преследованию подлежали все до единого духовные лица: не только епископы, но и все низшие клирики, которых в то время было очень много, потому что не было твердой границы между клириками и простыми церковными служащими: например, привратники в Церквях, или санитары, которые обслуживали церковные больницы и богадельни, тоже считались клириками. Что же представляла собой Церковь в это время? Не нужно думать, что Церковь уже успела духовно покорить большинство населения Римской империи. Хотя в некоторых местах христианизация была почти всеобщей, например, в некоторых районах Малой Азии или в Египте, в других местах верующих было еще очень немного: поместная Церковь могла, например, состоять из 10 человек или около того. Но надо сказать, что не все части империи в одинаковой мере были затронуты гонениями. Дело в том, что Диоклетиан, который вообще был реформатором, создал новую систему разделения империи и престолонаследия. Он образовал коллегия из четырех правителей – старших и младших. Они назывались августи и кесарями и получали в

свое правление ту или иную часть империи. Один из этих соправителей, Констанций Хлор (отец Константина Великого) управлял Галлией (современная Франция) и Британскими островами. В этой части империи христиан было сравнительно немного, и гонения здесь, из-за того, что сам Констанций сочувствовал христианству, носили самый поверхностный характер. Они ограничивались конфискацией зданий, причем эта конфискация была вовсе не повсеместной. На востоке, где было значительно больше христиан, гонения имели куда более кровавый характер. Таких страшных преследований история христианства еще не знала.

В разгар гонений Диоклетиан отрекся от власти. После его удаления на покой, государственная система, которую он с большим тщанием создавал, рухнула. Начались гражданские распри, занявшие ровным счетом два десятилетия. Доходило до того, что в разных частях империи действовали семь разных императоров, которые по большей части не признавали друг друга. И вот в этот смутный момент на историческое поприще выходит св. Константин, которому предстояло совершить глубочайший переворот в церковной истории.

Христианство не было еще повсеместно распространено, но при императорском дворе, – т.е. нужно говорить во множественном числе, – при императорских дворах оно уже было представлено. В окружении самого главного гонителя Диоклетиана было несколько христиан, в том числе среди его ближайших родственников. Что же касается св. Константина, то, как известно, его мать, св. Елена, была христианкой, хотя мы точно и не знаем, когда она таковой стала. И, во всяком случае, на семью родителей св. Константина вера христианская оказывала заметное влияние. То, что одну из сестер св. Константина звали Анастасия, говорит об этом весьма недвусмысленно, потому что Анастасия – это характерно-христианское имя, которое среди язычников не употреблялось.

Как мы знаем из жития св. Константина, он пережил обращение в христианскую веру накануне очень трудной битвы с противником, который его многократно превосходил по численности воинов. Ему было видение, после чего он повелел на полковых знаменах водрузить христианские символы, т.е. открыто заявил, что он становится со всеми своими воинами под защиту Бога христианского. Это было весьма и весьма смело, потому что, во-первых, в ходе гонений Диоклетиана происходила чистка армии, из которой старательно изгонялся христианский элемент, и потому среди воинов св. Константина вовсе не было такой уж повальной склонности к христианству. Скорее наоборот:

по-видимому, все они были более или менее спокойными язычниками. Во-вторых, если по подсчету самых оптимистических исследователей, число христиан не превышало 10% численности жителей империи, то на западе, где правил св. Константин и где он действовал в первую половину своего правления, этот процент был еще ниже. Таким образом, в действиях св. Константина мы должны исключить простой политический расчет. Конечно, он был и главой государства, и политиком, и он бы был плохим главой государства, если бы пренебрегал политическими расчетами. Но в данном случае на первом плане было другое – его искренняя убежденность. И судя по всему дальнейшему, мы смело можем называть св. Константина не только первым христианским государем, но и прообразом всех его преемников. Хотя в его случае была особая трудность, было весьма трудно преодолимое противоречие: став христианином по убеждению, он оставался во главе языческого государства. Государства, которое уже на протяжении целого тысячелетия связывало себя тесными узами с языческой религией, государства, которое своему главе усвоило звание верховного жреца этой самой языческой религии – и официально св. Константин от этого звания не отрекался до конца своего правления. Очень многое говорит о том, что он уже в те ранние годы стал искренним христианином. И с другой стороны, много есть свидетельств тому, что он не порывал с языческими традициями своего государства. Это нас не должно особенно удивлять, потому что эпоха св. Константина – это эпоха синкретизма, эпоха, когда очень многие стремятся к соединению различных религий. И св. Константин даже находил особый смысл в такой интерпретации христианства, которая сделала бы его более приемлемым для множества поданных империи. Например, некоторое время спустя, отстраивая новую столицу Константинополь, он распорядился построить три больших собора – в честь св. Силы, св. Премудрости и св. Мира. Император считал, что ипостаси св. Троицы, названные этими отвлеченными философскими понятиями, станут более доступны уму просвещенного язычника. Но, так или иначе, на глазах у всех своих подданных, св. Константин все больше склонялся на сторону христианства.

В 312 г. был издан Миланский эдикт – плод договора св. Константина с Ликинием – императором, который в то время правил восточной частью империи. Св. Константин сначала, победив Максенция в Италии, установил свою власть над западной частью империи. Восточная же, наиболее густонаселенная, оставалась под властью другого императора. Ликий был язычник. Он, однако же, породнился со св. Константином, и,

закключая договор о браке между Ликийем и сестрой св. Константина, два государя заодно договорились и о религиозной политике. Миланский эдикт вовсе не означал, что христианство стало государственной религией. Это было невозможно в тот момент, и эдикт оказался всего-навсего эдиктом о веротерпимости. Его провозглашение было вполне естественно, потому что после ухода Диоклетиана гонения очень быстро прекратились. Преемники Диоклетиана, даже настроенные вполне по-язычески, увидели бессмысленность гонений, поняли, что гонения не принесут ожидаемого результата. Христианам была предоставлена свобода богослужения. Им стали возвращать конфискованное имущество. Это сразу утвердило имущественные права Церкви, и впервые за всю ее историю началось накопление церковной земельной собственности. Император Константин давал все новые привилегии Церкви. Он освобождал высшее духовенство от налогов и государственных повинностей, причем идея отделения Церкви и религии от государства была, естественно, совершенно чужда как языческим предшественникам св. Константина, так и его христианским преемникам.

Государь, который объявил себя христианином, чувствовал свою великую ответственность за духовное благо своих подданных. Он чувствовал, что отвечает не только за материальное благополучие своего государства и его жителей, но также и за их вечное спасение. Поэтому христианский государь, который вынужден терпимо относиться к язычеству (язычество все еще остается весьма мощным) в то же время четко определяет свою позицию относительно всяких церковных споров. Те привилегии, которые он дал духовенству, относятся только к духовенству католической Церкви, в то время как различные еретики и раскольники этих привилегий не получают. Св. Константин поначалу относился к своему месту в Церкви с большим смирением. Он уклонялся от каких-либо суждений по церковным вопросам, зато ссылался на определения церковных соборов, церковной иерархии.

Однако сама иерархия все более активно требовала вмешательства св. Константина в происходившие тогда споры. Так, потребовалось вмешательство императора в конфликт с донатистами. **Донатисты** – это были раскольники, обвинявшие Карфагенскую Церковь, что она осквернила себя принятием в свой епископат тех епископов, которые пали во время Диоклетианового гонения, т.е. выдали священные книги по требованию гонителей. Точнее, ситуация была такая. По возведению на Карфагенскую кафедру очередного епископа (это была главенствующая кафедра в латинской Африке) некоторые ревнители церковной чистоты

обвинили его в том, что один из трех рукополагавших его епископов был падшим. Это обвинение до сих пор так и не удалось доказать, однако разгорелся большой спор. Возник раскол, раскольники основали свою собственную иерархию и вступили в совершенно непримиримую борьбу с православным епископатом. Они объявляли падшим не только всех, кто выдавал церковные святыни, но и любого, кто имел с таковым общение. Эти раскольники, претендовавшие на исключительную чистоту, вступили в спор с Римом, и в этот спор пришлось вмешаться св. Константину, хотя он многократно отклонял от себя такую обязанность. Сначала, по просьбе донатистов, был созван собор в Риме, который их осудил. Потом был созван гораздо более представительный собор в галльском городе Арле, но раскольники не удовлетворились деяниями этих соборов, и тогда в дело пришлось вмешаться самому св. Константину, который, естественно, встал на сторону двух соборов.

Однако мы ошибемся, если будем представлять себе роль христианского императора в духе позднейших католических доктрин, которые отводили императору подчиненное место. Согласно им, император рассматривался, если следовать латинскому выражению, как мирская рука, как вспомогательная сила, которая проводит в жизнь решения церковных инстанций, помогает их осуществлению. Епископы-современники св. Константина и преемников св. Константина в основанном им Константинополе смотрели на дело совсем иначе. Это проявилось со всей очевидностью во время крупнейшего события в царствование св. Константина – Первого Вселенского собора.

Первый Вселенский собор, как вы знаете, собрался по поводу ереси Ария. Арий был пресвитером в Александрии – крупнейшем церковном центре, втором по величине городе империи, и, безусловно, первом по своему культурному значению. Это относится к культурной роли Александрии в языческом мире, и в такой же мере – в Церкви первых веков: Александрия, несомненно, и тогда, была не только интеллектуальным, но и богословским центром. Но сказанное вовсе не означает, что этот центр был непогрешим. Имеющая в себе всю полноту благодати и утвердившаяся на крови мучеников, Церковь, однако, еще не пришла в полноту своего исторического свершения, и в церковной жизни были, конечно же, и недостатки. Это проявлялось, кроме всего прочего, и в области богословия – два крупнейших богослова доконстантиновской эпохи – **Тертуллиан** на Западе и **Ориген** на Востоке – оба впали в ересь.

Ориген был как раз александрийцем. Еще при своей жизни он подвергся осуждению не столько из-за своих богословских позиций,

сколько по каноническим мотивам, хотя его влияние по-прежнему было очень сильным. Об Оригене мы будем говорить немножко подробнее, когда дойдем до Пятого Вселенского собора, окончательно его осудившего. А сейчас – о другом александрийском богослове – **пресвитере Арии**.

В Египте (Александрия – центр тогдашнего Египта) Церковь имела такую структуру: Александрия была огромным городом, который имел безусловное влияние на очень обширную область, куда входили территории Египта и современной Ливии. В этой области было очень много маленьких Церквей во главе с епископами, но все эти Церкви подчинялись авторитету александрийского епископа, и он правил иногда довольно круто, можно сказать диктаторски: век спустя святитель Иоанн Златоуст, в споре с александрийским епископом, называл его фараоном, определив этим названием диктаторский образ правления последнего. Лишь пресвитеры города Александрии несколько ограничивали власть александрийского епископа. Пресвитеры играли очень значительную роль в александрийской Церкви – они управляли большими секторами города и в своем управлении были довольно независимы от своего епископа.

И вот один из этих весьма высоких в Александрийской Церкви лиц, **пресвитер Арий**, выступил с лжеучением. Лжеучение Ария относилось к учению о Святой Троице, так что спор Церкви с Арием открывает эпоху тринитарных споров: споров о догмате Святой Троицы. Эти споры продолжались на протяжении 4-го века, и с ними связаны первые два Вселенских собора. В Евангелии от Иоанна Христос говорит: «Я и Отец – одно». Эти и другие подобные речения Священного Писания были всегда основой церковной веры в божественное достоинство Господа Иисуса Христа, на которое и покусился теперь Арий.

Учение Ария мы не можем установить с полной точностью, потому что собственных сочинений Ария не сохранилось, а в изложении его учения у полемизировавших с ним православных есть определенные противоречия. Однако, все-таки можно утверждать, что Арий учил о тварности Сына Божия, о том что Сын Божий сотворен Богом-Отцом прежде всех век, то есть совершенно ниспровергал учение Церкви о Святой Троице. Арий, однако, вовсе не утверждал, что Христос – это простой человек, и его учение заключается вовсе не в этом. Согласно ему, Христос – это человек, соединившийся с Сыном Божиим. Но сам Сын Божий – это по Арию, так сказать, божество низшего порядка.

Когда возник спор православных с Арием, св. Константин, как и прежде, надеялся, что ему не придется вмешиваться. Он думал, что

спорящие стороны послушают его увещаний и дела уладятся. Однако конфликт разгорался все больше и больше. И тогда, чтобы решить этот спор, св. Константин созывает Вселенский собор. Церковные соборы созывались и раньше, но они были гораздо меньшего масштаба. Это всегда были соборы местные, хотя такие соборы часто сообщали свои решения в важнейшие церковные центры. Теперь первый христианский император созывает Первый Вселенский собор. Этот собор Константин мыслит как императорское учреждение. В распоряжение епископов, которые должны были приехать на собор, он предоставляет средства императорской почты. Он не ограничивается ролью внешнего организатора собора. Император сам является на Собор, собравшийся в 325 году в малоазиатском городе Никее и председательствует на нем, хотя в этот момент он не только еще не крещен, но даже не вошел в число оглашенных. Мало того, что он председательствует, он предопределяет соборные решения.

Когда обсуждается главный спорный вопрос об учении Ария, и долгий спор ни к чему не приводит, в конце концов, предлагают выступить епископу Кесарии Палестинской Евсевию. Это был один из самых ученых епископов своего времени. Ему, по-видимому, как епископу того города, которому административно подчинен святой град Иерусалим, как епископу-хранителю предания Иерусалимской Церкви, поручается прочитать крещальный символ веры своей Церкви. В то время еще не было всеобщего Символа Веры. У нас есть Символ Веры, который называем Никео-Константинопольским. Ясно, что в то время еще не было ни Никейского, ни Константинопольского соборов. Однако это не значит, что вовсе не было никаких символов веры. Символ Веры – краткое изложение веры, которые оглашенные, т.е. готовящиеся к крещению, выучивали на память и должны были прочитать во время крещения – такой символ существовал в каждой Церкви. Например, на западе был особенно распространен так называемый Апостольский Символ Веры – более простой, чем ныне принятый у нас Никео-Цареградский. Когда епископ Евсевий прочитал символ своей Церкви, он понравился очень многим, но не потому, что он вносил ясность в спорный вопрос, а как раз потому, что он не содержал в себе ясного разрешения спорного вопроса и, таким образом, мог явиться почвой для компромисса, т.е. мог удовлетворить обе стороны. Тогда слово взял св. Константин. Он сказал, что очень хорошо принять этот символ, но нужно сделать одно добавление: нужно отметить, что Сын единосущен Отцу. Вот это слово «единосущный» и есть тот ответ, который Церковь дала на лжеучение Ария, и вместе с тем – важнейший результат Первого Вселенского Собора.

Однако не надо думать, что все обрадовались, когда услышали слово «единосущный». Это слово в свое время было на востоке скомпрометировано тем, что его употребляли савеллиане, т.е. те, кто сливал лица Святой Троицы. Поэтому восточные епископы не только не могли бы предложить этого термина, но и когда он был предложен св. Константином, отнеслись к нему весьма сдержанно. По всей видимости, св. Константину этот термин был подсказан западными епископами, прежде всего его придворным епископом Осией Кордубским из Испании (мы не должны забывать, что сам св. Константин был западным человеком – он родился и вырос в латинском мире: правил сначала в Галлии, потом в Италии и лишь за год до Вселенского собора распространил свою власть и на восточную часть империи, объединив все государство под своей державой). Однако же, подчиняясь давлению св. Константина, епископы, собравшиеся на Первый Вселенский Собор, приняли символ веры в той формулировке, которая была предложена императором. Так св. Константин довел Вселенский Собор до успешного конца, т.е. до осуждения Ария и до положительного вероучения, и затем, естественно, постарался, чтобы все приняли деяния этого Собора, хотя это было совсем нелегко – у Ария оказалось очень много друзей и сторонников.

Несмотря на противодействие, которое встретил св. Константин, он до конца своей жизни не поколебался и был верен никейской вере, т.е. православному учению, изложенному Первым Вселенским Собором, хотя друзья Ария и предприняли невероятные усилия, чтобы изменить мнение императора. Действия еретиков после Первого Вселенского Собора имели коварный характер. Они старались хитростью воздействовать на Константина, ибо видели, что он не станет сторонником Ария по существу. Поэтому начались всякие интриги, чтобы усилить позиции ариан. Прежде всего, сторонники Ария стали доказывать, что Арий не виноват в том лжеучении, которое было ему приписано и, таким образом, Собор напрасно его осудил. Иными словами, не желая покушаться на деяния собора, влиятельные сторонники Ария стали предпринимать усилия для его личной реабилитации. Сам Арий был не прочь действовать в таком лицемерном духе. Он соглашался воздерживаться от самых определенных суждений, однако «личное дело» Ария завершилось, когда его внезапно настигла смерть.

Но арианство не умерло со смертью Ария, причем арианам удалось буквально взять императора Константина «в кольцо». Одним из самых влиятельных епископов оказался Евсевий Никомидийский – другой Евсевий, а Никомидия была еще со времен Диоклетиана императорской

резиденцией. Хотя Константин как раз в эти годы отстраивал новую столицу – Константинополь, он по-прежнему бывал довольно подолгу в Никомидии, и поэтому влияние местного епископа превозмогло влияние православного Осии Кордубского, который был слишком почтенного возраста и не мог действовать так энергично, как прежде. Стремясь оправдать Ария в глазах св. Константина, еретики в то же время стремились дискредитировать перед ним наиболее видных противников Ария.

Самым замечательным борцом против арианства в эти первые десятилетия после первого Вселенского Собора считается, безусловно, Афанасий Великий, епископ Александрийский. Арианствующим удалось сделать так, что Афанасий подвергся ссылке и был вынужден провести несколько лет вдали от своей паствы на далеком Западе. Св. Афанасия обвиняли в том, что он вносит смуту в церковную жизнь, т.е. обвинения носили не догматический, а канонический характер, опять-таки по той причине, что догматические обвинения при св. Константине не достигли бы цели.

Св. Константин умер в 337 году, процарствовав более 30 лет. Самый значительный документ о жизни св. Константина это «Житие царя Константина», составленное одним из его придворных епископов – Евсевием Кесарийским. Это житие составлено в панегирическом духе, и поэтому многие сомневались в его исторической ценности. Однако в последнее время наука относится к исторической достоверности этого жития как к твердо установленному факту. Например, в египетских папирусах найдены те указы Константина, которые приводит в своей книге и Евсевий. Так или иначе, житие Константина было своего рода программой для всех последующих поколений, особенно для императоров, и то место в Церкви, которое оно отводит Константину, конечно, старались удержать за собой и его преемники, бывшие, так сказать, более «нормальными» христианами. Св. Константин принял св. крещение незадолго до смерти. Он считал, по-видимому, что невозможно быть императором, выносящим смертные приговоры и членом Церкви, тем более что царствование св. Константина было очень тяжелым, ему приходилось проявлять иногда жестокость даже к самым близким людям. Например, в свое время были казнены его жена и старший сын. Впоследствии императорами становились люди, которые приняли крещение уже в младенчестве или в юном возрасте.

В речах, которые Константин произносит у Евсевия перед собранием епископов или в письменных документах, которые он, согласно тому же

Евсевию, им адресует, император называет себя «епископом внешних дел Церкви», а также «сослужителем епископов». Первое выражение можно осмыслить по-разному. Некоторые понимают его так, что св. Константин считал своей целью привести язычников, которые находятся вне церковной ограды, внутрь ее – и только. Другие же – в том смысле, что св. Константин притязал устраивать внешнее бытие Церкви, в то время как другие устраивают внутреннюю ее жизнь. То, что рядом с первым выражением соседствует второе – «сослужитель епископов», – подтверждает скорее второе толкование, причем заметим, что это епископство Константина универсально, так же, как универсальна его империя. Это очень важно сознавать – ведь Римская империя всегда мыслила себя как государство всемирное. Если какие-то страны еще оставались вне власти римских императоров, то это понималось как какое-то историческое недоразумение, как положение ненормальное и временное. Империя была тождественна вселенной. Поэтому, между прочим, и патриарх второго Рима – Константинополя получил наименование Вселенского патриарха. И столь же вселенским было призвание самих императоров. Церковь называет св. Константина равноапостольным: подобно тому, как апостолы привели в Церковь Христову начатки верующих, так равноапостольный царь Константин создал условия для того, чтобы все подданные его империи стали христианами. Действительно, время Константина – это время массовой христианизации.

Лекция 5

Св. Константин до конца жизни оставался верен решениям I Вселенского Собора, но придворным интриганам удалось много сделать для подспудного пересмотра того, что совершилось в Никее в 325 году. В частности, они оклеветали перед императором святителя Афанасия Великого. Обвинение было чисто политическое: говорили, что он препятствует отправке кораблей с хлебом в Константинополь. Египет, где св. Афанасий был первосвященником, являлся житницей империи, и снабжение Константинополя, жители которого получали даровой хлеб (существовала такая столичная привилегия), полностью зависело от этой провинции. Такое обвинение, конечно, звучало очень грозно, в результате святой Афанасий был отправлен в далекую ссылку в г. Трир (современная Германия). Но, так или иначе, св. Константин держался Никейской веры, и при его жизни само догматическое влияние Никейского собора пересмотрено быть не могло.

Картина совершенно изменилась, после его смерти (337 г). Восстановив с большим трудом единство империи, он незадолго до кончины вновь разделил государство между тремя своими сыновьями. Двое из них – Констант и Константин – были православных убеждений, но им в управление досталась западная часть империи, в то время как получивший восточную часть Констанций, явно симпатизировал арианству. Положение становилось все более сложным и запутанным. С одной стороны, не все противники Никейского вероопределения были еретиками, среди них оказалось довольно много узких консерваторов, не желавших ничего менять. Для них Никейский символ был неприемлем уже потому, что содержал отсутствующее в Библии слово «**единосущный**» (по-гречески "омоусиос"), которое составляет догматическую сердцевину Никейского Символа.

С другой стороны, не все сторонники Никейского вероопределения были православными. Дело вот в чем. Как уже говорилось, еще в доникейский период православная триадология, т.е. православное учение о Святой Троице, сталкивалось с двумя противоположными заблуждениями. Одно из них – субординационизм, очень ярко представленный **Оригеном**, одним из самых прославленных богословов доникейского времени, настаивало на том, что вторая ипостась Святой Троицы ниже первой, а третья – ниже второй. Другой крайностью, также уводившей от православного понимания догмата о Пресвятой Троице, был **модализм**,

т.е. слияние трех ипостасей, отрицание их самостоятельности. Если арианство представляло собой крайнюю форму учения о Святой Троице, где отношение ипостасей понимались в смысле субординации, то среди защитников Никейского Символа встречались и представители противоположной крайности – модализма, или савеллианства. Но не было единодушия и среди ариан, там существовало несколько партий, и время от времени происходили перегруппировки. Отметим два основных направления среди арианства. Крайние ариане отрицали единосущие Отца и Сына; по содержанию своего учения они получили название **аномеев**, а по имени одного из главных представителей этого направления еп. Евномия, – стали называться также **евномианами**. Более многочисленны были умеренные ариане, которые провозгласили, что Сын подобосущен Отцу. Этот новый термин **«подобосущный»** вместо **«единосущный»**, по-гречески звучит почти так же, как и последний, т.е. – "омоусиос" (единосущный) отличается от – «омиусиос» (подобосущный) одной только лишней йотой. Здесь как бы исполняется евангельское слово о том, что ни одна черта, т.е. ни одна буква, ни одна йота не должна быть изменена, а как раз такое изменение и произошло. Эти **омиусиане** часто называются также **полуарианами**, хотя, по существу среди этих умеренных полуариан было много мысливших православно и только никак не желавших принять соборного термина «единосущный». Это выяснилось впоследствии, когда во время споров, продолжавшихся десятилетиями, православным, – прежде всего главе второго поколения православных защитников Никейского Символа – Василию Великому, удалось эту часть омиусиан привлечь на сторону Церкви.

Положение еще очень сильно осложнялось различного рода личными вопросами, спорами отдельных иерархов между собой и прочим. Арианствующий император Констанций в первый период своего правления вел себя вполне умеренно. Ему приходилось считаться с тем, что правивший на западе его брат Констант был православным. Но когда Констанцию после смерти остальных двух братьев удалось установить свое господство над всей империей, положение изменилось. С одной стороны, триумф Констанция мог рассматриваться как триумф христианства. Торжественно войдя в Рим, император вынес из здания сената статую и жертвенник Победы и этим положил конец официальному положению язычества в старой столице империи. Он провел против язычников столь широкие меры, на какие его отец никак не решался. Констанций много сделал для обращения в христианство варваров, – в царствование этого императора были, например, крещены готы (этим и

объясняется, почему готы приняли христианство в арианской форме и сохранили верность ему до середины VI века, пока их государства не были сокрушены святым Юстинианом). Но, с другой стороны, Констанций, будучи убежденным арианином, решил доставить победу арианству в церковном споре. Констанций созвал несколько соборов, и отношение к ним Церкви двойственно. Конечно, догматическая сторона их деятельности неприемлема, потому что они стремились, постоянно модифицируя изложение веры, уйти от Никейского вероопределения. Но с другой стороны, канонические деяния некоторых из этих соборов утверждены Церковью и поныне находятся в православной Книге правил. Там, среди правил поместных соборов, вы можете найти и принятые соборами Констанция. В конце концов императору удалось склонить на свою сторону римского папу Ливерия, который до сих пор мужественно сопротивлялся нажиму его стороны. В итоге папа Ливерий к концу своей деятельности пошел на компромисс с арианами и отказался от исповедания единосутия Отца и Сына.

Этот эпизод важно отметить по разным причинам. С одной стороны он показывает, что папы не являются непогрешимыми в католическом смысле этого слова, т.е. что они иногда впадают в догматические ошибки. С другой стороны, он интересен в свете того, что Ливерий, несмотря на малодушие, проявленное, правда, в очень трудных условиях, причислен был Церковью к лику святых. Его имя вы можете найти в нашем церковном календаре.

Но, несмотря на самые суровые меры, Констанцию не удалось склонить к арианству других мужественных защитников православия. После его смерти ситуация изменилась в иную сторону – началось краткое правление последнего представителя династии св. Константина – Юлиана, известного в истории как Юлиан-отступник.

Этот молодой император вырос в очень трудных условиях, условиях, порой кровавой распри среди родственников Констанция. Хотя Юлиан, в отличие от Константина и Констанция, был крещен в очень раннем возрасте, воспитан по-церковному и даже посвящен в степень чтеца, он с юности возымел огромную симпатию к язычеству. Это, конечно, печальный симптом, ибо таков был в ту пору не один Юлиан. Некоторые и, может быть, не столь уж малочисленные свидетели событий IV в. в той или иной степени оказались разочарованы их развитием, в частности, внутрицерковной распрей, которая наступила очень скоро вслед за тем, как св. Константин даровал Церкви так называемый «Константиновский мир», т.е. положил конец гонениям на Церковь со стороны язычников. И

вот при Юлиане начинается языческая реакция. Этот император правил около полутора лет. Очень скоро он пал в битве с персами, опаснейшими врагами империи, но его правление оставило заметный след. Ему не удалось развернуть крупных гонений. Он, впрочем, и не ставил себе такой цели. Злорадствуя по поводу распрей среди христиан, Юлиан думал, что надо лишь не мешать естественному ходу вещей, и тогда христианская Церковь самоуничтожится в своих внутренних войнах. Христиане преследовались только в случае возбуждения ими каких-либо беспорядков – в случае разорения языческих капищ и т. д. Правда, на местах представители администрации позволяли себе гораздо более жестокие репрессии, чем планировал сам Юлиан. Впрочем, и сам Юлиан к концу своего недолгого правления, видя, что его меры борьбы с христианством не достигают успеха, стал делаться все более жестоким.

Его царствование интересно тем, что оно со всей остротой поставило перед Церковью проблему отношения к языческой культуре или культуре вообще. Нельзя сказать, что эта проблема не возникала раньше. По ее поводу высказывались уже апологеты II и III веков. Какой же ответ они давали? За исключением немногих, например, сирийца Татиана, крайне негативистски относившегося к языческой культуре, большинство апологетов оценивало ее вполне положительно. Философия греческих язычников, говорили они, это такой же детоводитель ко Христу (выражение св. ап. Павла), как для евреев – ветхозаветный Закон. Такая положительная оценка сохранилась и у отцов IV в. Например, у св. Василия Великого есть специальное сочинение о пользе, какую может извлечь юношество из чтения языческих книг, причем пользу эту святитель, как это ни покажется нам странным, усматривает прежде всего в нравственных уроках, которые в них содержатся.

Можно сказать, что новая христианская культура, которая только при св. Константине получила возможность для всестороннего развития, возростала на базе языческой культуры, используя все, что в ней было пригодного – подобно тому, как улицы христианского Константинополя украшались статуями языческих скульпторов, а для его соборов использовались колонны и другие архитектурные элементы языческих храмов.

Юлиан-отступник понимал, что связь с культурой жизненно необходима для Церкви, и он решил расторгнуть эту связь, воспретив христианам обучаться в языческих школах. Он знал, что его соученики по афинской академии Василий Кесарийский (Василий Великий), Григорий Назианзин (Григорий Богослов), Григорий Нисский, брат Василия

Великого – все эти виднейшие борцы за православие в своей богословской работе используют также методы философской диалектики, и, по-видимому, хотел лишить Церковь такого оружия. Несмотря на то, что действие указа Юлиана, отделявшего школу от Церкви, продолжалось очень недолго, христиане успели выразить свое отношение к делу довольно оригинальным образом. В разных местах составляются книги, призванные заменить христианскому юношеству необходимый для образования классический круг чтения. Если у нас на Руси дети начинали учение с Псалтири, то в христианской Греции той поры не меньшее значение имели «Илиада» и «Одиссея». И вот появляется переложение Евангелия языком этих гомеровских поэм, а вскоре, под пером святителя Григория Богослова – изложение событий Страстей Господних и Воскресения в форме античной трагедии под названием «Христос страждущий». Тем самым Церковь засвидетельствовала свое творческое отношение к античному наследию и показала, что создаваемая ею новая христианская культура не порывает с ним целиком.

Попытка Юлиана ниспровергнуть христианство была обречена на провал. Сами его намерения таили в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, он выступал убежденным сторонником язычества в самых архаических, эпатазирующих даже самих язычников, формах, с другой – прекрасно сознавал бессилие современного ему язычества. Он пытался реформировать язычество по образцу христианской Церкви. Юлиан даже не стеснялся в некоторых случаях ставить Церковь в образец язычникам, указывая, к примеру, на благотворительные учреждения христиан, совершенно отсутствующие в языческой среде. После смерти императора-отступника, оказавшегося последним язычником на римском троне, язычество очень быстро пришло в полный упадок. В угасании язычества не было ничего внешне драматического. И, хотя последние представители старого языческого мира принимали это событие как катастрофу, никаких внешних потрясений при этом не было, не было и никаких особенных насилий, гонений. Разумеется, издавались строгие императорские указы, но язычники не обладали героизмом христианских мучеников и предпочитали ступать перед лицом государства, которое окончательно и воинствующим образом стало на сторону христианства.

После Юлиана власть в восточной империи еще некоторое время принадлежала арианам, но потом здесь воцарился Феодосий I Великий. Этот выходец из Испании держался строго православных убеждений и положил решительный конец арианству. В начале своего правления Феодосий Великий царствовал только в восточной части империи; как раз

в это время, в 381 г. он и созвал Второй Вселенский Собор. Этот Собор должен был подтвердить деяния Первого Вселенского Собора, т.е. осудить арианство – и, в частности, ответвление арианства, ересь так называемых духоборцев, которые в русле арианского учения отрицали божественность Третьей ипостаси Святой Троицы. Эту ересь называют также македонианской, однако происхождение такого названия внушает недоумение, ибо известный в истории епископ Македонии, по-видимому, вовсе в нем неповинен. Кроме того, Собор должен был решить несколько очень запутанных личных вопросов. В смутные годы споров с арианами на местах возникали иногда тяжелые конфликты среди различных партий, и даже среди самих православных. В самом Константинополе, например, при господстве ариан была православная община, которую в качестве епископа возглавил святитель Григорий Богослов, своими проповедями много содействовавший торжеству православия. Но в то же самое время при поддержке александрийского архиепископа и при содействии Запада получил епископское посвящение некий философ Максим Киник. Таким образом, в Константинополе наряду с арианским стало два православных епископа, оспаривавших полномочия друг у друга. Такая же ситуация была в другом крупнейшем центре – Антиохии.

События Второго Вселенского Собора чрезвычайно ясно показали, что он и мыслился, и фактически был императорским учреждением. Он признавал себя вселенским, однако был созван как Собор одной лишь восточной части империи (где только и правил тогда Феодосий). Запад не был официально представлен на нем. На I Вселенском Соборе архиепископа римского представляли два его посланца-пресвитера (такие папские представители и на Соборах, и в других случаях назывались легатами). И вот это создало прецедент: на последующих соборах папы тоже отсутствовали, присылая на них своих легатов. Однако на II Соборе никаких папских легатов не было. Нельзя сказать, впрочем, что Запад совсем отсутствовал на Соборе, поскольку там был архиепископ Фессалоникийский. Этот архиепископ был близким Риму человеком. В то время г. Фессалоники втягивался в орбиту римского влияния, хотя патриархатов в позднейшем смысле еще не существовало (они оформились лишь в V веке). Но когда границы патриархатов сложились, Фессалоники попали в юрисдикцию Рима и несколько веков в ней оставались. Цепляясь за эту деталь, западные католические историки утверждают, что архиепископ Фессалоникийский и был официальным представителем папы на Соборе. На самом деле это было не так, и попал он на Собор, скорее всего, по приглашению самого Феодосия, ибо

незадолго до этого Феодосий был крещен этим самым Фессалоникийским архиепископом. Между прочим, римские папы признали Константинопольский Собор 381 г. как вселенский лишь много позднее, в конце VI века. Собор дополнил Символ Веры.

Как вы знаете, наш Символ Веры, который мы читаем и поем за богослужением, называется Никео-Константинопольским. Его можно было бы назвать просто Константинопольским, потому что в его нынешней форме он был изложен именно на II Вселенском Соборе. Для ниспровержения еретиков-духоборцев туда были добавлены последние члены, в частности, о Духе Святом. Собор издал также четыре канона (правила) – куда меньше, чем Никейский I Вселенский Собор. Вот одно из правил Константинопольского Собора, третье, которое имеет очень большое значение, поскольку там устанавливается первенство Константинопольской кафедры. Константинопольская епископская кафедра объявляется второй по чести после Римской, и это обосновывается в тексте канона тем, что Константинополь есть новый Рим, т.е. выдвигается чисто политический аргумент. Так как Константинополь – это новая столица империи, то и ее епископ получает почти такое же значение, как епископ древнего Рима. Это совершенно не соответствовало римским представлениям.

В Риме в IV в. уже сложилось совершенно отчетливое учение о первенстве Римской кафедры, которая имеет власть над всей Вселенской Церковью. Это учение, в частности, выражал современник Собора папа Дамас, хотя его утверждения встречали решительное сопротивление на Востоке (об этом свидетельствует, например, его обширная переписка со святителем Василием Великим – очень острая и конфликтная по своему содержанию). Притязания римского епископа в общем и целом не находили никакого признания на Востоке. Если же кто-то из восточных иерархов высказывался в пользу таких притязаний, то это делалось по чисто тактическим соображениям – в тех случаях, когда Запад мог оказать реальную помощь в борьбе против ереси. Надо сказать, что Рим, который находился в более благоприятных условиях, поскольку дольше жил под властью православных императоров, на протяжении IV в. выступал как принципиальный противник арианства, и как защитник отдельных гонимых поборников православия на Востоке. Например, отстаивая интересы святителя Афанасия Великого, Рим обосновывал свои притязания на первенство не тем, что Рим – первая столица империи, а тем, что он – кафедра святого Петра, первого из апостолов. В Риме в IV в. уже существовала доктрина о том, что кафедры апостола Петра должны

первенствовать во всей Вселенской Церкви.

Этих кафедр три: кроме Римской, к ним причисляли еще Александрийскую кафедру, как основанную ближайшим учеником ап. Петра евангелистом Марком, и Антиохийскую (Антиохийская Церковь возникла очень рано и ее начало, без сомнения, тоже как-то связано с апостолом Петром). Вот три кафедры Петровы, среди которых первенствует Римская. Кафедра Рима – это место где, как считали на Западе, ап. Петр епископствовал около четверти века, и где он принял мученическую смерть (как единодушно говорит церковное предание), так что ей отводилось первенство. Таково было римское представление о церковной структуре. Надо сказать, что эти римские притязания не только на Востоке не встречали в то время никакой поддержки, но и на самом Западе далеко не у всех вызвали сочувствие. Например, как раз в те годы, когда произошел II Вселенский Собор, одной из крупнейших кафедр в Италии была Миланская (Медиоланская) кафедра, ее занимал в то время один из самых замечательных отцов западной Церкви Амвросий. Но эта кафедра имела большое значение не благодаря влиянию этого великого иерарха, а потому что Милан в то время стал императорской резиденцией, т.е. возвысился в силу тех же самых причин, что и Константинополь. И когда святитель Амвросий энергично оспаривал действия Восточной Церкви на II Вселенском Соборе, обвиняя ее чуть ли не в расторжении уз церковного единства, он при этом и не думал ссылаться на первенство кафедры Петра. У него было совсем другое церковное мышление. Амвросий считал, что все позднейшие вопросы должны решаться Церковью сообща, на общем соборе епископов.

На II Вселенском Соборе в одном из правил говорится также о том, что епископ ничего не должен делать за пределами своего диоцеза, т.е. Собор стремился придать Церкви четкую каноническую структуру. Надо сказать, что и задолго до этого территориально-административный строй Церкви более или менее соответствовал таковому же строю империи. Теперь Собор стремится это закрепить законодательно. А структура империи была довольно сложной. Существовали мелкие территориальные единицы, которые назывались «провинции», или, по-гречески «епархии». Затем – более крупные, объединявшие несколько епархий каждая, они назывались греческим словом «диоцез»; несколько диоцезов объединялись в еще более крупные единицы, под названием «префектуры». И вот в церковном строе появляются такие же структурные единицы. Поместные Церкви во главе с епископом получают наименование епархий, заимствованное из государственно-административного словаря.

Несколько епархий объединяются в округа, которые можно назвать митрополичьими, во главе их стоят иерархи с титулом митрополитов или архиепископов. И, наконец, возвышается несколько кафедр, которые имеют главенствующее значение и которые стремятся объединить вокруг себя несколько диоцезов. Это Римская, Константинопольская, Александрийская, Антиохийская кафедры. Затем такое же положение, в силу особого исторического и священного значения города Иерусалима придается и Иерусалимской кафедре, (хотя реально Иерусалимская Церковь гораздо меньше влияла на жизнь Церкви Вселенской, чем прочие важнейшие кафедры).

На Востоке римская аргументация не могла иметь никакого веса по следующей причине. Если на Западе Рим возвышался, чуть ли как не единственная кафедра апостольского происхождения, на Востоке таких кафедр было очень много: в Малой Азии, конечно же, в Палестине, в Греции и т. д. Апостольское происхождение кафедры не считалось уникальным и не влекло автоматически каких-то привилегий. Разумеется, в событиях II Вселенского Собора появилась некоторая отчужденность Востока и Запада, но впоследствии западная Церковь приняла деяния II Вселенского Собора во всем их объеме, включая даже правило о преимуществах Константинопольской кафедры. Так что в то время Церковь еще была единой, хотя местами уже начинали пробегать трещины, и мы не можем этого замалчивать. Конечно, то, что трещины эти совпадали с границами двух больших частей империи, делало углубление разрыва весьма и весьма вероятным.

Лекция 6

Итак, в IV в. произошел важнейший перелом в церковной истории, когда святой Константин даровал Церкви мир, и началось возрождение всего общества. Если в начале века христиан было никак не больше десяти процентов, то к концу века христианизация стала почти полной. Но нужно сказать еще об одном важнейшем явлении, которое возникло в IV в. IV в. – это век становления монашества. Монашества как особого института в древней Церкви не было, но аскетический идеал там всегда существовал. Он выражен, прежде всего, в Священном Писании Нового Завета. Вместе с тем уже в древности возникли особые институты, которые можно считать предшественниками монашества, – скажем, институт девственников, а также институт вдовиц. О вдовицах, посвящавших свою жизнь служению Церкви, говорит в своих посланиях св. ап. Павел. Но это еще не было монашеством в позднейшем смысле.

Монашество зарождается во второй половине III в. Начало IV века, как я уже говорил, совпало с диоклетиановыми гонениями, затем последовали десятилетия мирной жизни, когда начался приток в Церковь очень многих вчерашних язычников, и в результате общий уровень духовно-нравственной жизни христианского общества снизился. И вот, как реакция на это снижение появляется монашество.

Монашество было не просто протестом против обмирщения Церкви, против того, что церковное общество захватывалось в какой-то степени стихиями мира сего. Оно было, прежде всего, исканием Царства Божия и правды Божией. В монашестве, в вечном его идеале, очень силен эсхатологический момент, эсхатологическая направленность.

Родиной монашества стал Египет. Первый великий египетский подвижник – это преп. Антоний, который прожил больше ста лет (умер в середине IV в). Но преп. Антоний имел учителя, им был преп. Павел Фивейский, и, значит, какие-то единичные случаи такого подвижничества, были и до преп. Антония. Преп. Антоний Великий происходил из довольно простой, хотя и зажиточной египетской семьи. Здесь очень важно с самого начала отметить национальную принадлежность. Он жил в эллинистическом Египте, но едва ли мог говорить по-гречески, его родным языком был коптский язык. Поэтому главный биограф преп. Антония святитель Афанасий Великий называет его человеком неученым и некнижным. И действительно, мы ничего не знаем о литературной деятельности преп. Антония, Позднее ему были приписаны довольно

пространные аскетические творения, которые явно ему не принадлежат (собраны в первом томе Добротолюбия). Желая что-то передать своим ученикам, он обычно диктовал; как правило, то были не очень пространные послания. Преп. Антоний создал отшельнический тип монашеской жизни. Он стремился к полному молитвенному уединению, но ему не удавалось уйти от людей: слишком многие шли к нему за духовным советом, а некоторые – чтобы и навсегда остаться при нем, стать его учениками, принять его образ жизни. Ученики преп. Антония селились в отдельных жилищах» – каждый в своем собственном, на некотором расстоянии от преп. Антония. Так, чтобы удобно было собираться на общую молитву и вместе с тем – пребывать целыми днями в молитве келейной. Этот тип монашеской жизни имеет свои преимущества. И до сих пор есть монахи, подвигающиеся в одиночку или в небольших скитах, где живут по двое-трое. В частности, на святой горе Афонской есть подвижники, которые живут в отдельных кельях или даже пещерах. Но такой образ монашеской жизни, естественно, имеет и свои особые трудности. В том же Египте другой великий учитель монашества, преп. Пахомий Великий, создал совсем иной тип монашеской жизни, тип, который получил название «общежительного» монашества. В общежительных монастырях живет вместе большое число монахов. Жизнь в монастырях Пахомия была организована иначе, чем, как в современных обителях. Он объединил под своим началом целую группу монастырей, которые подчинялись единому, разработанному им уставу (Пахомий – первый составитель монашеского устава), и единому возглавлению. Каждый из них имел своего настоятеля, но все настоятели подчинялись преп. Пахомию и его преемникам. Такие главы таких больших монашеских общин получили наименование архимандритов, это название происходит от слова «мандра» (что значит «овечий загон»).

Если отшельники, предаваясь самым строгим подвигам и добровольным лишениям, пренебрегали также ручным трудом, то в общежительных монастырях труд стал одной из главных основ общинной жизни. Значительную долю практикуемой там аскезы составляло именно неустанное рукоделие. Общежительные монастыри очень рано, уже при преп. Пахомии, получили большое хозяйственное значение. Производя очень многое своими силами, они, кроме того, давали, выражаясь нашим языком, батраков для сезонных работ во время уборки урожая, что было в хозяйственной жизни Египта весьма важно. Общежительные уставы отличались крайней суровостью, там были элементы, можно сказать, казарменной дисциплины. У Шенуды, одного из виднейших учителей

египетского монашества конца IV – начала V в. в монастырях находили даже телесные наказания. Этот Шенуда умер через сто с лишним лет после того, как Египет в значительной части отпал от православия, поэтому в православных святцах он не значится, но для египетских монофизитов один из главных учителей.

Слава египетского монашества быстро разнеслась по всему христианскому миру. Начали появляться обители в Палестине, в Сирии, в окрестностях Антиохии; серьезнейшее внимание на монашескую жизнь обратил один из отцов Церкви святитель Василий Великий. Он сам приехал в Египет, чтобы своими глазами увидеть жизнь египетских монахов, а затем и у себя на родине организовал монашескую общину. Ему недолго пришлось там оставаться – он был призван на церковное служение в сане пресвитера, а потом епископа. Однако Василий составил монашеские правила, и его устав тоже сыграл очень серьезную роль в истории монашества.

Монашество, хотя и не без некоторых трений, стало развиваться также на Западе, во всем вдохновляясь восточным образцом. Здесь нужно назвать, прежде всего, двух лиц – блаж. Иеронима Стридонского, который, можно сказать, большую часть своей жизни прожил на Востоке и в своих многочисленных творениях познакомил западный мир с подвигами восточного монашества. Блаж. Иероним известен, прежде всего, как редактор и переводчик Библии на латинский язык. Другой видный учитель западного монашества – пресвитер Руфин – переводил творения восточных отцов о монашеской жизни. Один из величайших западных богословов блаж. Августин в самом начале своего обращения в христианство увлекся монашеским идеалом и сразу же после крещения организовал вокруг себя монашескую общину. Когда он стал епископом, то преобразовал эту общину в коллегию пресвитеров при нем, и это имело значение для развития западного монашества и западной церковной жизни в целом. В своей епархии Августин стремился организовать жизнь священников в своей епархии по образцу жизни монашеской общины. И это стремление, в общем, вполне понятно, потому что монашество первоначально как бы не вписывалось в жизнь церковной общины. Монахами были те, кто выходил за пределы, так сказать, обитаемого людьми мира. Монахи удалялись в пустыни, где вообще никого не было, и подавно не было организованной церковной жизни – ни епископов, ни священников, ни храмов. У нас, в русских монастырях, уже очень давно установилась традиция всех подряд монахов рукополагать в сан священника или дьякона, и сейчас там практически нет простых монахов – только

иеродиаконы и иеромонахи, и, естественно, в большом числе игумены, архимандриты. В древнем монашестве было совсем не так. Монахи не только не спешили принимать священный сан – они этого всячески избегали, прежде всего, по смирению. Но это, конечно, остро ставило вопрос об их церковном статусе. Разумеется, у таких великих подвижников, как преп. Антоний, все время гостил кто-то из священников или епископов, и все, кто был вокруг него, могли постоянно окормляться, принимать Святые Тайны. Но это не являлось нормой, ведь были и такие подвижники, которые жили в полном одиночестве и могли подолгу не причащаться, что не соответствовало принципам древней Церкви. И совершенно естественно, поэтому, что епископат стремится включить монашество в общую церковную структуру, в общинную жизнь Церкви. Но это не всегда и не везде так прямо удавалось.

В Западной Церкви, например, монахи и до нашего времени не подчиняются епископату, но имеют свою собственную юрисдикцию, которая существует совершенно независимо, так сказать, параллельно с поместной епископской юрисдикцией. Что же касается нашей Церкви, то и здесь тоже были обстоятельства, способствовавшие сохранению монахами в разных случаях независимости от епископской власти. Например, в Восточной Церкви значительно развилось так называемое «ктиторское право», т.е. основатель, строитель, благодетель монастыря мог в очень широком объеме определять жизнь основанной им обители. Он писал устав, а если к тому же имел и большое влияние, то фактически мог изымать свой монастырь из любой юрисдикции. Например, знаменитые монастыри святой горы Афонской принадлежали, по ктиторскому праву, византийским императорам и, потому на практике не подчинялись епископату. Хотя, конечно, у них были тесные духовные связи с епископатом. Положение изменилось только в XIV в., когда государи слабеющей империи подарили Афон константинопольским патриархам. С тех пор Константинопольский патриарх осуществляет юрисдикцию над Афонскими монастырями, но Афон по-прежнему сохраняет значительную автономию.

В некоторых катехизисах, а также у некоторых древних отцов Церкви говорится о трех служениях Христа Спасителя – священническом, царском и пророческом. Можно сказать, что эти три служения в церковной жизни раскрылись в полной мере в IV в., когда в Церкви, наряду со священническим служением, возникло еще особое царское служение и – в форме монашества – пророческое служение. Отсюда можно видеть, что монашество имеет свою собственную, так сказать, харизму, свои

собственные духовные дарования. И, хотя монашество в ходе церковной истории тесно переплелось с иерархической структурой Церкви – вплоть до того, что епископов стали ставить исключительно из монахов (это возникло не сразу, правда) – но все-таки есть принципиально особое явление, которое не сводимо к священству.

Первоначально монашество развивалось в среде простонародной, но уже во второй половине IV в. в его рядах насчитываются и многие просвещенные люди. Я уже назвал св. Василия Великого. У св. Василия Великого был ученик по имени Евагрий. Этот ученейший человек жил сначала в Каппадокии, затем вместе со св. Григорием Богословом, который рукоположил его в сан диакона, переселился в Константинополь. Но затем, не пожелав жить в этом огромном и не самом высоконравственном городе, Евагрий удалился в египетскую пустыню. Он вел очень суровую подвижническую жизнь, зарабатывал на жизнь перепиской книг и был первым, кому удалось выразить духовный опыт монашества в богословских понятиях. Но здесь не обошлось без некоторых уклонений от прямого пути православия. Дело в том, что Евагрий, как и многие его современники, был почитателем Оригена. Евагрий слишком сильно увлекся Оригеном, и это отразилось в его аскетических творениях, в частности, в том, что процесс спасения он понимал слишком платонически, как своего рода развоплощение, освобождение от всего телесно-материального. Евагрий умер в 399 г., и очень скоро после этого в египетской Церкви разгорелся спор относительно его учения. У него было много почитателей и последователей, и в то же время нашлись богословы, которые разглядели опасность в евагрианском платонизме. Александрийский архиепископ Феофил, поначалу сам увлекавшийся Евагрием, в конце концов осудил его последователей, и им пришлось покинуть пределы египетской Церкви. Они нашли убежище в Константинополе. В это время Константинопольский архиепископский престол занимал один из величайших отцов Церкви святитель Иоанн Златоустый. И вот, из-за того, что св. Иоанн приютил этих монахов, несколько не думая этим поддержать оригенизм, возник конфликт между Александрией и Константинополем. Кроме непосредственных богословских и церковно-канонических причин, он имел причины церковно-политического свойства. Дело в том, что в Александрии многие были раздражены возвышением Константинопольской кафедры. Ранее первой епископской кафедрой всего Востока была Александрия. С возвышением кафедры нового столичного города, которую Второй Вселенский Собор объявил следующей по чести после Римской, она

оказалась впереди Александрийской.

Произошел конфликт. Император по совершенно непринципиальным и даже своекорыстным соображениям встал на сторону Александрийского архиепископства, а собственного архиепископа предал, так что св. Иоанн Златоуст был осужден, и отправлен в ссылку, где и умер. Эти обстоятельства имеют значение для дальнейшего и в том или ином виде отражаются в событиях, связанных с Третьим Вселенским собором. Константинопольские императоры поняли свою ошибку, большой свой грех, и состоялось торжественное их покаяние. Мощи св. Иоанна Златоуста были торжественно возвращены в столицу. А затем, уже в конце 20-х гг. V в., когда в очередной раз встал вопрос о замещении константинопольской архиепископской кафедры, решили, как бы в память о величайшем христианском проповеднике св. Иоанне Златоусте пригласить на патриаршество другого видного проповедника из того же города, откуда пришел в Константинополь св. Иоанн Златоуст, т.е. из Антиохии.

Новый архиепископ, или, как уже в это время стали говорить, патриарх, носил имя Нестория. Он действительно был весьма видным проповедником в Антиохии и отличался строгой подвижнической жизнью. Став архиепископом столицы, он, кроме того, проявил себя как очень деятельный администратор. Несторий весьма активно боролся с различными ересями, хотя его руководящим принципом в борьбе с ними было постоянное обращение к светской власти. В одной из первых своих речей он, взывая к императору, воскликнул: «Дай мне вселенную, свободную от ересей, и я дам тебе Царство Небесное». Имея властный и беспокойный характер, Несторий с самого начала вступил в конфликт с жителями столицы, вверенной его пастырскому попечению. Население Константинополя уже в это время почитало Пресвятую Богородицу как покровительницу их города. Почитание Пресвятой Богородицы было давней церковной традицией, слово «Богородица» встречается уже у богословов III в., например, у выше упомянутого Оригена. Несторий решительно выступил против этого наименования Пресвятой Девы, говоря, что нельзя называть Богородицей ту, что родила человека. Жители Константинополя почувствовали, что это еретическое учение, и они не ошиблись, потому что здесь речь шла, конечно, не только о почитании Пресвятой Богородицы, но и о самом Христе Спасителе. Несторий в своем богословии разделял единого Христа-Богочеловека на две личности. Он говорил, что все евангельские речения о Христе нужно строго разделять на те, которые относятся к Богу, и те, которые имеют в виду человека. Бог

живет в человеке Иисусе как в храме. Соединение Божества и человечества во Христе Несторий описывает в таких терминах, что получается соединение внешнее, не онтологическое, а только, так сказать, моральное соединение, подобно тому, как Бог живет в святых Своих, пророках, например. Именно так, хотя в совершенно особой степени, Бог, согласно Несторию, вселился и в человека Иисуса.

Это сказано в общих и, может быть, слишком заостренных чертах; возможно, учение Нестория было несколько тоньше, но оно было более или менее таково. И вот, когда это учение было сформулировано с Константинопольской кафедры, оно вызвало бурю негодования всей Вселенской Церкви. Почему это негодование вспыхнуло только в Константинополе, почему в Антиохии никто не обратил внимание на опасные тенденции Нестория? Дело в том, что Несторий вполне вписывался в ту среду, где вырос, он принадлежал к так называемой антиохийской школе и всего лишь доводил до крайности те тенденции, которые и раньше существовали у других богословов. Например, последующее суждение Церкви вскрыло такие же тенденции у двух виднейших антиохийских богословов – Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуэстийского, эти имена мы должны запомнить. Диодор был епископом города Тарса в Киликии (родина святого апостола Павла), жил во второй половине IV в., Феодор был сверстником Иоанна Златоуста и его сподвижником одно время. Так что в Антиохии Несторий не обратил на себя внимания своими еретическими высказываниями, там он почитался православным. Но теперь он вызывает острое противодействие сначала своей собственной паствы, а затем в дело включается и александрийский архиепископ св. Кирилл. Св. Кирилл был племянником и преемником того самого Феофила, который вступил в конфликт со св. Иоанном Златоустом. Но дело, конечно, не в этом. Дело в том, что богословское видение Нестория и Кирилла оказалось диаметрально противоположным. Богословие св. Кирилла документировано очень хорошо. Сохранились многие его творения, в том числе составленные им еще до начала споров с Несторием, и мы можем говорить о внутренней цельности его богословия. Он не изменял себе, и острейшим образом реагировал на высказывания Нестория именно потому, что совершенно правильно узрел в них ересь.

Св. Кирилл начинает деятельную переписку. Он обращается к самому Несторию в весьма почтительных письмах, на которые Несторий отвечает с пренебрежением и полупрезрительно. Он обращается к императору, к царицам, т.е. к супруге и сестре императора (в это время уже правил новый император Феодосий II), обращается также в Рим. Кроме своего

собственного анализа богословия Нестория, он отправляет в Рим текст проповедей Нестория, чтобы и там могли вынести объективное суждение. Со своей стороны, Несторий тоже вступает в переписку с Римом по этому вопросу и также отправляет туда свои проповеди.

Римский папа св. Келестин, или Целестин, решительно встает на сторону св. Кирилла. Творения св. Кирилла, направленные против богословия Нестория, получают распространение, и, со своей стороны, тоже вызывают весьма неоднозначную реакцию, и не только потому, что богословское видение св. Кирилла решительно отличалось от позиций Нестория. Дело еще в том, что св. Кирилл в своих творениях пользовался некоторыми богословскими сочинениями IV в., которые имели еретическое происхождение, и это нуждается в более подробном изъяснении.

В IV в. жил еретик Аполлинарий Лаодикийский, который сформулировал неправильное христологическое учение. Он исходил из антропологического представления о трехчастной человеческой природе, состоящей из духа, души и тела. По учению Аполлинария, во Христе отсутствовало, свойственное человеческой природе, высшее духовное начало. Христос не имел человеческого духа, или, по другой терминологии, человеческой разумной души, ибо вместо нее была ипостась Слова Божия. Таким образом, выходило, что Аполлинарий отрицал полноту человечества во Христе. Учение Аполлинария было осуждено еще в IV в., и его сторонники постарались обеспечить ему будущее следующим обманым способом: они пустили в обращение богословские сочинения Аполлинария, надписав их самыми чтимыми именами отцов Церкви, например, св. Афанасия Великого. Св. Кирилл, имея в руках эти аполлиналирианские подлоги, был твердо уверен, что они принадлежат тем, чьими именами они надписаны. Пользование этими сочинениями приводило к тому, что терминология св. Кирилла была непоследовательной, и он вполне мог на терминологическом уровне противоречить сам себе. Это происходило еще и потому, что святитель, имея совершенно правильное богословское видение, считал себя обязанным пользоваться формулами еретического происхождения. Самая знаменитая из них имела очень печальное значение в последующей церковной истории, это формула: «единая природа Бога Слова воплощенная». Противники св. Кирилла совершенно верно усмотрели, что он пользуется аполлиналирианскими сочинениями. Не желая вникать в его собственное богословие, они объявили его приверженцем ереси Аполлинария.

Против св. Кирилла, таким образом, восстали не только те, кто был полностью и до конца солидарен с Несторием, таких было довольно мало. Против него восстали и некоторые совершенно православно мыслящие люди. И вот в такой чрезвычайно трудной обстановке пришли к решению созвать Вселенский собор. Вселенский собор мог быть созван только императором. Обычно императоры если не фактически, то, во всяком случае, формально руководили соборами. Соборы заседали в императорских резиденциях, как в Никее, например, в Константинополе, где произошло три из семи Вселенских соборов, или в Халкидоне, который тоже был императорской резиденцией. Здесь же император решил назначить местом заседания, так сказать, нейтральную почву, и ею стал город Эфес в западной части Малой Азии, который находится как бы на полпути от Константинополя до Александрии. По этой причине в организации собора были существенные изъяны. На собор его участники прибывали с большим опозданием. Св. Кирилл со своими епископами прибыл раньше других. Он заручился полной поддержкой местного епископа Мемнона. Кроме епископа, св. Кирилл привез с собой много монахов, а также низших служителей Церкви. И эти совершенно простые неученые люди буквально терроризировали весь город: они ходили по улицам с криками «Смерть несторианам!». Проходил срок, назначенный в императорском указе как время начала соборных заседаний, но не было еще антиохийских епископов, составлявших главную опору Нестория, не было и римских представителей. Подождав неделю-две, – тогда были другие средства передвижения, и это вполне понятно, – св. Кирилл решил открыть собор. Императорский чиновник, командированный императором для участия в соборе, решительно воспротивился этому. Однако, невзирая на протесты, св. Кирилл открыл заседание. Несторию неоднократно было предложено явиться на собор, чего он не сделал. Собор осудил его. Через некоторое время прибыли сирийские, или как их называли, восточные, епископы во главе с архиепископом Иоанном Антиохийским. Их было гораздо меньше, чем участников уже открывшихся заседаний Собора, но они и не пожелали присоединиться к его работе. Вместе с Несторием и с представителем императора новоприбывшие устроили свой собственный собор, так называемый, «соборик». Через некоторое время прибыли и представители римского папы, подтвердившие то осуждение Нестория, которое было изречено на Соборе под председательством св. Кирилла Александрийского. Это все происходило летом 431 г., после Пятидесятницы (как раз на Пятидесятницу и должен был открыться Собор). Возникла неразрешимая, по-видимому, ситуация – два собора

выносят противоположные решения. Император в полной растерянности хотел как бы игнорировать фактическое положение дел и утвердил деяния обоих соборов. Он подтвердил низложение Нестория, но, вместе с тем, подтвердил и низложение св. Кирилла, провозглашенное на «соборике» Нестория, а, кроме того, распорядился отправить этих двух епископов вместе с Мемноном Эфесским в тюрьму.

Но все ждали настоящего решения, поэтому император согласился принять представителей Эфесского собора в одной из своих резиденций в Халкидоне, на азиатском берегу против Константинополя. В ходе очень тяжелых и трудных переговоров Феодосий II в конце концов санкционировал низложение Нестория и согласился вернуть св. Кирилла на его кафедру. Однако, этим не был преодолен раскол, который возник в Эфесе – раскол между Александрией и Римом, с одной стороны, и Антиохией, с другой. Под давлением императора и при очень больших миротворческих усилиях св. Кирилла в течение двух лет продолжались переговоры с Антиохией. Эти переговоры успешно окончились в 433 г., когда было выработано соглашение между Александрией и Антиохией. К сожалению, Эфесский собор заседал в таких трудных и ненормальных условиях, что он не дал вероопределения. Мы знаем, что и первый Вселенский собор, и второй Вселенский собор такое вероопределение дали. Эфесский собор этого не сделал, на нем были читаны послания св. Кирилла Несторию, которые были признаны православными, и послания Нестория к св. Кириллу, признанные еретическими. Но собственного вероопределения собор не дал, и поэтому настоящим богословским итогом третьего Вселенского собора можно считать этот договор 433 г., который обычно как некоторые другие важные документы называется по своим первым словам «Да возрадуются небеса».

В этом тексте св. Кирилл признавал некоторую правоту своих антиохийских оппонентов. И те, и другие сходились на осуждении Нестория, и в то же время в Антиохии у многих было такое впечатление, что св. Кирилл отказался от крайностей своего собственного богословия. На самом деле, наверное, нужно понимать события по-другому. Как я уже сказал, в богословии св. Кирилла была внешняя терминологическая двойственность, и он много делал, чтобы ее преодолеть, хотя никак не мог отказаться от некоторых своих формул, как, например: «Единая природа Бога Слова воплощенная». Церковный мир, восстановленный с такими усилиями св. Кириллом и св. Иоанном Эфесским сохранялся до смерти св. Кирилла в 444 г.

Лекция 7

В результате III Вселенского Собора Церковь приблизилась к формулированию христологического догмата, но сама формула еще не была дана, поскольку III Вселенский Собор, ограничился признанием православного характера некоторых текстов св. Кирилла и отказом в таком признании двум посланиям Нестория св. Кириллу. Это еще не было в собственном смысле определением веры. Вследствие осуждения Нестория, который закончил свои дни в далекой египетской ссылке, от Церкви откололись его последователи – образовалась несторианская община. Родиной самого Нестория и родиной несторианства как особого богословского явления была Сирия. О Нестории говорили, что он персидского происхождения – в то время «персами» называли не персов в собственном смысле, а восточных сирийцев. Сирия была предметом спора между великими державами, между Римской империей и Персидским государством, и эта постоянная вражда двух царств сказалась на истории несторианской общины. Постепенно несторианство оказалась вытесненным из Западной Сирии, и локализовалось в Восточной Сирии, которая принадлежала Персии. Это, конечно, связано с большим влиянием в Сирии таких богословов, как епископ Феодор Мопсуэстийский, о котором я уже упоминал, в свое время – соученик св. Иоанна Златоуста, ему адресовано одно из первых творений Иоанна Златоуста «К Феодору падшему». (Феодор жил в одном монастыре с Иоанном, но потом захотел вернуться в мир, чтобы жениться и начать светскую карьеру юриста. И св. Иоанн Златоуст своим увещательным словом предотвратил возвращение Феодора в мир. И таким образом Феодор стал одним из виднейших сирийских богословов – сирийских в чисто территориальном смысле, ибо богословствовал он на греческом языке). И вот, не Несторий, а именно Феодор, впоследствии епископ Мопсуэстийский, стал главным богословом возникшей несторианской общины. Сама по себе несторианская церковь была чисто национальным явлением – она локализовалась в Восточной Сирии и стала чисто сирийской. Наряду с сильным обаянием той линии богословия, что представлена, прежде всего, Феодором, консолидации общины содействовал и политический фактор. До тех пор, пока христианская Церковь в Персии была православной, связанной с имперской, Римской церковью, она рассматривалась персидскими властями как враждебное явление. Когда произошло церковное разделение, когда эта восточно-сирийская церковь окончательно

утвердилась в несторианской ереси, отношение правительства к ней совершенно изменилось. Она перестала преследоваться по политическим мотивам, и власти стали ей благоприятствовать. Впоследствии, уже в начале второго тысячелетия христианской эры несторианская церковь пережила большой взлет – период большой миссионерской активности. Несторианские миссионеры достигали восточной оконечности Азии и, между прочим, это в каком-то отношении сказалось на судьбе России. В то время, когда Русь подпала монголо-татарскому игу, ее поработители еще не были мусульманами, они оставались язычниками, но в великой Монголо-татарской империи было очень сильно влияние христиан несторианского толка. В силу этого влияния отношение завоевателей к христианской Церкви было не просто терпимым, а весьма благоприятным. Впоследствии, когда татары приняли ислам, их отношение к христианской Церкви претерпело изменение в худшую сторону.

Сказав о несторианстве, о том, что несторианство идентифицировалось с одной определенной нацией, нужно вообще коснуться национальной проблемы, как она теперь нами понимается. Хотя в те времена национальному вопросу не придавалось такого огромного значения, как в новой истории, христианство, однако, было мощным стимулом роста национального самосознания, христианская вера призывала к национальному бытию те народы, которые только начинали себя осознавать. В других случаях она возвращала к национальному самосознанию народы, бывшие ранее в подавленном, угнетенном состоянии. Попытаюсь это конкретизировать, возьмем для примера Кавказ. Здесь уже в начале IV в. происходит христианизация Армении и в том же IV в. – христианизация Грузии. В обеих странах создается алфавит, – оригинальный, хотя и на основе греческого, – и начинается очень быстрый рост национальной культуры. Несколько иная картина в Египте. Египетский народ был уже давным-давно завоеван греками, потом римлянами и в силу этого как бы выключен из культуры, потому что вся египетская элита, – аристократия, интеллигенция, – элинизировалась, и египетский язык сохранялся только в низах населения Египта, преимущественно в сельской местности. В то же время, в таком городе, как Александрия, и вообще в больших городах, египетский национальный элемент как бы и не ощущался вовсе. И вот с первых же веков христианства происходит национальное возрождение египетского народа, уже обновленного христианской верой. Возникает новая египетская письменность (если прежде египтяне пользовались иероглифами, то христиане-египтяне создают свой национальный алфавит, почти

полностью совпадающий с греческим) и начинается развитие культуры. В IV в. происходит крещение далекой Абиссинии (Эфиопии). О крещении министра эфиопской царицы упоминается уже в Новом Завете, но Эфиопия «Деяний Апостолов» – это Эфиопия в широком понимании, т.е. страна, которая лежала к югу от Египта, примерно на территории нынешнего Судана. Теперь же, в IV в. происходит крещение Абиссинии, которая находилась там, где и нынешняя Эфиопия. Обычно крещение целого народа происходит по одной и той же схеме – христианские миссионеры обращают царя, и царь совершает крещение всего народа. Так было в Армении, так было в Грузии, так же произошло и в Абиссинии, где миссионером оказался молодой человек, попавший в рабство из Египта и впоследствии достигший высокого положения при царском дворе.

О крещении готов я уже говорил, оно связано с деятельностью миссионера Вульфилы, который тоже происходил из христианской семьи и попал к готам в рабство. Поначалу этот процесс становления наций в единой христианской Церкви имел целиком положительное значение, потому что создание национальных культур помогало лучшему усвоению содержания христианской веры различными народами. И впоследствии, мы знаем, Восточная христианская Церковь никогда не отказывалась от принципа национальных культур. Она не знала того имперского комплекса культурного превосходства, который сложился в Западной Церкви. В Западной Церкви, правда, значительно позже, было сформулировано учение (не ставшее, впрочем, официальным), о том, что есть только три священных языка: еврейский (который и не имел уже в ту пору никакого практического значения), а также латинский и греческий. Согласно этому учению, и богослужение, и богослужебный текст Священного Писания допустимы только на этих языках. На Востоке, при всем преобладании в Церкви греческого элемента, такой доктрины никогда не возникало. Но уже в V в. мы видим, этот процесс христианского возрождения наций начинает сказываться и отрицательными сторонами, появляется национальный сепаратизм, который соединяется с еретическим учением. Это произошло на примере несторианства, но если отпадение несториан было все-таки явлением довольно частным, то уже через несколько десятилетий произошло гораздо более страшное церковное разделение, которое связано с событиями, последовавшими непосредственно за III Вселенским Собором.

Св. Кирилл Александрийский умер в 444 году. Вообще говоря, в первой половине 40-х годов V в. происходит смена поколений, приходят новые люди, которые возглавляют главнейшие кафедры. Приемником св.

Кирилла на Александрийской архиепископской кафедре становится его племянник Диоскор. Вообще в Египте замещение Александрийской кафедры совершалось по династическому принципу – место умершего архиепископа занимал его племянник, который уже загодя готовился к этому служению (так, сам св. Кирилл был племянником еп. Феофила). В церковно-политическом отношении Диоскора можно считать продолжателем св. Кирилла, но он не обладал очень многими достоинствами своего дяди. Прежде всего, он не был таким богословом, можно сказать не был богословом вовсе. И, кроме того, если св. Кирилл отличала определенная властность, то у Диоскора властность переходила в самый настоящий авторитаризм, который ни с чем не хотел считаться. Новое столкновение Александрии с Константинополем произошло по поводу учения, которое начал распространять один из весьма уважаемых константинопольских монахов, настоятель одного из столичных монастырей, архимандрит Евтихий. Этот Евтихий в богословии был, как он сам считал последователем св. Кирилла. Однако, незаметно для себя, пришел к таким выводам, с которыми сам святитель ни в коем случае не согласился бы. Односторонне раскрывая формулу св. Кирилла о единой природе Бога-Слова воплощенного (я вам уже говорил, что она не принадлежит самому св. Кириллу, и в творениях его эта заимствованная им формула уравнивается высказываниями, в которых он признает реальность двух природ во Христе). Евтихий делает такие выводы: во Христе человечество растворяется в Божестве, как капля меда в океане. Евтихий не отрицает, что человеческая природа сохраняется во Христе, но подобно тому, как капля меда, растворившись в океане, становится совершенно неощутимой, так, по его представлениям, человечество во Христе полностью претворяется в Божество. Это учение уважаемого константинопольского архимандрита, который имел очень большое влияние при дворе, встретила противодействие со стороны константинопольского патриарха, святого Флавиана. Св. Флавиан созвал собор, на котором осудил Евтихия. Осуждение это одобрил римский папа, святой Лев Великий. По поводу учения Евтихия папа Лев составил изложение веры, которое называется «Томос (свиток) к Флавиану» – оно адресовано константинопольскому архиепископу и предлагается еще как правильное и окончательное изложение православной христологии.

Изложенный и осужденный Евтихий апеллировал к тому же римскому папе, кроме того, он апеллировал в Александрию, где в связи с характером своего богословия совершенно обоснованно рассчитывал встретить поддержку. И, естественно, он апеллировал и к императору.

Феодосий II повелел созвать Вселенский Собор. Как я уже говорил, император отличался слабоволием, и полностью отказался от влияния на дела Собора. Председательствовать на нем он предоставил ни кому иному, как Диоскору Александрийскому. Этим, конечно, исход Собора был предreshен. Собор открылся в 449 г. в том же городе, где проходил III Вселенский Собор, т.е. в Ефесе. Диоскор создал на нем обстановку настоящего морального террора. Естественно Евтихий был восстановлен, Флавиан Константинопольский низложен и отправлен в ссылку; очень скоро, по пути в ссылку, святитель Флавиан скончался. Было объявлено о низложении некоторых других иерархов, неугодных Диоскору. Противники Диоскора называли серию расправ с неугодными «человекоубийством» в фигуральном смысле – до человекоубийства в смысле буквальном там все-таки не доходило, хотя ситуация была бурной, и Диоскор все время, так сказать, бряцал оружием и угрожал самыми суровыми расправами. Римские легаты, которые присутствовали на Ефесском Соборе, не могли принимать в нем реального участия, поскольку они не знали греческого языка, однако они все-таки заявили по поводу его деяний свой протест и покинули Ефес, не подписав никаких соборных определений. Очень скоро папа св. Лев Великий назвал этот Собор «разбойничеством», и под этим названием Собор и вошел в историю, он так и называется «разбойничий собор», или «Ефесское разбойничество» 449 г.

Диоскор одержал решительную победу во всей Восточной Церкви, он назначил епископов в Константинополь и в Антиохию, в то время как иерусалимский архиепископ св. Ювеналий уже был на его стороне. Таким образом, мы видим, что все четыре восточных патриархата оказались как бы заодно и поддерживали, по крайней мере, в лице своих предстоятелей, «разбойничий собор».

Меньше чем через год после Ефесского разбойничьего собора, император Феодосий II внезапно скончался в результате неудачного падения с лошади, и это в корне изменило положение дел. К власти пришла сестра императора, святая Пульхерия, которая не была согласна со своим братом в вопросах церковной политики. Поскольку, по понятиям того времени, женщина не могла править государством, святая Пульхерия избрала себе мужем одного из сенаторов, Маркиана, который и стал императором. Фактически они правили вместе, и у святого Маркиана сразу появилась мысль созвать Вселенский Собор. Началась переписка по этому поводу – в частности, с папой Львом. У римского папы св. Льва были свои причины не желать нового Собора – с одной стороны он

опасался, что дело окончится тем же, что и на Соборе 449 г., поскольку все патриархаты, кроме Римского, были в руках сторонников Диоскора. С другой стороны у папы было очень сильное и определенное сознание своего примата (первенства) во всей Вселенской Церкви. Папа считал, что если он высказался по вопросу вероучения (как он это сделал в своем «Томосе к Флавиану»), то всем остальным епископам остается для подтверждения своего православия только подписаться под его определением. Но на Востоке были совсем другие представления о церковной жизни, об управлении Церковью и т.п., там считали, что Собор необходим, тем более что нужно было отменить решение Ефесского Собора, который хоть и был разбойничьим, однако формально считался законным, как созданный и одобренный императором. Так что, несмотря на нежелание Льва Великого Собор все-таки состоялся. Местом его проведения хотели сделать город Никею, с которым связывались славные воспоминания о I Вселенском Соборе, но потом решили избрать другой город – Халкидон, который был гораздо ближе, чем Никея, к Константинополю (он располагался на азиатском берегу Босфора прямо против столицы). Такая близость к Константинополю позволяла Собору постоянно сношаться с императором. Император Маркиан, в отличие от своего предшественника Феодосия II, не хотел упускать Собор из-под своего контроля. Если на Ефесском Соборе 449 г. председательствовал Диоскор, то на Соборе Халкидонском председательствовали почти на всех сессиях представители императора – их было 19, и они обеспечивали работу Собора в нужном направлении.

От двух предшествующих Соборов, – III Вселенского, а также Ефесского разбойничьего, – IV Вселенский Собор отличается очень хорошей организацией, которая стала возможной исключительно благодаря императорскому контролю. Халкидонский Собор состоялся в 451 г. Он имел 11 рабочих дней, в некоторые из этих дней проходила не одна, а две сессии, и почти на всех заседаниях Собора, кроме двух, председательствовали, как было сказано, императорские представители. Только на одном из заседаний, когда обсуждался заранее решенный вопрос об осуждении Диоскора, председательство предоставили легатам римского папы, и еще на одном из заседаний председательствовал сам император Маркиан. Когда Собор открылся, его участники были рассажены в церкви св. Евфимии в два ряда: с одной стороны – римские легаты и те, кто к ним примыкал, с другой – главы Восточных церквей: Диоскор, а также епископы Константинопольский, Антиохийский и Иерусалимский. Во главе Собора сидели императорские представители,

как председатели Собора. Сразу же после окончания первого заседания римские легаты потребовали, чтобы Диоскор был немедленно переведен в число подсудимых и лишен права участвовать в Соборе наряду с другими участниками. Это требование было удовлетворено, Диоскора перевели с его места в ряду других епископов на место в середине собрания, которое предназначалось для подсудимых. На последующие заседания он не явился, и в силу этого был заочно осужден, причем осужден (это важно отметить) не как еретик, но как нарушитель церковных канонов. Дело в том, что в богословском отношении подавляющее большинство участников Собора были последователями св. Кирилла Александрийского. Именно поэтому очень многие из них всего два года назад поддержали и деяния Диоскора на Ефесском Соборе 449 г. Так что Собору предстояла нелегкая задача: он должен был дать определение веры, лишенное какой бы то ни было односторонности. Была односторонность у некоторых последователей Антиохийской богословской школы, которая вылилась в ересь несторианства, но была также односторонность и у многих последователей богословия св. Кирилла, как мы это видели на примере архимандрита Евтихия.

Для легатов римского папы дело представлялось очень простым: Собор всего-навсего должен подтвердить то определение веры, которое уже составлено в Риме. Но Халкидонский Собор не стал этого делать, несмотря на высокие достоинства «Томоса» Льва. Многие участники Собора хотели вовсе уклониться от формулирования христологического догмата, потому что гораздо легче было сослаться на Никейский и Константинопольский Символы Веры, сослаться на учение св. Кирилла, апробированное III Вселенским Собором, нежели составлять новое вероопределение. Однако Церковь имела потребность в соборном вероопределении, и император Маркиан продолжал настаивать на том, чтобы Собор его дал. Собор, в конце концов, подчинился, и так появилось знаменитое Халкидонское вероопределение. Оно говорит о том, что в Господе Иисусе Христе в едином Лице или единой ипостаси, соединяются две природы, – и соединяются неслиянно, непреложно, нераздельно, неразлучно. Перед нами четыре отрицательных определения. Что здесь имеется в виду? Неслиянное соединение природ – это такое соединение, при котором каждая природа – и Божественная, и человеческая – сохраняет свои свойства в полном объеме. Непреложное соединение – это соединение, при котором человечество не прелгается, не превращается в Божество, и, наоборот, Божество не превращается в человечество. Эти два первых определения осуждают монофизитскую ересь, первым и весьма

крайним выразителем которой был Евтихий. Вторые два определения – «нераздельно» и «неразлучно» – осуждают несторианскую ересь.

Самой общей задачей, которая стояла перед Халкидонским Собором, было согласование, приведение к единству богословия двух школ – Александрийской и Антиохийской. Между этими двумя школами была разница по существу, которая еще усиливалась терминологическими различиями. Если формулировать эти богословские расхождения в двух словах, то можно сказать, что александрийское богословие учит о воплощении Бога-Слова, в то время как антиохийское – что Бог-Слово воспринял человека. Александрийское богословие подчеркивает единство Богочеловека, антиохийское богословие имеет тенденцию разделять единого Богочеловека на два лица. Это выражается даже и терминологически. Антиохийские богословы обычно говорили, что во Христе две природы, две ипостаси, два лица. Правда, нужно отметить, что греческое слово «просопон» – лицо (этот термин надо знать обязательно), в то время не имел столь определенного значения, столь определенной связи с понятием личности, какое он получил после. Потому что, вообще говоря, слово «просопон» имеет различные значения: скажем, в античном театре оно обозначало «маску» и смысл его часто сводился к внешности, к облику. Когда в таком смысле говорится о двух лицах во Христе, это может иметь вполне православное значение, потому что и мы тоже говорим о «зраке» раба, который воспринял Сын Божий. Но здесь все-таки есть явный терминологический дефект, его чувствовал даже сам Несторий, который говорил о том, что наряду с двумя природными лицами («просопа») есть еще общее лицо, «лицо единения» («просопон эносиос») – термин, изобретенный самим Несторием. Александрийское богословие, напротив, учило о единой природе, о единой ипостаси и о едином лице. Такие термины, как «лицо» и «ипостась» широко употреблялись уже в богословии IV в., когда шли тринитарные споры, т.е. споры о Святой Троице. Но для того, чтобы эти термины с тем содержанием, которое за ними закрепилось в ходе тринитарных споров IV века, были перенесены в область христологии, потребовались значительные усилия, этого еще не было в годы III Вселенского Собора, не было этого и в терминологии св. Кирилла Александрийского; при всей ясности своего богословского видения, св. Кирилл – великий защитник единства Богочеловека страдал терминологической неточностью. В христологии св. Кирилла понятие «природы» и понятие «ипостаси» весьма близки, хотя еще в IV в. в области триадологии – учения о Святой Троице – они имели разное значение. Отцы IV в. учили о единой природе Бога и о трех ипостасях или лицах.

При всех достоинствах «Томоса» папы Льва, в нем не было прояснения терминов, там употреблялся латинский термин «персона», что соответствует греческому «просопон» – «лицо», но, как я уже вам пытался объяснить, само по себе слово «лицо» не имело четкого значения. Такое значение придали ему отцы Халкидонского Собора, которые в своем вероопределении отождествили «лицо» и «ипостась». Это было вполне в духе отцов IV в., но это было и большим новшеством в области христологии и, конечно, новым шагом вперед в уточнении христологического догмата. В свете Халкидонского вероопределения и некоторые высказывания св. Кирилла получают совсем другое значение. Там, где св. Кирилл говорил о соединении во Христе двух природ по ипостаси, он вряд ли имел в виду такое точное значение, какое эта его формула приобретает после Халкидонского вероопределения, после отождествления ипостаси с лицом.

Халкидонский Собор был весьма представительным Собором, на нем было, по разным данным, около 500 епископов – может быть, даже несколько больше. Многие из них участвовали в Ефесском Соборе 449 г., хотя он был гораздо менее представительным – число его участников едва ли доходило до 150. В ходе Халкидонского Собора те епископы, которые прежде поддерживали Диоскора, перешли на сторону римского папы Льва и императора Маркиана. Хотя император и старался вести себя корректно, но он не отказывался от руководства Собором через своих представителей, и его точка зрения, его намерения вовсе не были секретом – они заранее были известны. И можно сказать, что очень многие епископы перешли на сторону православия, в основном, по побуждению императора.

III Вселенский Собор был среди семи Вселенских Соборов самым антиимператорским. И хотя никто на нем не выступал против императора (да это было и немислимо), но при всех изъявлениях лояльности, которые делали отцы Собора, он состоялся все-таки против воли императора, и впоследствии пришлось приложить большие усилия для восстановления нарушенного в Ефесе церковного единства. В Халкидоне, конечно, не было ничего подобного, но этот Собор имел другую интересную особенность – ни прежде, ни после Халкидонского Собора, ни один из Вселенских Соборов никогда не шел так далеко в смысле признания притязаний римского папы на первенство в Церкви. Иными словами, Халкидонский Собор из всех семи Соборов был самым проримским, но это вовсе не означало отождествления воли его отцов с директивами римского папы. Я уже говорил, что Халкидонский Собор отказался просто-напросто подписаться под «Томосом» Льва, а напротив, составил

свое собственное вероопределение. Еще более это сказалось в канонических трудах Собора; как и предшествующие Вселенские Соборы, Халкидонский Собор выработал несколько церковных правил. Вот знаменитое 28 правило Халкидонского Собора, которое касается Константинопольского архиепископского престола. Собор подтверждает то, что было провозглашено еще II Вселенским Собором, а именно, что Константинопольская кафедра – это вторая во Вселенской Церкви кафедра после Римской. Причем он обосновывает это не происхождением кафедры от кого-либо из апостолов, но ее политическим значением. Поскольку Константинополь, как и Рим, – это столица империи (в ту пору империя разделена на две половины), и в Риме есть свой император, то и архиепископ столицы должен занимать соответствующее место в церковной структуре.

Папа Лев Великий и слышать не хотел об этом правиле. Вообще, он был не очень доволен тем, что Собор состоялся, и только поставленный перед фактом созыва, согласился послать своих представителей в Халкидон. Примерно через два года после Халкидонского Собора св. Лев согласился, наконец, подтвердить его деяния, но заявил, что это относится исключительно к вопросам вероучения. Что же касается канонов Собора, он отказался их принять. Впоследствии, правда, эти Халкидонские каноны были формально подтверждены и в Риме, но практического значения это не имело, ибо церковная жизнь развивалась на Востоке и на Западе по-разному, и фактически каноны Вселенских Соборов имели очень мало значения в жизни Западной Церкви. Запад жил, руководствуясь папскими декретами, т.е. единоличными или соборными деяниями римских пап – папы не отрицали соборного принципа, и время от времени собирали в Риме небольшие поместные соборы. Поэтому Халкидонский Собор нам интересен не только как источник ясно выраженной на все времена православной христологии, но и как место весьма острого столкновения различных представлений о Церкви. Представление западное исходило из идеи римского примата (св. Лев Великий – один из весьма энергичных представителей этой идеи). Восточное представление требовало для решения важнейших вопросов созыва Соборов с возможно более полным представительством (хотя все епископы никак не могли присутствовать ни на одном из Вселенских Соборов, – это мы должны твердо знать) и отдавало значительное место в церковной жизни императору. Впрочем, надо сказать, что и сам папа Лев Великий, выразитель идеи римского примата, не был чужд имперской идеи. Он тоже признает за императорами очень большое значение в церковной жизни. В некоторых

случаях он говорит чуть ли о непогрешимости императора в вопросах веры, в других он признает за императорами священническое достоинство. Конечно, это еще не утверждение, что императорское звание есть некая ступень священства, вроде пресвитера или епископа, но вместе с тем – признание определенных прерогатив императора в области вероучения и церковной администрации. Так что и в то время, несмотря на все различие между Западом и Востоком, которое уже ощущается, Церковь все же остается единой.

Лекция 8

Если позволительно говорить, какой Собор важнее, то в ряду Вселенских Соборов Халкидонский – один из самых значительных.

Подобно тому, как I Вселенский Собор (Никейский) определил Тринитарный догмат, Халкидонский Собор определил догмат Христологический. Этот результат остался на все века, но, как это было и в случае с Никейским Собором, усвоение соборного деяния церковным сознанием заняло немалое время, и не обошлось без больших трудностей и даже исторических трагедий, ибо далеко не все приняли вероопределения IV Собора. Прежде всего, Халкидонский Собор не приняли в Египте. Жизнь Египетской Церкви издавна отличалась большой централизацией. Вся Церковь беспрекословно подчинялась патриарху, недаром Св. Иоанн Златоуст в момент своего конфликта с александрийской кафедрой называл патриарха Феофила «фараоном». Действительно, в методах церковного управления, которые сложились в Египте независимо от того, какой патриарх находился на кафедре, многое напоминало автократическую монархию. И поэтому в Египте не было особых сомнений: подавляющее число христиан египетских отвергло Халкидонский Собор, осудивший их патриарха Диоскора. Диоскора отправили в ссылку, где через несколько лет он умер, и вместо него император Маркиан Святой назначил православного патриарха. Однако для того, чтобы он смог въехать в Александрию, потребовалось вмешательство армии, и в Александрии шли уличные бои, поскольку население города не хотело впускать православного патриарха. Через несколько лет толпа противников Халкидонского Собора убила этого патриарха, который таким образом попал в Церковный мартиролог как священномученик Протерий, патриарх Александрийский.

Монофизитам (будем так условно называть противников Халкидонского Собора) удалось рукоположить в Египте своего собственного патриарха, и таким образом, было положено начало существованию на египетской земле двух параллельных иерархий. С одной стороны – православная патриархия с очень немногочисленной паствой, с другой стороны – патриархия монофизитская, духовный авторитет которой признавало почти все население Египта. В других областях империи положение было не такое однозначное: сложнее всего дело обстояло в Сирии, там оставались еще остатки несториан, хотя, как я уже говорил, несториане были вытеснены ходом событий за пределы

империи в персидскую Сирию. Вместе с тем в Сирии было немало защитников Халкидонского Собора (и это, пожалуй, было лучшим результатом сирийской богословской школы). Теперь там появились и монофизиты. Примерно такое же положение существовало в Палестине, хотя там влияние православия было сильнее, чем в Сирии.

К противникам Халкидонского Собора примкнула также Армянская Церковь. Одно время Армянской Церкви подчинялась и Грузинская Церковь, которая через это вошла в число монофизитских общин. И один из крупных монофизитских богословов – Петр Ивер, который стал епископом Маюмским, был грузинского царского рода. Но затем, не без помощи империи, Грузия порвала с Арменией, и это дало возможность утвердиться там православию – в то время, как Армения так и осталась в числе областей, охваченных монофизитством. Надо сказать, впрочем, что существовала большая армянская диаспора, и в этой диаспоре, где армяне иногда проживали компактно, довольно значительными массами, среди них было немало православных, не говоря уже о представителях знатных византийских фамилий армянского происхождения, которые были православными по определению, а некоторые из них даже поднимались на императорский престол. Поэтому нельзя говорить, что армяне были исключительно противниками Халкидонского Собора. Но совершенно естественным образом к противникам Халкидонского Собора примкнули абиссинские христиане. Абиссинская церковь только в нашем веке прекратила свою формальную зависимость от Египетской. Все эти века она находилась под сильным влиянием египетского монофизитского христианства, хотя уже довольно рано в V – VI веках, в Эфиопии сложилась весьма сильная местная традиция, национальная культура, делавшая Абиссинскую церковь практически самостоятельной, несмотря на формальную зависимость. Итак, получается, что очень значительная часть населения Восточной Римской империи не приняла Халкидонского Собора. Император Лев, который сменил Маркиана, произвел письменный опрос епископата, и от шестисот до семисот епископов высказались в пользу Халкидонского Собора. Но это еще ничего не значит, потому что епископат далеко не всегда проявлял принципиальность. Уже на самом Халкидонском Соборе Диоскор издевался над епископами, обвинявшими его в том, что он оказал на них давление во время «разбойничьего» собора.

Он говорил, что древние христиане так себя не вели. А если они под давлением вынесли соборное определение 449 года, то, что они вообще за христиане? И вот, все ближайшие за Халкидонским Собором годы и десятилетия, епископат в значительной части свои представителей

проявлял такую, мягко говоря, непоследовательность. Император Лев был православным императором, но затем на константинопольском императорском престоле начали появляться лица, которые отказывались от православия и от верности Халкидонскому Собору. Почему они отходили от православия – это, впрочем, для нас вопрос второстепенный, некоторые из них по убеждению примыкали к монофизитству, но сама переменчивость их политики показывает, что это был прежде всего расчет, ведь отпадение от православной Церкви значительной части населения создавало для империи очень серьезную политическую проблему. И вообще в жизни империи нельзя было отделить церковное от политического, это удавалось только там, где Церковь не имела никакого реального веса.

Первая попытка такого компромисса с монофизитством была сделана в 475 г, когда власть в империи захватил узурпатор Василиск. Он издал, так называемое Окружное послание или «Энциклику» (если воспользоваться греческим словом). В этом послании узурпатор осуждал Халкидонский Собор. По образцу императора Льва, Василиск разослал свое Окружное послание всем епископам, и опять был очень обильный сбор подписей, хотя по своему содержанию этот документ был прямо противоположен тому, который в свое время, совсем незадолго до этого, разослал император Лев. Но это не было решением проблемы. После недолгого правления узурпатора Василиска, к власти вернулся император Зенон.

Зенон поначалу выступил как защитник Халкидонского Собору и просто-напросто отменил «Энциклику» Василиска, но потом он решил действовать дипломатическими, так сказать, примирительными методами и попытался найти настоящий вероисповедный компромисс. В 482 году был опубликован вероисповедный указ, который назывался «Энотикон», что в переводе с греческого означает «объединительное послание», «объединительный документ». В нем давалось весьма расплывчатое вероопределение, и бросалась некая тень на Халкидонский Собор. Документ объявлял осуждение тем, кто в Халкидоне или в других местах мыслил и говорил противное тому, что утверждалось в императорском указе, «Энотиконе». Но поскольку сама вероопределяющая часть «Энотикона» была очень расплывчатой, и сам Халкидонский Собор в нем не осуждался, то многие православные представители смогли подписаться под этим документом. Надежды Зенона, однако, провалились, потому что документ не был признан и теми, кто твердо держался Православия, т.е. Халкидонского Собора, и теми, кто твердо стоял на позициях того, что мы

называем «монофизитством». Таким образом, вместо двух противоборствующих сторон образовались три. И хотя большинство епископата приняло «Энотикон», ясно, что реальное положение определялось не епископами-конформистами, а теми, кто был искренен в своих убеждениях и в силу этого мог оказывать реальное влияние на народ. В связи с «Энотиконом» произошел и разрыв Константинополя с Римом. Это так называемая акакианская схизма, по имени константинопольского патриарха Акакия, который принимал деятельное участие в церковной политике императора Зенона.

Эта схизма продолжалась более 30 лет, до 518 г. В середине V века, после того, как умерли такие великие богословы, как святитель Кирилл Александрийский, с одной стороны, и блаженный Феодорит Кирский, сильнейший представитель антиохийского богословия, – с другой, наступает некоторый упадок богословской науки. Во второй половине V века и в первой четверти VI века у православных, в общем, не было ни одного сильного богослова. У монофизитов, наоборот, начинается короткое время расцвета. Этот расцвет проявляется в разных сферах – и в монашеской жизни, и в литургической области, и в богословии. Что касается литургической сферы, то здесь монофизитам принадлежат некоторые нововведения, принятые затем всей Вселенской Церковью. Например, монофизиты ввели в чин Божественной Литургии чтение Никео-Константинопольского Символа Веры. Этот момент имел полемическое значение. Монофизиты хотели тем самым косвенно осудить Халкидонский Собор как провозгласивший новое исповедание веры. Себя монофизиты считали верными двум первым Вселенским Соборам. Один из крупнейших монофизитских богословов Севир, патриарх Антиохийский был также крупным гимнографом и составил один из первых, во всяком случае, первый известный в истории, вариант Октоиха. Из песнопений, составленных им, можно назвать молитву Богородице «Под Твою милость» – она входит в нашу Постную Триодь, и, кроме того, получила распространение на латинском Западе. Из литургических новшеств монофизитов нужно упомянуть также вставку, которую они сделали в Трисвятое. Трисвятое вошло в литургическое употребление в первой половине V века при патриархе Константинопольском Прокле, а монофизитская вставка состояла из слов «распныйся за ны». Эта вставка вызвала большую богословскую полемику и была решительно отвергнута православными (хотя если считать, что Трисвятое обращено не к Святой Троице, но к лицу Сына Божия, то эта вставка не имеет полемического характера сама по себе). Интеллектуальным центром монофизитства на

несколько десятилетий стала Александрия.

Александрия вообще была крупнейшим полемическим центром еще с самого своего основания. Она была основана, как понятно из имени города, Александром Македонским. Александрия – это город, где переведена на греческий язык «Септуагинта» (то есть Ветхий Завет), где возникла первая крупная христианская богословская школа; но, кроме того – это был город, хранивший традиции греческой философии, и расцвет монофизитского богословия как раз и был тесно связан с оживлением интереса к ней. Многие монофизитские богословы были ее крупнейшими знатоками. Интеллектуальный расцвет в то же время показал большую внутреннюю слабость монофизитства, ибо с появлением в нем сильных личностей, движение стало дробиться на различные направления. Эти направления иногда были связаны с различными богословскими течениями внутри самого монофизитства, и тогда они имели чисто личный характер. Бывали времена, когда монофизитство насчитывало более 20 различных сект, которые находились между собой в состоянии борьбы не менее трудной, чем между монофизитством в целом и Православием. Некоторые из богословских течений, возникавших на почве монофизитства, имели бесспорно еретический характер.

Например, один крупный монофизитский богослов VI века Иоанн Филопон, убежденный последователь Аристотеля, с его учением о реальном существовании одного лишь конкретного бытия, пришел к выводу, что три лица Святой Троицы реально существуют как три самостоятельных Бога, то есть к троебожию. Этот Филопон, оставаясь монофизитом, провозгласил новое совершенно еретическое тринитарное учение, причем в той области, в области тринитарного богословия, где, казалось, уже все было твердо установлено еще в IV веке. Среди этих многочисленных богословских направлений сложилось одно, которому принадлежало – в русле монофизитства – будущее. Оно связано с именем богослова, имя которого я уже называл, – Севира Антиохийского. Этот антиохийский патриарх, в 517 году, после нескольких лет патриаршества, был изгнан с кафедры (к власти пришел тогда православный император Юстин I), Но после этого Севир еще 20 лет продолжал деятельность в Антиохии, сплачивая свою партию и ведя очень напряженную литературную работу.

Современных исследователей сочинений Севира Антиохийского поражает, что этот глава Антиохийской Церкви вовсе не может быть назван монофизитом в прямом смысле слова. Это богослов весьма умеренный, можно сказать, что от православия его отделяет, прежде всего,

решительное нежелание принять Халкидонский Собор. Отказываясь признать его, Севир ссылается на богословие св. Кирилла, хотя, как уже объяснялось, он, подобно другим монофизитам, воспринимает это богословие односторонне: поскольку св. Кирилл держится формулы «единая природа», то и Севир Антиохийский никак не хочет отказываться от этой формулы, но это не значит, что он отрицает человечество во Христе. Он даже соглашается на формулу «из двух природ». Как мы помним, формула Халкидонского Собора гласит «в двух природах». Вот это выражение «в двух природах» – неприемлемо для монофизитов, но такие умеренные монофизиты, как Севир, не отказываются от формулы «из двух природ». Говорить о двух природах можно, по их мнению, лишь теоретически, логически, реально же две природы соединены в единую природу. Надо сказать, что тут есть некоторое различие в греческой терминологии. Единая природа («миофизис»), о которой учил св. Кирилл – это не то же, что единственная («монифизис»). Единое и единственное – разные вещи. Иначе говоря, термин «монофизит» в применении к таким деятелям, как Севир Антиохийский, неточен, мы им пользуемся по традиции. Севиру удалось сыграть важную роль для всего последующего богословия монофизитов. Но одержать реальную победу среди других его направлений эта линия смогла только благодаря деятельности другого монофизитского иерарха по имени Иаков Барадей, он жил во второй половине VI века.

Иаков Барадей (что значит «оборванец») был умелым организатором: под прозвищем «нищего» он обошел обширные территории, и за время своей деятельности рукоположил двух патриархов, двадцать семь епископов и, как говорят монофизитские предания, сто тысяч священников (здесь мы склонны видеть обычное на Востоке сказочное преувеличение). Ему удалось создать в монофизитской Церкви крепкую организацию и преодолеть многие из тех разделений и расколов, которые существовали внутри этого течения. Он являлся бесспорным лидером одной из существующих доньше монофизитских Церквей, которая даже официально называется Иаковитской. Благодаря деятельности этого Иакова, монофизитство преодолело кризис, которое оно испытало в первой половине VI века, разделившись на множество противоборствующих сект.

Этот кризис был для монофизитства тем более опасным, что оно не могло в Римской империи чувствовать себя спокойно – особенно после того, как к власти в Константинополе пришел Юстин I (517 г.). Несмотря на всю свою простоту и малограмотность (как сообщают источники, он,

чтобы подписаться, пользовался трафаретом), это был вполне православный император, который к тому же имел замечательного помощника. Еще ранее, когда Юстин сделал в Константинополе успешную военную карьеру, которая, в конце концов, и возвела его на императорский престол, он привез в столицу своего племянника Юстиниана.

Родившийся в крестьянской хижине, этот Юстиниан получил теперь прекрасное образование и стал разностороннейшим человеком своего времени. Даже для VI века, который не был беден богословами, Юстиниана можно назвать выдающимся богословом. Сразу после того, как Юстин стал императором, Юстиниан принимал самое деятельное участие в делах правления, а когда дядя скончался, усыновленный им племянник стал его преемником. Деятельность этого императора протекала в очень трудных условиях, ведь кроме монофизитской ереси были всякие другие проблемы – военные, социальные, этические. В самом начале своего царствования Юстиниан подавил большое народное восстание в Константинополе. Восставшие сгруппировались вокруг основных цирковых партий. Дело в том, что в Константинополе и в других больших городах империи существовали партии цирка, то есть группировки, возникавшие вокруг спортивных команд. Эти партии, однако, выходили далеко за область спортивных интересов и принимали очень большое участие в политике. Они были таким сильным политическим фактором, что до Юстиниана в какой-то степени ограничивали императорский абсолютизм. Юстиниан подавил восстание и тем самым подтвердил свою власть. Во время восстания сгорел построенный еще св. Константином собор Св. Софии, поэтому Юстиниану пришлось построить его заново. Так возник храм св. Софии, который стал самым известным литургическим средоточием Православия, несмотря на то, что он уже несколько веков отнят у Православной Церкви и существует сейчас как мечеть и музей в нынешнем турецком Стамбуле.

Юстиниан мечтал о восстановлении Римской империи в ее прежнем объеме. Империя эта понесла очень большие потери в результате великого переселения народов. Восточная ее часть со столицей в Константинополе уцелела, в то время как вся западная была еще в V веке захвачена варварами, и на ее развалинах образовалось несколько германских королевств. Катастрофа усугублялась тем, что некоторые из этих варваров исповедовали арианство. И вот, Юстиниану ценой огромных усилий всего государства удалось в какой-то степени вернуть часть некогда утраченных владений Римской империи. Он отвоевал Италию (причем война

продолжалась целых 20 лет), отвоевал острова Средиземного моря, некоторую часть Испании, и, кроме того, отнял у варваров латинскую Африку (область, главным городом которой считался Карфаген). Юстиниан был наследником традиций Римского государства, так же, как и наследником традиций греческой культуры. Знаменитое римское право, которое в некоторых государствах формально продолжало действовать до начала XX века, квалифицировано, т.е. собрано, классифицировано именно Юстинианом. Для церковной истории имеет значение – «Кодекс» Юстиниана, и, прежде всего – его, так называемая, «Новая булла». Кодекс – это сборник императорских законов, среди этих законов немало относящихся к церковной жизни.

Еще больше таких законов в сборнике «Новеллы». Новеллами назывались новые законы Юстиниана, изданные после того, как он кодифицировал право в трех сборниках. «Новеллы» составляют 4-ю часть юстинианова законодательства. Если первые три части содержат законы, составленные на латинском языке, то Новеллы – преимущественно на греческом. Таким образом, здесь уже чувствуется эллинизация самой жизни двора: хотя латинский язык официально сохраняется, но греческий постепенно вытесняет его и отсюда. Законы Юстиниана очень часто касаются церковной жизни. Император считал себя компетентным во всех сферах жизни Церкви – например, в одном из законов он осуждает тех духовных лиц, которые молитвы литургии читают про себя. В соответствии с древней практикой, он требует чтения молитв и на литургии и во время крещения вслух. Он издавал законы об избрании и назначении епископов, указы вероучительного характера. Сравнивая законодательства Юстиниана и знаменитый «Духовный регламент» Петра Великого, историк Голубинский говорит, что Юстинианово законодательство – это не один, а несколько «Регламентов». До Халкидонского Собора включительно Вселенские, а также поместные Соборы, активно занимались церковно-законодательной деятельностью. Четверым первым Вселенским Соборам принадлежит большой корпус церковных правил. При Юстиниане, – конечно, в прямой связи с законодательной деятельностью императора, – законодательная деятельность соборов замирает, а проще говоря, – прекращается. Ни V Вселенский Собор, который произошел в царствование Юстиниана, ни VI Вселенский Собор, который состоялся более чем через сто лет спустя после смерти этого императора, не издали никаких церковных узаконений. Но зато едва ли не сразу после Юстиниана появляется новый тип церковно-законодательных памятников. Если до Юстиниана

церковные каноны мыслились как нечто совершенно самостоятельное, не имеющее соприкосновения с областью государственного законодательства, то после Юстиниана (и даже в последние годы его царствования, здесь неясная хронология, плюс-минус два года) возникают законодательные сборники под названием «Номоканон».

Это название состоит из двух частей: «номос», что по-гречески значит «закон» (подразумевается государственный закон), и «канон» – «правило» (подразумевается церковное правило). В этих номоканонах соборные каноны соседствуют с императорскими указами. Такого типа церковно-законодательные сборники имели распространение впоследствии и в славянском мире. У нас в России такой сборник получил название «Кормчей Книги». В этой «Кормчей» наряду с церковными канонами вы найдете новеллы Юстиниана и избранные законы позднейших византийских императоров.

Лекция 9

Став христианами, императоры принимают непосредственное участие в церковных делах. Сам св. Константин называл себя «сослужителем епископов и епископом внешних дел Церкви». Даже такой прямой защитник папского примата, как св. Лев Великий, папа римский, признавал своего рода священническое достоинство за императорами. Однако впервые ясное и законодательно оформленное учение о месте императора в Церкви впервые дал святой Юстиниан Великий, который создал теорию симфонии. Сразу должен сказать, что это всего лишь первый вариант теории симфонии, т.е. согласия Царства и Священства, и впоследствии она пересматривалась.

Теорию симфонии Юстиниан излагает в предисловии к Шестой новелле. Вот его текст: «Величайшие дары Божии человеку, дарованные Вышним человеколюбием: Священство и Царство. Одно служит вещам божественным, другое управляет и заботится о вещах человеческих. И то, и другое происходит от одного и того же начала и благоукрашает человеческую жизнь. Так что ни о чем так не пекутся цари, как о чести священников, а сии – о самих царях Бога молят». И дальше: «Если священство будет во всем безупречно и причастно дерзновением к Богу, а царство будет правильно и подобающим образом упорядочивать врученное ему общество, то будет благое некое согласие («согласие» – по-гречески «симфония». В. А.), дарующее человеческому роду всевозможную пользу. Посему мы величайшую имеем заботу и об истинных Божиих догматах, и о чести священников. Если они будут блюсти ее, то, мы уверены, чрез нее великие дары получим от Бога и тем, что есть, будем владеть надежно, и приобретем то, что еще не достигнуто. Все будет благополучным и подобающим, если только начало дела будет должное и Богу любезное».

Эту теорию нужно прокомментировать. По вопросу соотношения Царства и Священства высказывались уже и до Юстиниана, и нередко в том смысле, что Священство намного превосходит Царство. Говорили, например, что Священство заботится о душе, в то время как Царство – о теле. Юстиниан использует другую терминологию. Он говорит, что Священство управляет делами божественными, а Царство – делами человеческими. Здесь используется христологическая терминология, и догмат Церкви истолковывается, можно сказать, в рамках халкидонской христологии. Речь идет о Церкви, хотя само слово «Церковь» не

произносится. При этом Юстиниан вовсе не отождествляет Священство с Церковью, скорее понятие Церкви выражается у него словом «человечество», через понятие человеческого общества. В соответствии с универсалистским мышлением Юстиниана в Церковь должно войти все человечество, и если до сих пор кто-то остается вне ее ограды, то это такая же историческая случайность, как и то, что некоторые народы живут вне власти римского императора. Таким образом, Священство и Царство соотносятся у Юстиниана вовсе не как Церковь и государство.

Противопоставление Церкви и государства, всякая мысль об иноприродности этих двух реальностей совершенно чужды не только Юстиниану, но, пожалуй, и всем его современникам. Мы замечаем к тому же, что Юстиниан свои полномочия, т.е. полномочия Царства в Церкви толкует очень широко. Царству принадлежит попечение о чести священников. Более того, Царство заботится об истинных Божиих догматах, в то время как Священству надлежит молиться за весь мир и за самих царей. Конечно, молитва здесь понимается предельно широко, как вся литургическая и сакраментальная жизнь Церкви.

Такова теория симфонии. Как Юстиниан ее осуществлял на практике? Он, как я уже говорил, в своих законах и распоряжениях разного рода судил обо всех церковных вопросах. В одном месте (в новелле, относящейся к церковным делам) Юстиниан прямо говорит: «Для Царства, приявшего от Бога общий надзор над всеми людьми, нет ничего недоступного», – т.е. ничего, находящегося вне его компетенции.

Впоследствии теория симфонии оформилась как теория симфонии императора и патриарха (об этом речь впереди). В тот момент (до захвата Рима) в империи Юстиниана находилось целых четыре патриархата. После освобождения Рима в ее границах оказались все пять патриархатов, и Юстиниан считал себя в известной мере распорядителем их внутренней жизни. Если в обычное время голос императора имел решающее влияние при избрании константинопольского патриарха, то Юстиниан – и это было совершенно естественно в тех смутных условиях, когда ереси угрожали Церкви, и во многих общинах еретики численно преобладали – контролировал замещение и других патриарших кафедр, например, Александрийской и Антиохийской. Он пытался влиять самым властным образом и на жизнь Римской Церкви. Это было труднее: хотя Рим и оказался на территории империи, однако обширные области этого огромного западного патриархата, такие как Галлия, значительная часть Испании, остались за ее пределами, и даже в те моменты, когда римские папы были солидарны с Юстинианом, они вынуждены были считаться с

голосом своего собственного, западного епископата. А западный епископат как раз и оказывал сильное сопротивление тем действиям, которые Юстиниан предпринимал в области уточнения церковного учения, и сейчас я объясню почему.

Мы переходим к церковной деятельности Юстиниана, к тому, как он осуществлял свою теорию симфонии на практике. Здесь нужно сказать два слова о супруге Юстиниана – святой Феодоре. Это была замечательная женщина из простонародья, дочь служителя столичного цирка. Затем она некоторое время находилась в Александрии; уже в ту пору Феодора отличалась религиозностью и сблизилась с некоторыми виднейшими деятелями монофизитства. Потом, когда она вернулась в Константинополь, с ней познакомился Юстиниан, – тогда еще не император, а соправитель императора Юстина I – и захотел жениться на ней. Этому препятствовал закон, ибо гражданское состояние этих двух людей было очень неравным. Но Юстиниан позаботился об отмене старого закона, препятствовавшего такому неравному браку, и Феодора, став женой Юстиниана еще до официального его воцарения, была верной его помощницей до самой своей смерти (548 г.). Юстиниан, который умер в 565 г., намного ее пережил. У Феодоры была репутация монофизитки, ей припоминали и ее прежнюю близость монофизитским кругам в Александрии. Но и ее деятельность в константинопольском дворце вызывала подозрение: те же самые лица, которых сурово гнал император Юстиниан, странным образом находили покровительство у его верной жены. Выяснилось, например, что один из столичных патриархов, уличенный в монофизитских тенденциях, после низложения с кафедры довольно продолжительное время скрывался на дворцовой половине Феодоры. Другие монофизиты, не молившиеся за их гонителя Юстиниана, молились, однако, за благочестивую царицу Феодору.

Однако уже современники нашли разгадку этой странной ситуации – в частности, современник Юстиниана, исторический писатель, видный военный и государственный деятель того времени Прокопий Кесарийский. Этот Прокопий был официальным историографом и автором книги о войнах Юстиниана, о его постройках, но кроме того, под его именем сохранилась так называемая «Тайная история», во многом совершенно противоположная той официальной, хвалебной истории, которую он дал в других своих сочинениях, написанных по заказу. В этой «Тайной истории» он выступает как непримиримый, злобный разоблачитель Юстиниана и Феодоры. И вот этот-то автор, которого явно не следует подозревать в каком-либо сочувствии к императору или императрице,

объясняет, что столь различное поведение Юстиниана и Феодоры в отношении еретиков, было хорошо продуманной политикой. Они разделили функции: Юстиниан карал, в то время как Феодора давала еретикам надежду на милосердие государственной власти и таким образом пыталась вовлечь их в общение. Говорить о всеопределяющем влиянии Феодоры на Юстиниана не приходится, хотя в некоторые моменты она, действительно, показывала больше мужества и рассудительности.

Например, в самый критический момент народного восстания, о котором я уже говорил, Юстиниан готов был бежать из Константинополя, но Феодора остановила его и сказала, что императорская багряница самый лучший саван (т.е. даже если предстоит вскорости умереть, лучше умереть в императорском звании). Юстиниан ее послушался, и восстание было вскоре разгромлено. Это влияние Феодоры не могло быть всеопределяющим хотя бы потому, что значительная часть жизни и царствования Юстиниана прошла без нее – например, через пять лет после ее смерти произошло такое важнейшее событие, как Пятый Вселенский Собор. Вообще мы не должны видеть в Юстиниане только политика, который смотрит на церковные дела под углом узкогосударственных интересов.

Юстиниан был, как большинство его современников, кровно, внутренне заинтересован в тех догматических спорах, которые шли и на Востоке, и на Западе. Он был к тому же крупнейшим богословом своего века. Придя в себя после этого страшного восстания константинопольского народа, он вплотную занялся церковными вопросами. Конечно, самым важным делом была проблема монофизитства.

С целью врачевания этой болезни Юстиниан в начале 30-х годов устраивает в Константинополе собеседование православных и монофизитских богословов, куда приглашаются виднейшие представители монофизитства. Это собеседование не имеет никаких практических последствий. Тогда Юстиниан идет дальше. Вникая в богословие минувших полутора столетий, он пытается осмыслить то, что сделано III и IV Вселенскими Соборами. Немало проблем оставалось и здесь, ведь при желании можно было найти противоречие между воззрениями св. Кирилла и св. Льва Великого. Предстояло осмыслить православное богословие, православную христологию как единое целое. Предстояло дать богословский синтез учения двух Вселенских Соборов, который и выпало осуществить Юстиниану. Некоторые современные ученые называют богословие св. Юстиниана неохалкидонизмом. Изобретатели этого термина вовсе не хотят доказать, что он хоть в какой-то мере отрекся от

Халкидонского Собора, потому что это доказать невозможно. Юстиниан на каждом шагу не только утверждает, но и доказывает свою верность Халкидонскому вероопределению, однако рассматривает его в свете учения св. Кирилла Александрийского. Юстиниан не боится так называемых теопасхитских выражений (например, формулы вроде «Един от Святой Троицы пострадал плотию» – совершенно неприемлемой для несториан, но, тем не менее, вполне православной). Теопасхитство – это учение о страданиях Бога. Несториане считали, что Божественная природа бесстрашна, поэтому говорить о страданиях Сына Божия невозможно. А православные, прежде всего св. Кирилл Александрийский, утверждали, – что Сын Божий – второе лицо Пресвятой Троицы, – усвоил себе человеческую природу со всеми ее свойствами, так что можно говорить и о страданиях Сына Божия.

Кратко богословие св. Юстиниана выражено в тексте, который вы все хорошо знаете, это тропарь «Единородный Сыне...», исполняемый за всякой литургией. Тропарь этот, как единогласно говорит предание, составлен самим Юстинианом. В период между III и IV Вселенскими Соборами была чрезвычайно оживленная полемика между св. Кириллом и богословами антиохийской школы. Антиохийские богословы очень долго защищали Нестория, поэтому некоторые из них предстали перед Халкидонским Собором как обвиняемые – например, крупнейший богослов этого времени блаженный Феодорит, епископ Киррский.

Уже будучи на Соборе, Феодорит Киррский никак не решался анафематствовать Нестория, которого он прежде защищал в пространных сочинениях, хотя и не был полностью солидарен с его крайностями. И только после того, как Феодорит анафематствовал Нестория, отцы приняли его в свое общение. Кроме того, на Халкидонском Соборе было суждение о православии другого епископа – Ивы Эдесского. Собор принял Иву Эдесского в общение, хотя и у него были очень резкие высказывания против св. Кирилла. То, что эти два епископа были приняты в общение Халкидонским Собором, для многих оказалось равносильно реабилитации их учения в полном объеме, это давало шанс на выживание в Церкви несторианских тенденций, а с другой стороны, делало весьма затруднительным привлечение к ней монофизитов. Но Юстиниан смотрел еще глубже, он подверг изучению труды и того богослова, который явился настоящим родоначальником несторианства. Это был уже упомянутый у нас Феодор, епископ Мопсуэстийский.

Действительно, в сочинениях Феодора Мопсуэстийского, который стал чуть ли не единственным богословом несторианской церкви,

оказалось множество элементов несторианства. Результат своих богословских исследований Юстиниан изложил в указе (эдикте), который получил название «Эдикт о трех главах». Три главы – это три параграфа Эдикта, где осуждается личность и учение Феодора Мопсуэстийского, а также то неправославное, что есть в сочинениях Феодорита Киррского и Ивы Эдесского. Но иногда говорят о трех главах применительно к самим этим трем епископам. «Эдикт о трех главах» вызвал большие споры. Особенно протестовал Запад, видевший в этом документе покушение на Халкидонский Собор, на учение папы св. Льва Великого.

После нескольких лет спора Юстиниан решил созвать новый Вселенский Собор, тот Собор – V Вселенский – состоялся в 553 г. в Константинополе и поэтому иногда называется Вторым Константинопольским. Заседания Собора были в помещении, которое соединяло храм Святой Софии с императорским дворцом. Император уклонился от присутствия на Соборе, и его чиновники являлись туда только для прочтения посланий Юстиниана и других документов, а затем удалялись. Однако, несмотря на это, влияние императора на ход дела было определяющим, в своих посланиях Юстиниан во всех подробностях заранее определил программу занятий Собора и недвусмысленно дал знать, к каким выводам он должен придти, так что Собор действовал в соответствии с волей императора. Председательствовали на нем по очереди восточные патриархи.

Если Халкидонский Собор в свое время обнаружил наибольшую благосклонность к папским притязаниям на первенство в Церкви, то о V Вселенском Соборе нужно сказать, что это самый антипапский Собор в ряду всех семи. Это единственный Собор, во время которого римский папа присутствовал в городе, где он происходил. Однако явиться на Собор папа не пожелал. Римскую кафедру в то время возглавлял Вигилий. За несколько лет до того он был назначен папой по приказу Юстиниана и сам по себе готов был действовать в духе церковной политики императора. Вместе с тем, вынужденный считаться с мощной оппозицией западного епископата, он пребывал в постоянных колебаниях. За короткое время Вигилий четырежды письменно высказался по поводу одного и того же стоявшего на Соборе вопроса, причем всякое новое его высказывание противоречило предыдущему, и в некоторых случаях папа так прямо и говорил, что прежде ошибался. Уже одна эта история с противоречивыми высказываниями папы Вигилия по догматическим вопросам наносит очень серьезный удар по учению о папской непогрешимости в делах веры, и католические историки испытывают здесь большие затруднения. Чтобы

защитить догмат своей Церкви, им приходится идти на весьма сомнительные вещи. Например, на отрицание Вселенского достоинства V Собора, который многократно признавался таковым и последующими римскими папами, и самим Вигилием Собор, в конце концов, был признан.

Папа Вигилий, отказавшись явиться на Собор, навлек на себя его отлучение. Собор прервал с ним общение, хотя отцы и заявили, что, порывая с папой Вигилием, они сохраняют все же общение с апостольским Римским престолом. Это заявление не совсем понятно, но, по всей видимости, нужно понимать его так, что папа, не желающий признавать истину, будет низложен, и с Римским престолом вновь будут восстановлены самые правильные отношения.

Главным догматическим деянием V Вселенского Собора было осуждение трех глав: т.е. осуждение личности и учения Феодора Мопсуэстийского, а также неправославных моментов учения Феодорита Киррского и Ивы Эдесского. Свое учение Собор выразил в нескольких анафематизмах, причем осудил не только несторианство и несторианскую тенденцию, но также и монофизитство. Анафематствуя тех, кто употребляет выражение «в двух природах» в несторианском смысле (это слова из Халкидонского вероопределения), он также анафематствует и тех, кто говорит «из двух природ» в смысле монофизитском. Выражение «из двух природ» противопоставляли Халкидонскому вероопределению умеренные монофизиты, вроде Севира Антиохийского. Одним словом, Собор анафематствует не только крайнее монофизитство какого-нибудь архимандрита Евтихия, но также и умеренное монофизитство – постольку, поскольку оно противится Халкидонскому вероопределению.

Это самое главное из того, что сделал в догматической области V Вселенский Собор. Он не внес, по сравнению с двумя предыдущими, ничего существенно нового, но зато гармонизировал учение этих двух Соборов, и потому христология V Вселенского Собора – это христология, так сказать, вполне уравновешенная, где Халкидонское вероопределение понимается в свете учения св. Кирилла и согласуется с ним.

Борьба императора Юстиниана с монофизитством не была вполне успешной, потому что в лоне ереси остались окраинные народы – копты, египтяне, западные сирийцы, армяне. Мало того, у них монофизитство стало национальным вероисповеданием, подогревая, таким образом, политический сепаратизм. Но в области богословия победа Юстиниана была значительной, ибо, несмотря на то, что Восток (негреческий Восток) имел весьма значительную духовную жизнь, богословия своего он не

создал. Точнее, тамошняя богословская мысль целиком зависела от греческого богословия. Нужда монофизитов в богословии Константинополя и других важных центров православия весьма ощутима. Монофизитское богословие исчезает со сцены, большинство сочинений монофизитских богословов сохранилось до нашего времени лишь в переводах на языки народов, для которых монофизитство стало национальной верой, т.е. в переводах на коптский, эфиопский, сирийский, армянский языки.

В одном из анафематизмов V Вселенского Собора упоминается Ориген, вернее, только его имя. Кроме того, в составе деяний V Вселенского Собора есть целый ряд документов, связанный с осуждением Оригена. Но, как доказывают современные историки, на самом деле осуждение Оригена произошло не на V Вселенском Соборе 553 года, но на поместном Константинопольском Соборе 543 года, деяния которого позднее были присоединены механически к деяниям V Вселенского Собора. В данном случае безразлично, какой Собор осудил учение Оригена, достаточно того, что в анафематизмах V Вселенского Собора он упомянут, т.е. осуждение, имевшее место в 543 г., подтверждается V Вселенским Собором. Кроме того, осуждение Оригена было подтверждено Церковью и впоследствии, скажем, на VI Вселенском Соборе, так что можно считать это церковное высказывание о его богословии вполне авторитетным. Как и в случае с Феодором Мопсуэстийским, здесь произошло посмертное осуждение, и уже одно это вызывало протесты.

Некоторые говорили, что у Церкви не было обычая осуждать посмертно тех, кто умер в мире с ней. Но на самом деле, если в некоторых местах, например в Риме, такого обычая действительно, и не знали, то в других поместных Церквях посмертное осуждение, если еретик его заслуживал, считалось совершенно естественным (например, в таком духе высказывался блаженный Августин, один из западных отцов).

Мы, конечно, не должны думать, что главной целью обоих осуждений было на вечные времена отправить в ад Феодора и Оригена. Цель, разумеется, состояла не в этом. Феодор Мопсуэстийский был родоначальником несторианства, и его осуждение – не только его богословия, но и личное его осуждение – имело целью вразумить несториан, уведомить их, что упорствующие в ереси подпадут тому же осуждению, что и ее родоначальник. Именно такой смысл имело и осуждение Оригена, этого виднейшего богослова очень давнего времени III века. Ориген уже до этого неоднократно осуждался.

Первое осуждение его было еще при жизни и имело чисто

канонические основания: покинув Александрию, где он имел церковное послушание, Ориген принял рукоположение в сан пресвитера в Палестине. После этого александрийский епископ его отлучил. Но учение Оригена сохраняло для многих свою привлекательность; в частности, в конце IV в. настоящим оригенистом, проводником учения Оригена, был известный аскетический писатель авва Евагрий. Евагрий, ученик св. Василия Великого, покинул Малую Азию и, после недолгого пребывания в Константинополе, обосновался в Египте, где создал первый опыт богословия подвижничества. Евагрий – единственный из отцов «Добротолюбия», который не именуется там ни святым, ни преподобным, и это по той причине, что он был осужден церковью как оригенист. Но осуждение Вселенским Собором последовало не сразу, и его оригенистские взгляды нашли широкое распространение среди монашества, особенно в Палестине. Именно против этих монахов-оригенистов и направлены деяния Константинопольского Собора 543 г. Этим Собором, как и V Вселенским, руководил сам Юстиниан, который в своем послании константинопольскому патриарху Мине дал его подробную программу и проект анафематизмов учению Оригена. Эти анафематизмы были переработаны Собором и изданы как соборные определения, а затем включены в деяния V Вселенского Собора.

Что осуждается в учении Оригена? Осуждаются различные доктрины, обязанные своим происхождением платонизму, например, о совечности мира Богу, об изначальном существовании всех душ. У Оригена разработана сложная теория происхождения мира в его многообразии. Согласно ей, первоначально сотворенные умы, т.е. духовные существа, были с Богом, находились в непосредственной близости к нему и все имели совершенно равное достоинство. Но потом эти сотворенные умы начали в разной степени отпадать от Бога и, удаляясь от Него, как источника духовного света и тепла, стали охладевать. И вот таким образом умы, или духи, превратились в души (слово «душа» в греческом языке созвучно слову «холодный»). Возникло неравенство в ангельском мире – появились различные чины ангелов, затем некоторые духи настолько отделились от Бога, что облеклись в материю, и так появились люди. И, наконец, еще более глубокое отпадение от Бога совершили бесы, причем, по учению Оригена, бесами становились не только падшие ангелы, но и окончательно отпавшие от Бога человеческие души. Христос, согласно Оригену, изначально обладал тварной душой, или умом, духом. Но эта душа (или тварный ум) в отличие от всех других, не отпала от Бога, она осталась в таком же единстве с Троицей Богом, в каком прежде были

все прочие тварные духи. Спасая мир, Христос последовательно проходит все сферы бытия: чтобы вновь возвысить до самого близкого общения с Богом серафимов, он становится серафимом, для херувимов – херувимом и так далее. Ориген не исключает даже, что Христос может еще раз пострадать, чтобы избавить от вечного осуждения и демонов. Восстановление всей твари, приближение ее к Богу, Ориген связывает с развоплощением. Как всякий платоник, он презирает материю; и хотя христианская догматика заставляет его признать, что должно быть воскресение телесное, но воскресение это представляется ему совсем по-особому. По Оригену, воскресение – это облечение в какие-то новые духовные тела, которые даже и формы человеческих тел не получают, а окажутся какими-то сферообразными. По учению Оригена, Солнце, звезды и прочие небесные светила – это тоже духовные существа, разумные, облеченные в вещество. И вот, все эти доктрины Оригена, имеющие явно платоническую окраску, были осуждены сначала императором Юстинианом, потом поместным Собором, а потом и Вселенским. Сохранилось сообщение, что незадолго до смерти престарелый Юстиниан впал в самую крайнюю форму монофизитства и будто бы принял учение монофизита Юлиана Галикарнасского о нетленности тела Христова – нетленности в смысле полной неизменяемости и неподверженности никаким страданиям. Юлиан Галикарнасский был крайний монофизит, с которым полемизировал такой умеренный монофизит, как, скажем, Севир Антиохийский. Православные назвали учение Юлиана Галикарнасского афтартодокетизмом. Докетизм – это древняя ересь, которая учила о видимости, призрачности человечества Христа. А ересь Юлиана Галикарнасского была названа православными афтартодокетизм (афтартос по-гречески значит «нетленный»). В этом отрицательном наименовании дается совершенно правильное определение ереси Юлиана Галикарнасского как учения, возобновляющего древний докетизм первых веков христианства.

Однако в историографии последних десятилетий свидетельства об афтартодокетизме Юстиниана подвергаются сомнению. Сомневаться заставляет, во-первых, чрезвычайная скудость самих свидетельств, во-вторых, все то, что известно о богословской линии Юстиниана, которая, подобно его церковно-политическому курсу, была средней линией, противостоящей, как это и свойственно истинному православию, крайностям и с одной, и с другой стороны. Очень трудно допустить, что Юстиниан, который анафематствовал даже умеренное монофизитство, вдруг в конце жизни впал в самую крайнюю его форму. Историки,

отвергающие эти слухи, объясняют их происхождение непопулярностью императора. Он действительно, не был популярен: еретики его не любили как гонителя, а остальные жители империи тяготились тяжелыми бременами, которые на всех возлагала неутомимая деятельность Юстиниана, требовавшая огромного напряжения государственных финансов и, естественно, связанная с очень высокими налогами.

Лекция 10

Начиная с Константина Великого, мы имеем дело с историческим явлением, которое называется в истории «Византия». Это явление в историографии оценивалось весьма различно. В XVIII в., в эпоху так называемого Просвещения, о Византии говорили как о каком-то сплошном, непрерывном (продолжавшемся тысячу лет с лишним) упадке Древнего Рима. Потом ее стали оценивать более оптимистично, и в конце XIX в. в научном мире к Византии установился очень большой интерес – интерес, более или менее свободный от всяких вероисповедных и прочих пристрастий. О Византии стало модно говорить, хотя о ней и в XIX в. говорили часто несправедливо, как и прежде.

Начнем с самого названия «Византия». Нам оно кажется само собой разумеющимся, а на деле – это ругательство. Настоящие византийцы никогда византийцами себя не называли. Они именовались римлянами. Равным образом, не называли они себя и греками, хотя этническая и культурная основа Византии, конечно, греческая. Дело в том, что в Священном Писании Нового Завета понятия «эллин» (т.е. грек) и «язычник» отождествились. Поскольку этот этноним, это национальное имя стало обозначением вероисповедания, отвергнутого греческой нацией так же, как и многими другими, то нация эта отказалась и от своего национального имени – замечательный пример смирения. В дохристианскую эпоху греки, хотя и покоренные римлянами, осознавали и именовали себя греками (точнее, эллинами). Приняв христианскую веру, они отвергли свое национальное имя, слишком тесно связанное с языческими воспоминаниями. Они усвоили имя римлян, а свое государство, империю, которую мы, не задумываясь, зовем Византийской, прозвали Римским государством, Римской державой. Свою столицу же, официально называвшуюся «Константинополь», они величали «Новым Римом».

Только некоторые византийские историки, которые вообще были склонны к архаизации – скажем, каких-нибудь арабов они могли называть персами в память о древних войнах за сотню лет до Р. Х. – по старой памяти, именовали столицу государства Византием, и это вполне вписывалось в их общий стиль. Византием назывался городок, стоявший на месте великой столицы, построенной св. Константином. Но это старое название столицы вовсе не распространялось на государство и на его население у византийских писателей. Только западные писатели и

западные политики, которые отрицали державные права Византии, как при ее историческом существовании, так и после турецкого завоевания, отказывали ей и в имени, какое она сама избрала, и какое она, как можно признать, вполне законно носила. Отказывали же ей в имени Римской державы только потому, что на него претендовала очень поздно возникшая так называемая «Священная Римская империя германской нации». Она возникла в 800 г., когда франкский король Карл Великий был коронован как император. Таким образом, эта западная империя, имевшая довольно слабые связи с Древним Римом, возникла после большого исторического перерыва. Если ее в какой-то степени и можно считать преемницей древней Римской империи, то с гораздо большим правом является ею Византия, чья преемственная связь с Римом не прерывалась ни на миг.

Поскольку само имя Византии есть спорное имя, очень многое в ее истории тоже оспаривается. Оспариваются самые хронологические рамки этого исторического явления, т.е. историки не единодушны во мнении, когда закончилась собственно Римская империя, и когда началась Византия. На самом деле, как многие соглашаются, граница здесь весьма условна, так как не было никакого резкого обвала и обрыва. Происходила постепенная эволюция, которая превратила Римскую империю в греко-римскую державу, так называемую Византию.

Выше мы вспоминали св. Юстиниана. Конечно, это виднейшая фигура, и многие считают, что его время можно принять как отправной момент для начальной датировки византийской истории. Сам Юстиниан был историческим оптимистом – как христианский государь, как хозяин государственного наследия Рима и как преемник культурного наследия Греции, а именно таковы три основных компонента явления, называемого нами византизмом: христианская вера, римская государственность и греческая культура. Юстиниан, восстановивший империю в ее более или менее прежних границах (хотя скорее менее чем более), мог видеть себя на пороге какой-то новой благословенной исторической эры. Но история показала, что его надежды не осуществились, и для нас он скорее завершает предшествовавшую эпоху, его можно считать последним римским государем на константинопольском престоле. После Юстиниана наступает период упадка, и как это всегда случается, упадок означает переход к чему-то новому. Все свои силы Юстиниан напряг для того, чтобы восстановить Римскую державу, чтобы внутренне ее консолидировать и расширить ее внешние границы до пределов некогда великой Римской империи начала христианской эры. Исполняя эту непосильную задачу, держава как бы изнемогла, и уже при жизни

Юстиниана обнаружили великие внешние опасности. В то время, когда на далеком Западе войска Юстиниана одерживали славные победы, куда ближе к столице разворачивались события, чреватые очень большими бедами в близком будущем. Начиналось славянское нашествие на Византию.

В ходе так называемого «великого переселения народов» славяне продвинулись к западу и достигли дунайской границы Римской империи. Поскольку с востока на них наседали племена, шедшие следом, славяне стали вторгаться в пределы империи и уже при Юстиниане совершили разорительный набег на Балканский полуостров. Византия была государством, вынужденным воевать минимум на два фронта. Но теперь, воюя активно в Италии, сдерживая славянский натиск на Балканах, она должна была иметь в виду и персидскую опасность на Востоке. Ближайшим объектом персидских нападений была Сирия, которую персы опустошили своими набегами в царствование Юстиниана.

После смерти Юстиниана начался довольно быстрый упадок империи. Его преемники не в силах были сдерживать мощный натиск внешних врагов. Поначалу самым мощным противником оказались славяне. На протяжении всего своего двадцатилетнего царствования (582–602 гг.) император Маврикий мужественно противостоял славянской опасности. Он, что было необычно для императора, сам командовал армией не только в походах, но и в битвах. Но, в конце концов, и сама армия изнемогла, произошел военный заговор, и император был убит. Ему на смену пришел узурпатор Фока, который царствовал всего 8 лет (602–610 гг.) – и эти годы были настоящей агонией старой империи – позднеримской или, если хотите, ранневизантийской. В церковном отношении как Маврикий, так и Фока были православными императорами, но даже приверженность православию этого последнего – Фоки, выразилась в диких формах кровавых гонений не только против монофизитов, но и против всех неправославных, вплоть до самарян и иудеев. Ненавидимый всеми Фока только в Риме нашел горячую поддержку. По-видимому террористические методы утверждения православия импонировали тогдашним римским настроениям. Террор Фоки был направлен, прежде всего, против аристократических фамилий. Аристократия и так достаточно пострадала от вражеских нашествий, которым подверглась большая часть империи, и теперь Фока ее добивал. Падение кровавого режима Фоки было началом нового периода византийской истории.

Фока погиб в результате восстания, возглавленного карфагенским

военачальником Ираклием, который и стал его преемником на константинопольском престоле. Император Ираклий, основатель новой династии – один из самых значительных византийских государей. Царствование его продолжалось с 610 до 641 года – более тридцати лет. Поскольку прежняя социальная структура империи распалась, Ираклий дал ей новую основу, новый принцип организации. Отныне административная система была военной, а социальной базой государства стали мелкие земельные владения. Часть свободных крестьян, объединенных в общины, составили основу новой армии. Если прежняя армия была наемной, и в силу этого – ненадежной, новая армия, не менее профессиональная, опиралась на мелкие крестьянские хозяйства, воины получали земельные наделы, за что они обязывались государству военной службой, а наделы эти обеспечивали им не только пропитание семьи, но и военную экипировку в случае призыва в армию во время боевых действий.

Царствование Ираклия совпало с величайшими военными опасностями: с севера империи угрожали славяне, которые после падения императора Маврикия почти беспрепятственно захватили всю Грецию вплоть до Пелопонесского полуострова, а с востока вторгались персы. Бывали моменты, когда Константинополю угрожало одновременная осада славян и персов. Но персы не только угрожали отдельными набегами: в начале царствования Ираклия им удалось отторгнуть от империи обширные области – Сирию, Палестину, Египет, Армению; Малая Азия, хоть и не была захвачена, но периодически ими опустошалась. Огромным моральным ударом было падение Иерусалима. Конечно, захват таких церковных центров, как Александрия и Антиохия тоже имел большое значение.

Потеря этих территорий сопровождалась массовым бегством христиан, особенно православных христиан, не зараженных монофизитством. Часто этот массовый исход возглавляли архипастыри. Например, накануне вступления персов в Александрию, тамошний патриарх св. Иоанн Милостивый покинул город, подавая этим пример и своей пастве. Иначе вели себя монофизиты и другие еретики. Многие монофизиты искренне приветствовали завоевателей, полагая, что им будет легче при язычниках-персах, чем под властью православной Константинопольской империи. Некоторое отрезвление наступило лишь после того, как многие епископские кафедры стали захватывать несториане, которым персы особенно покровительствовали (я уже объяснял, почему). В это время еретические общины довольно четко отождествились с отдельными нациями. Монофизитскими были коптская,

западно-сирийская и армянская общины.

Но императору Ираклию, который опирался на новую организацию своей империи, удалось наголову разбить персов. Он проник в самое сердце Персии, одержал там решающие победы и этим обеспечил возвращение всех территорий, когда-либо захваченных персами у Рима, а кроме того, обеспечил себе контроль над самой Персидской державой. Настоящим триумфом Ираклия был его въезд в Иерусалим, куда он вернул Древо Креста Господня. Эту величайшую христианскую святыню персы незадолго до этого вывезли из Иерусалима в столицу персидского шаха как трофей.

Война с персами велась с искренним христианским воодушевлением, это была настоящая средневековая война за веру. Деятельнейшим помощником Ираклия в его великих государственных свершениях был константинопольский патриарх Сергей. Уже при Юстиниане произошло взаимосмещение власти церковной и государственной в духе симфонии. По законам Юстиниана, например, епископы, были обязаны наблюдать за гражданской администрацией в провинциях и доносить о ее провинностях. Но и гражданская администрация принимала большое участие в церковной жизни. Патриарх Сергей во время продолжительных отлучек императора Ираклия из Константинополя назначался им главным членом регентского совета, и, случалось, самостоятельно руководил защитой Константинополя в период военной опасности. После разгрома персов вновь со всей остротой встала проблема взаимоотношений с монофизитами, во множестве населявшими только что возвращенные восточные провинции, и деятельно сочувствовавшими персидскому завоеванию.

Сам император Ираклий хотел уклониться от активного вмешательства в этот труднейший вопрос. Это не означает его равнодушия, а показывает только, что он, как человек светский и военный, чувствовал себя здесь совершенно бессильным.

Впрочем, Ираклий, как и всякий византийский государь, мог сам принимать участие в богословских диспутах. В частности, оказавшись во время военных действий в Армении, он вел весьма активные богословские переговоры с армянами. Но все-таки он предпочитал, чтобы такие переговоры вели иерархи (Примеч. о В. Асмуса).

И вот патриарх Сергей, великий патриот, из самых, казалось бы, лучших патриотических побуждений начал работать над подготовкой богословского компромисса между православным учением IV и V Вселенских Соборов и монофизитством. Патриарх Сергей увлекся

учением о единой энергии, едином действии Богочеловека Христа. Это учение еще до него около 600 г. начали разрабатывать в Египте – опять-таки, как попытку компромисса между православием и монофизитством. Сторонники этого нового учения ссылались на один текст св. Дионисия Ареопагита, хотя они тут же этот текст и фальсифицировали. Так, Дионисий Ареопагит говорит о новом богомужном действии Христа. Авторы новых еретических попыток заменили слово «новое» на «единое», в чем православные немедленно их и обличили. Вообще говоря, здесь православная сторона впервые начинает ссылаться на творения св. Дионисия Ареопагита как на авторитетный источник. Эти таинственные сочинения, известные под именем Дионисия Ареопагита, ученика св. апостола Павла, насколько мы можем судить, в древности были совершенно неизвестны, и у ранних церковных писателей нет о них ни одного упоминания. Впервые они вышли на свет во время диспута православных с монофизитами, который устроил в 532–533 гг. в Константинополе император Юстиниан. Именно на этом диспуте они впервые и были упомянуты. Их упомянули ссылавшиеся на них монофизиты, а православные, напротив, отвергли их, как неподлинные, указав, что неизвестны ранней Церкви. И вот, начиная с VII в. сочинения Дионисия Ареопагита цитируют уже и православные, притом – как источник своего вероучения.

Выдвинув новое учение, патриарх Сергий, который был не столько богословом, сколько деятельнейшим церковным политиком, сразу завязал переговоры. Эти переговоры вроде бы имели успех. Прежде всего, он встретил себе союзника в лице александрийского патриарха Кира. Кир тоже решил, что учение о едином действии – хорошая основа для объединения православных и монофизитов, ибо не отменяет прямо Халкидонского догмата, но, так сказать, смягчает его указанием на экзистенциальное, как сказали бы теперь, единство во Христе обеих природ.

Новое догматическое учение сразу же встретило противодействие, и здесь необходимо назвать, прежде всего, имя св. Софрония, который в истории известен как Софроний Иерусалимский (хотя патриархом Иерусалимским этот святой был не последние годы даже, а только месяцы своей жизни). Сама жизнь св. Софрония весьма драматична и богата всякими событиями. Он происходил из города Дамаска в Сирии. В Сирии было два больших центра – Антиохия, скорее греческий город, и Дамаск, где сильно чувствовалась восточная почва. Получив образование в Дамаске, св. Софроний оставил его, как оказалось, навсегда; подвизался в

монастырях Палестины, затем переселился в Александрию, после этого был в Латинской Африке, где познакомился с прп. Максимом Исповедником. Но еще раньше он сблизился с Иоанном Мосхом, который стал его сподвижником. Вместе с ним они подвизались в Палестине, а затем отправились дальше, поровну деля труды странствий.

Блаженный Иоанн Мосх – автор «Луга Духовного». В Александрии св. Софроний, тогда еще простой монах, противостоял новой ереси, полемизируя с патриархом Киrom Александрийским. Патриарх его уважительно выслушал и тут же отослал в Константинополь к патриарху Сергию. Один современный историк говорит, что самый момент, когда простой монах Софроний бросился на колени перед патриархом Киrom, умоляя его не вводить новую ересь, ознаменовал и решительное поражение этой ереси.

С патриархом Сергием Софроний также вел оживленные переговоры, и есть основания полагать, что позиция Сергия изменилась именно в результате такого мужественного и аргументированного натиска св. Софрония, тем более что изменились и другие обстоятельства. Константинопольская кафедра не могла решать догматические вопросы, совершенно игнорируя мнение Рима, и, вполне естественно, что патриарх Сергий, трудившийся над новым догматом о единой энергии, должен был вступить в переговоры с папой. На папском престоле в то время был Гонорий (Онорий, по другому произношению). Как показывают его письма к Сергию, он в целом одобрил мысли своего константинопольского собрата, но относительно деталей внес некоторые новые предложения, а именно – не рассуждать о единой или двух энергиях, а сосредоточиться на выработке учения о единой воле во Христе. Таким образом, именно Гонорий оказался формальным и фактическим провозгласителем новой ереси, которая известна под названием монофелитства («монос» – один, «фелима» – воля). Монофелитство – единоволлие, учение о единой воле во Христе. Как считал папа, именно это учение могло стать приемлемым для обеих сторон компромиссным вероисповеданием. С одной стороны, не происходит отречения от Халкидонского догмата, с другой – в угоду монофизитам провозглашается учение о единой воле во Христе, т.е. о единой Богочеловеческой воле.

Ясно, что этот факт весьма неприятен для римо-католиков, поскольку он опять-таки опровергает католическое учение о непогрешимости папы в вопросах веры. Признавая эти факты в целом, католическая сторона должна прилагать большие усилия, для такого их истолкования, чтобы они не вступали в противоречие с догматом I Ватиканского Собора о папской

непогрешимости. И поэтому католики говорят, что папа не понял спора, который шел на Востоке, или, что он в своем письме константинопольскому патриарху высказался как частное лицо, а не как римский папа. Но добросовестные католические историки признают, что в то время вообще не было никакой речи о папской непогрешимости, никто о ней не учил, никто ее и не ожидал найти, и поэтому не удивительно, что впоследствии сама Римская Церковь согласилась с анафематствованием ереси папы Гонория на VI Вселенском Соборе. Но это было потом, а тем временем предстоял еще долгий спор об этом новом учении.

Патриарх Сергей успел уже возбудить в Церкви споры относительно учения о единой энергии. К старому разделению прибавилось новое – кроме последовательных православных и решительных монофизитов, появилась еще третья партия – конформистская партия, которая поддерживала патриарха Сергея и его официально-церковную линию. Новое учение было переформулировано. Оно в принципе не изменилось, но получило иное выражение. Император Ираклий упорно желал остаться в стороне от вероисповедных баталий, но, в конце концов, патриарх Сергей принудил его подписать указ, утверждавший новое учение о единой воле во Христе и запрещающий споры об энергиях, т.е. отменявший то учение, которое сам Сергей провозглашал прежде. Этот указ был издан в 638 г. и получил название «Экфесис» или «Эктесис», т.е. буквально – «изложение». В действительности же автором указа был сам патриарх. События разворачивались бурно. Примерно в это же время иерусалимским патриархом становится св. Софроний, который свое известительное послание другим патриархам и церковным предстоятелям (такие послания каждый раз, по традиции, посылались после интронизации нового патриарха), сделал настоящим исповеданием веры, где опровергается новая монофелитская ересь и утверждается православное учение о двух действиях – Божественном и человеческом, и двух волях – Божественной и человеческой во Христе. Впоследствии это послание св. Софония – «окружное послание», как оно называется, вошло в деяния VI Вселенского Собора.

Св. Софроний недолго был патриархом Иерусалимским. Вскоре Иерусалим подвергся новому завоеванию. Когда была сокрушена мощь персов, казалось, что хотя бы с восточной стороны границы империи обеспечены. Но восстал новый и гораздо более страшный противник – ислам, который зародился на Аравийском полуострове. Очень скоро вслед за падением Персидской державы началась мощная экспансия арабов-мусульман за пределы Аравийского полуострова. Взаимная борьба

Византии и Персии ослабила обе страны и открыла путь исламскому завоеванию. Персия была завоевана почти мгновенно. Такая же участь ожидала и многие провинции христианской империи. Прежде всего арабы завоевали Палестину. Иерусалим мужественно сопротивлялся, но силы были слишком неравны, и св. Софроний возглавил переговоры о сдаче Иерусалима. Тогдашние мусульмане – вдохновенные носители новой религиозной идеи – не могли в то же время не осознавать некоторой своей культурно-исторической неполноценности, и поэтому не стремились свою религию навязать всем. Они хотели подчинить себе тех, кто исповедует другие религии военным путем. Поначалу мусульмане не выказывали большой враждебности к христианам. Они говорили, что их власть вполне может стерпеть христианское «заблуждение». Но если христиане оказывали сопротивление, их ждали самые страшные наказания. Мусульмане совершенно по-разному относились к тем городам, которые им сдавались добровольно, и к тем, которые были взяты штурмом. Иерусалим, довольно долго мужественно сопротивлявшийся, в конце концов сдался, и св. Софроний присутствовал при первых распоряжениях новых мусульманских его властителей. Они оказались довольно либеральными. Когда св. Софроний предложил мусульманскому военачальнику войти в церковь Вознесения, для поклонения Христу, тот отказался и сказал: «Если я войду в твою церковь, то после моей смерти ее у тебя отберут». Христианам были обеспечены определенные права не только в Иерусалиме, но и во всей Палестине. Вскоре св. Софроний скончался.

Довольно легко мусульмане захватили также Сирию с ее столицей Антиохией и Египет, причем, монофизитское население этих областей, как и прежде, при персидском захвате, приветствовало новых завоевателей. Именно наличие большого числа монофизитов и объясняет столь легкие и быстрые успехи мусульманской агрессии в этих регионах.

Таким образом, почти все области, зараженные монофизитством, оказались под властью мусульман, и во многом именно по этой причине церковно-политические цели так называемого «Экфесиса» не были достигнуты. Вскоре умирает патриарх Сергий, а затем и император Ираклий. Император Ираклий, мужественный воин, победитель персов, перед смертью впадает в депрессию и совершенно безучастно наблюдает за арабским завоеванием тех провинций, которые он так успешно отвоевывал.

После смерти Ираклия были некоторые дворцовые смуты, и очень скоро императором был объявлен его несовершеннолетний внук, который

в истории известен как Констант II. Если Ираклий склонялся к нейтралитету в вопросах религии, а его безвременно (вскоре после отца) умерший сын Константин был убежденным православным, то Констант – сын этого Константина и внук Ираклия – стал защитником монофелитства. Констант, подобно своему деду, был мужественным правителем, который не оставлял надежды вернуть империи утраченное. Именно это, по-видимому, побуждало его защищать монофелитство, ту вероисповедную формулу, которая, как казалось, могла стать почвой примирения православных и монофизитов. Однако, ввиду преобладания православия на тех территориях, которыми Констант реально обладал, он должен был несколько видоизменить политику своего деда, или – что то же самое – политику патриарха Сергия. В 648 г., уже по достижении совершеннолетия, он издает новый вероисповедный указ. Этот новый указ получил наименование «Типос», т.е. образ, образец. Автор этого указа идет на попятную. Он запрещает всякие дискуссии об энергиях и волях и как бы хочет успокоить ту бурю, те напряженные споры, которые завязались в Церкви после провозглашения учений сначала о единой энергии, а затем о единой воле во Христе. Но на самом деле слишком много уже было сказано раньше, в предыдущие десятилетия, чтобы просто-напросто умолчать об этом, и чтобы такое умолчание послужило к тому же основой для церковного мира. Поэтому православные немедленно разоблачили этот новый опыт официального богословия как защиту неправой веры, как защиту монофелитства.

В этот новый период спора главным защитником православия явился прп. Максим Исповедник. Максим Исповедник, жизнь которого во многом напоминает жизнь св. Софония, тоже был участником очень важных событий церковной истории. Защищая православие, он прошел грады, веси и даже континенты. В молодости был придворным советником, но очень скоро оставил двор, став монахом на азиатском берегу Босфора; затем, избегая персидской опасности, он покинул свой монастырь, ушел в Александрию; побывал также на многих островах Средиземного моря. Из Египта он направился в латинскую Африку, где стал организатором сопротивления новой константинопольской ереси. В это время в латинской Африке находился низложенный по политическим причинам константинопольский патриарх Пирр. Состоялся диспут прп. Максима Исповедника с бывшим патриархом Пирром, причем до нашего времени дошла точная его стенограмма. Патриарх признал себя побежденным, и, будучи прежде монофелитом, перешел на сторону православия, хотя, как выяснилось, не окончательно. Впоследствии он опять перебежал к

монофелитам.

Эти события, важные сами по себе, были сильно осложнены обстоятельствами чисто политического характера. В то время, когда прп. Максим Исповедник находился в Африке, военный наместник этой провинции – лицо, бывшее с ним в весьма дружеских отношениях, взбунтовался против константинопольского правительства и объявил себя императором. Этот узурпатор погиб в борьбе с арабами, но впоследствии отвечать за его действия пришлось на суде в Константинополе прп. Максиму. В латинской Африке прп. Максим Исповедник организовал несколько соборов, которые все высказались против монофелитства. Прп. Максим не был латинянином, но его богословие было определяющим для догматического учения этих поместных соборов. Затем Максим отправился в Рим. В свое время здесь побывал и св. Софроний со своим другом – блаженным Иоанном Мосхом (в Риме Иоанн Мосх скончался, и по его завещанию св. Софроний повез останки друга на Восток, в Палестину. Именно таким образом, сопровождая тело блаженного Иоанна, св. Софроний вернулся к себе на родину, где ему и предстояло стать иерусалимским патриархом).

Прп. Максим Исповедник в жизни Римской Церкви имел гораздо большее значение, чем св. Софроний. Во время пребывания прп. Максима в Риме только что избранный без утверждения константинопольского императора римский папа св. Мартин Исповедник созвал поместный собор в 649 г. Этот собор 649 г. называется Латеранским – по названию папского дворца, где он заседал. На этом весьма представительном соборе западного епископата, присутствовало более 100 латинских епископов латиноязычных областей. Однако, как и на соборах в латинской Африке, здесь главенствовал прп. Максим Исповедник. Собор осудил монофелитство. Прибывший в Рим военный наместник императора, который должен был арестовать папу Мартина, предпочел вместо этого взбунтоваться и провозгласить самого себя императором, словом, произошла еще одна узурпация под знаменем защиты православия. Это, конечно, осложнило картину и отяготило земную участь защитников православия, когда впоследствии императору Константу удалось-таки наложить свою руку на непокорную Италию. Папа Мартин был арестован. Его некоторое время держали в заключении на одном из греческих островов, затем он был доставлен в Константинополь, где состоялся судебный процесс. С самого начала суд имел чисто политический характер. Вероисповедные убеждения папы никого не интересовали. Он был приговорен к смертной казни. По просьбе умирающего

константинопольского патриарха Павла, одного из деятельнейших защитников монофелитства, смертная казнь папе Мартину была заменена ссылкой в Крым (в тогдашней империи Крым был самым суровым, самым северным краем, и папа Мартин в своих письмах в Рим жаловался на всяческие лишения, что совершенно естественно, тем более, что он был человеком старым и обремененным разными болезнями; в частности, его мучила подагра – так, что он не мог даже стоять). Мы можем считать его в некотором смысле нашим отечественным святым, поскольку он умер в пределах нашего государства.

В конце XVIII в., когда Крым был присоединен к Российской империи, в Москве построили большой храм св. Мартина Исповедника. Он находится в районе Таганки и сейчас наконец-то начинает функционировать. Это одна из самых больших Церквей в Москве. После войны Сталин предложил патриарху Алексию на выбор две Церкви – Ордынскую и Максима Исповедника. Но, поскольку в храме на Ордынке была святая икона «Всех скорбящих радость», патриарх предпочел получить именно его.

Если религиозные взгляды папы Мартина никого не интересовали, то, как только дошла очередь до преподобного Максима Исповедника, его всячески стремились склонить к компромиссу, ибо власти сознавали, что именно он – истинный возглавитель православных. Преподобный Максим был непреклонен. Ему сказали: «Уже вся вселенная причастилась с патриархом», т.е. вошла в литургическое общение с еретичествующим константинопольским патриархом. Это было действительно так: если первый преемник св. Мартина не вступил в общение с Константинополем, то папа Виталиан, который занял Римскую кафедру с 657г., не желая осложнять своих отношений с Константинополем, вступил с ним в общение, и, тем самым, признал тех, кто задавал тон в Константинополе, православными. Преподобный Максим ответил на эти уговоры такими дерзновенными словами: «Даже если вся вселенная причастится с патриархом-еретиком, я этого не сделаю». Отказываясь подчиняться патриархам в силу одного того, что они патриархи, преподобный Максим столь же мужественно отказывался подчиняться и императорам, решительно протестуя против их вторжения в область вероучения, которую, как он провозгласил, должны определять исключительно священники. Если константинопольские власти не признали Мартина, ставшего папой без одобрения императора, если они слышать не хотели о Латеранском соборе 649 г., то св. Максим, напротив, постоянно называет этот собор вселенским, хотя он состоялся без малейшей санкции и

согласия императора. Преп. Максим подвергся тяжким мучениям и был сослан в Лазику на Черноморское побережье Кавказа, где и почил. По этой причине мы можем считать его, как и папу Мартина, одним из святых покровителей нашей страны.

Лекция 11

Учение об одной воле во Христе было смягченной формой монофизитства. Не противореча формально Халкидонскому догмату, оно могло, как надеялись изобретатели этого учения, стать почвой для воссоединения Церкви с отошедшими от нее общинами еретиков-монофизитов. На самом деле, как показали святые отцы, которые противостояли этой новой ереси, весь яд, вся неправота монофизитства в полной мере, содержалась и в этой новой его форме. По мнению монофелитов, человеческая природа Христа была бездейственна и безвольна, т.е. во Христе действовало одно Божество, а человеческая природа не действовала. И была как бы орудием действия Сына Божия. Но если это так, и человеческая природа во Христе лишена действительного действия, действительной воли, то это некая особая природа, а вовсе не та, по которой, как учит Православная Церковь, Христос единосущен всем остальным людям. Уже древние отцы говорили: что не воспринято, то не уврачено. Если Христос, восприняв человеческую природу, не воспринял одновременно человеческого действия и человеческой воли, то, значит, эти человеческие действие и воля не уврачены воплощением Сына Божия. Как показали святые отцы, и, прежде всего, прп. Максим, Христос изволяет наше спасение не только Своей божественной, но и Своей человеческой волей. Особенно впечатляюще Максим Исповедник развивает эту мысль, исследуя евангельское повествование об агонии Христа, Его борениях, которые непосредственно предшествовали крестным страданиям. Как известно, во время гефсиманских борений Христос сказал: «Не моя воля, но Твоя, Отче, да будет». Эти слова, в которых заключено, можно сказать, все учение о нашем спасении, помимо элементарного их смысла, имеют иной, глубинный. Вскрывая его, преподобный Максим доказывает, что здесь говорится о двух волях: о воле Божественной, которая, естественно, у Сына Божия едина с Отцом, и о воле человеческой. Эта воля человеческая не противоположна воле Божественной, на чем спотыкались еретики. Они считали, что если во Христе Божественная и человеческая воли различаются, то они непременно должны быть и противоположными, а тогда приходится говорить и о раздвоении, доводящем христологическое учение до грани несторианства и даже прямо влекущем за собой несторианские выводы. Но, конечно, «различное» не означает «противоположное», И хотя человеческая воля совершенно естественно

учитывает, скажем, страх перед страданиями и смертью, но она, согласуясь с волей Божественной, преодолевает этот страх. Христос никого на земле не боялся, но его человеческому естеству был свойствен присущий каждому человеку страх перед страданиями и смертью, и спасительное дело Христово совершилось именно потому, что Христос восхотел своей человеческой волей принять то страшное, что ему предстояло. Именно в человеческом изволении, в изволении, совершенном по человеческому естеству, в согласовании с волей Божественной, и состоит, как показывает прп. Максим Исповедник, тайна нашего спасения.

Но чтобы восторжествовало это учение, которое Православная Церковь, в конце концов, сделала своим, требовалось время. Прежде всего, должен был исчезнуть со сцены император Константин II, который, хоть с виду и отмежевался от монофелитства в своем Типосе, но на самом деле, как показывают факты, продолжал преследовать защитников православия. Этот император, одаренный как военачальник и как государственный муж, имел, однако, очень трудный и жестокий нрав. В конце концов, он вступил в открытую конфронтацию со всей своей столицей и в результате покинул ее, причем сенат воспретил ему взять с собой семью. Вся семья императора осталась в Константинополе, а он сам отправился на далекий Запад, на остров Сицилию и там, в Сиракузах, основал новую резиденцию. Возможно, этот выбор связан был с тем, что западная часть империи приобрела особенно важное значение ввиду мусульманских завоеваний на Востоке, когда были потеряны Египет, Палестина, Сирия и под ударом находилась Малая Азия. Империя, сохранившая за собой значительную часть Италии вместе с древней столицей – Римом и островами, а также латинскую Африку, должна было этими территориями дорожить.

Однако пребывание императора в Сицилии было недолгим, произошел заговор, который составила группа окружавшей его армянской знати, и Константин был убит. Заговор был очень быстро подавлен, императора похоронили в Константинополе, в императорской усыпальнице собора Двенадцати Апостолов, и началось новое царствование, перечеркнувшее религиозную политику предшествующих императоров-монофелитов.

Новым императором стал Константин IV, которого многие исторические авторы называют Константин Погонат, т.е. бородатый. Современные историки считают, что на самом деле это прозвище было усвоено его отцу, Константу II. Константин IV, можно полагать, был причислен Церковью к лику святых. Точная дата смерти этого императора неясна, но известно, что он умер в сентябре месяце. А как раз в

сентябрьской Минее под третьим числом значится некий император, названный там Константин Новый. Ему нет службы, нет никакого синаксая, но он там упомянут. Преподобный Никодим Святгорец, составитель греческих житий Святых, считает, что под этим Константином нужно разуместь одного из сыновей основателя этой династии – Ираклия. Но тот Константин царствовал всего несколько месяцев, и умер он не в сентябре, а в мае. Так что я думаю, здесь имеется в виду именно Константин IV. Вообще, как правило, канонизировались те императоры, при которых происходили Вселенские Соборы, а имя Константина IV навсегда останется в связи с созванным в его правление VI Вселенским Собором.

Этот Собор отличается особенной продолжительностью, – он начался 7 ноября 680 г., а завершился 16 сентября 681 г., – заседал, таким образом, много месяцев. Указывается разное число его участников – от 150 до 289; можно думать, что на различных сессиях было разное число епископов, потому что поначалу собрались не все. Созыву Собора предшествовала переписка с ведущими кафедрами и, естественно, прежде всего, с первой по чести во Вселенской Церкви Римской кафедрой. По этому поводу в Риме был созван поместный собор, который как бы задал тон решениям, подлежащим утверждению на VI Вселенском Соборе в Константинополе. Рим считал, что основное слово принадлежит папе. Если в Константинополе соберется Вселенский Собор, он всего-навсего торжественно подтвердит то, что уже решено в Риме. Но в то же время мы не должны стилизовать тогдашнее римское мировоззрение, римскую экклезиологию в духе доктрины, которая выработалась в католическом мире в последующие столетия.

Мы не должны думать, что то учение о папе, последний штрих которого был сделан в прошлом веке на I Ватиканском Соборе (догмат о папской непогрешимости) в полном виде имелось уже и в рассматриваемую эпоху. Вместе с тем многое говорит о том, что учение о структуре Церкви на Востоке и на Западе не совпадало. Прежде всего отметим, что Рим не знал в ту пору безраздельного авторитета папы. Папа, даже если он и имел высокое сознание своего места в Церкви, в важных случаях считал нужным созвать поместный собор, и принимал важные решения совместно с ним. Однако это решение римского собора признавалось там обязательным для всей Вселенской Церкви. Православным, т.е. принадлежащим к Церкви Христовой, назывался тот, кто имел общение с папой, кто такого общения не имел, пребывал вне Церкви.

Совсем по-иному представляли себе дело в Константинополе. Созывая VI Вселенский Собор (он же III Константинопольский, потому что в Константинополе происходили II и V Вселенские Соборы), Константин IV считал, что в Церкви существует разномыслие. Церковь внутри себя разделилась, и задача в том, чтобы воссоединить обе ее части, одинаково принадлежащие к Церкви Христовой. Это представление о состоянии Церкви и о задачах Собора выразилось наглядно даже в том, как были рассажены главы и представители глав Церквей.

Во главе Собора сидел император, который председательствовал на большинстве заседаний Собора. Если не было императора, то совместное председательство брали на себя четыре его чиновника. По левую руку императора, т.е. с правой стороны, сидели на почетных местах представители римского папы и другие сторонники учения о двух волях во Христе. По правую руку сидели первоиерархи, защищавшие учение о единой воле во Христе. Заседания Собора происходили в так называемой Трулльской палате императорского дворца. Почему-то изредка этот Собор, VI Вселенский, называется Трулльским, но его ни в коем случае не следует смешивать с собственно Трулльским Собором, который заседал в той же палате через 10 лет, и о котором мы позже будем говорить. Хотя и было понятно, что император желает дать перевес учению о двух волях во Христе, однако же на заседаниях происходили дискуссии, и поначалу никто не сидел, так сказать, на скамье подсудимых (обычно подсудимые на соборах помещались в середине зала). И только под конец, когда картина прояснилась, был отлучен от Церкви патриарх Антиохийский, до конца оставшийся верным монофелитскому учению, и один из его последователей. Все прочие участники Собора, даже если они поначалу разделяли воззрения монофелитов, по ходу его перешли на православную сторону. Сохранились подробные записи деяний Собора, так что мы можем себе представить основное направление событий.

Подавляющее большинство отцов Собора не желало разделять воззрения Рима на значение римской кафедры, и вовсе не ограничилось пассивным присоединением к римским решениям. Эти последние были подвергнуты рассмотрению отцами Собора так же, как и прочие представленные документы. Результатом было, с одной стороны, издание вероопределения Собора, которое утверждало православное учение о двух энергиях и двух волях во Христе; а с другой стороны – осуждение еретиков. Кроме двух названных, осуждению подверглись несколько восточных патриархов: Сергей и другие. Их осуждения требовал Рим. Но кроме восточных первоиерархов, осудили и римского папу Гонория. Этого

Рим, разумеется, не требовал. Но хотя осуждение Гонория бросало тень на римскую кафедру, пришлось согласиться и с ним, дело представлялось и той и другой стороне, и Константинополю и Риму, совершенно бесспорным. Только некоторые из близких по времени к Собору римских пап пытались несколько смягчить это осуждение Гонория. Не отвергая в принципе осуждения, признавая Гонория анафематствованным, они, однако же, пытались доказать, что он не был сознательным еретиком, а всего лишь впал в ересь по некоему небрежению.

Таковы, вкратце исторические события, связанные с VI Вселенским Собором. Это – последний христологический Собор. Христологическими считаются соборы с III по VI Вселенский включительно. И хотя последующий период, период иконоборчества, также тесно связан с христологическим богословием, но спор о святых иконах есть все же нечто новое. Довольно скоро после Собора, в 685 г., Константин IV умер (в возрасте 33 лет). На престол вступил его сын, Юстиниан II.

Юстиниан II был одаренным императором, но уже само его имя, которое напоминало о великом царствовании Юстиниана I, таило в себе некоторый соблазн – подражая своему великому предшественнику, быть ничем не ниже его. И, действительно, Юстиниан II – это император, отличавшийся крайним властолюбием, и еще до конца своего царствования ставший настоящим тираном. Однако это случилось уже после тяжелых испытаний, уготованных ему его врагами. Первые же годы царствования Юстиниана II были более спокойными и плодотворными. В это время произошел Трулльский собор, тот самый собор, который преимущественно и называется Трулльским. Он состоялся в Константинополе, в той же самой зале императорского дворца, что и VI Вселенский Собор. Он был еще более продолжительным, чем VI, и заседал с 1 сентября 691 г. до 31 августа 692 г. (!), т.е. ровно год. Собор объявил себя Вселенским; фактически же, он таковым не являлся, потому что на нем никак не был представлен папский престол, а что касается восточных патриархов – Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского – они в это время, находясь под мусульманским владычеством, уже не могли сохранять за собой прежнее значение в церковной жизни.

Начинается угасание этих древних церковных центров. Этот упадок старейших патриархов (один из них, Александрийский, долгое время оспаривал первенствующее место, которое в Восточной Церкви занял Константинополь), естественно, сказался на положении столичной кафедры. Константинополь фактически оказался во главе угла всей церковной жизни на Востоке, и хотя Трулльский собор (он еще назывался

Пято-шестым собором) формально не был Вселенским, он претендовал на роль Вселенского и ставил своей задачей разработку правил для всей Вселенской Церкви. Как я уже говорил, ни V, ни VI Вселенские Соборы таких правил не издали. Это объясняется в значительной степени тем обстоятельством, что законодательная деятельность императора Юстиниана I была чрезвычайно обширной, и она определила строй церковной жизни в очень многих сферах, не оставив, как казалось тогда, ничего неупорядоченным. С одной стороны, уже имелись деяния первых четырех Вселенских Соборов, с другой – огромное по объему законодательство Юстиниана I, и поэтому в последующее время законодательная жизнь вообще замирает – это относится не только к церковному, но и к гражданскому законодательству Византийской империи.

Однако Пято-шестой Трулльский собор – он называется так потому, что как бы восполнил работу V и VI Соборов, не давших церковных правил, – издает очень обширный корпус канонов, числом в 102 правила. Несомненно, за этими правилами чувствуется императорская воля, которая в действительности и направляла деятельность собора. Вот, например, как начинается третье правило: «Поелику благочестивый и христоролюбивый царь наш предложил сему святому и Вселенскому Собору, чтобы...» и т.д. Правило это относится к брачному статусу священнослужителя, т.е. к вопросу, который, казалось бы, должен быть подведомствен исключительно церковным инстанциям. Впрочем, Юстиниан II только напоминает о своем присутствии, он предоставляет законодательную деятельность Собору иерархов. Это объясняется в значительной степени его желанием, чтобы эти законы (т.е. корпус правил Трулльского собора) были приняты во всей Вселенской Церкви.

Это чувствуется по содержанию многих правил: в некоторых из них говорится о нестроениях в жизни африканской Церкви (Карфагенской), в других – о беспорядках в Армении; наконец, Собор осуждает некоторые обычаи, укоренившиеся в латинской Церкви в Европе – скажем, принудительное безбрачие священников, пост в субботу, служение Литургии на пресном, бесквасном хлебе, и другие. Одним словом, эти правила действительно претендуют быть правилами Вселенской Церкви, хотят унифицировать ее жизнь по константинопольскому образцу – т.е. ставят задачу более дерзновенную, чем некогда ставил Юстиниан I. Следует отметить еще некоторые правила, например, 37-ое. Здесь говорится об изменениях, внесенных в церковную жизнь варварскими нашествиями, когда очень многое поколебалось, и возникла новая

ситуация, требующая соответствующих установлений.

«Понеже в разные времена были варварские нашествия и оттого множайшие грады сделались поработанными беззаконным, и по сей причине предстоятелю такого града невозможно было по совершению над ним рукоположения прияти свой престол, утвердиться на нем в состоянии священноначальственном и тако по преданному обычаю рукоположения и все, что епископу свойственно производить и совершати, того ради мы, соблюдая священству честь и уважение, и желая, чтобы поработание от язычников отнюдь не действовало ко вреду церковных прав, постановили: да так рукоположенные и на свои престолы не вступившие не подлежат за сие предосуждению, почему и рукоположение в разные степени клира по правилам да совершают и преимуществом председания да пользуются». Здесь рассматривается ситуация, когда епархия находится где-то далеко под властью мусульман, там же осталось и большинство верующих, а епископ, который по титулу числится в этой епархии, вынужденно пребывает (причем, может быть, в нескольких поколениях – предыдущий епископ умер, и рукополагается новый) в Константинополе или еще где-нибудь, сохраняя свой титул, прерогативы, совершая все подобающие ему священнодействия. Это очень важное изменение в сравнении с прежними канонами, когда преобладал территориальный принцип и в одном городе должен был править один епископ, не совершавший за его пределами никаких священнодействий (разве что, будучи призван епископом другого города).

38-ое правило: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел». Этим правилом определяется, что административная жизнь Церкви автоматически зависит от административной структуры государства. Если новый император возвышает значение какого-нибудь города или приказывает построить новый, то этим немедленно и совершенно автоматически вносится изменение и в церковную жизнь. Возвышенный город становится центром округа церковного, т.е. нескольких епархий, точно так же и селение, возведенное в ранг города, должно обязательно стать центром новых епархий. Города без епископа не бывает, поэтому в Церкви того времени очень много епископов. Скажем, в небольшой Малой Азии могло быть 300 и больше епархий, т.е. в несколько раз больше, чем сейчас в нашей огромной Русской Церкви, или чем было у нас до революции, не говоря уже о временах допетровских, когда число епархий было вообще

минимальным.

Очень важно 39-ое правило, поскольку оно относится к жизни целой поместной Церкви, а именно Кипрской, которая уже давно, со времен III Вселенского Собора, обладала правами автокефалии. Кипр подвергался нашествиям арабов, а как раз при Юстиниане II с ними было достигнуто соглашение, согласно которому этот остров получил статус, как бы теперь сказали, кондоминиума, т.е. им совместно управляли Византийская империя и халифат. Однако многие христиане на Кипре не захотели оставаться под мусульманской, хотя бы и частичной, властью, и во главе с архиепископом Кипрским, переселились довольно близко к Константинополю на Кизический полуостров в Малой Азии. И вот, хотя этот архиепископ с некоторой частью своей паствы и оказался на территории Константинопольской патриархии, за ним были сохранены все права автокефалии; мало того, к его титулу был прибавлен титул архиепископа Новой Юстинианы – так назывался главный город Кизического полуострова, построенный Юстинианом II. Этот титул предстоятели Кипрской Церкви сохраняют до нашего времени, хотя они давно уже к Новой Юстиниане и Кизическому полуострову никакого фактического отношения не имеют.

В XX веке очень многие православные оказались, в результате различных потрясений, как политических, так и экономических, за пределами своих поместных Церквей. Естественно, возник вопрос, как устраивать их церковную жизнь. И, можно сказать, подавляющее большинство православных предпочитает сохранять связь с Церковью-матерью, и при этом ссылается именно на это самое 39-ое правило Трулльского собора, которое урегулировало положение киприотов, бежавших на Кизический полуостров.

82-ое правило Трулльского собора доносит до нас некое предчувствие иконоборческой эпохи. Зная последующие события, когда разгорелись страсти вокруг святых икон, мы можем предполагать, что какие-то подспудные их признаки, своего рода сейсмическое беспокойство ощущалось уже и в это время. В этом правиле возбраняется делать символические изображения Спасителя; поскольку Христос воплотился, реально явился на земле, то и изображения Его должны быть реалистическими, в образе человека, а не символическими, например, в образе Агнца Божия или ином. Отсюда можно догадаться, что были и противоположные высказывания – в пользу именно символических изображений, как наиболее подходящих.

95-ое правило относится к приему в Церковь кающихся еретиков.

Причем, как это уже бывало в древности, еретики практически разделяются по способу приема в Церковь на три разряда: те, которые заново крестятся при принятии их в Церковь, как если бы они были язычниками, те, которые принимаются в Церковь через миропомазание, и те, которые принимаются через покаяние и проклятие ереси, которой они прежде принадлежали. Этот третий (последний) способ приема – самый мягкий, и мы находим, что именно третьим чином принимаются в церковь несториане и монофизиты. Отсюда видно, что, несмотря на все строгости, примененные к этим еретикам предшествующими Соборами, Церковь признает все таинства, которые у них совершаются: и таинство крещения, и таинство миропомазания. Не говорится о приеме клириков, но предполагается, что клирики принимаются в сущем сане. И здесь я должен заметить, что в наших русских изданиях «Книги правил» это правило помещено в дефектном виде – в конце его говорится только о несторианах. Впрочем, и в этом случае из контекста его видно, что еретикам предлагается проклинать не только Нестория (естественное условие для несториан, приходящих в православную Церковь), но также Евтихия, Диоскора и Севира Антиохийского. Что же касается более исправных списков правил, то там прямо говорится не только о несторианах, но также о евтихианах и севирианах (евтихиане – это крайние монофизиты, севириане – монофизиты умеренные, последователи Севира Антиохийского).

Самое главное, что Трулльский собор стремился утвердить в жизни Церкви целый канонический корпус. Он не только издал свои 102 правила, но и подтвердил значение правил предшествующих Соборов, а именно: первых четырех Вселенских, которые тоже издавали свои каноны, и целого ряда поместных; затем утвердил значение для всей Церкви правил некоторых святых отцов (составители которых предназначали их для своих епархий или патриархатов). И, наконец, он утвердил так называемые Апостольские Правила, о которых можно сказать немного подробнее.

Апостольские Правила находятся в составе сборника, называемого Постановления Апостольские. Этот сборник в целом тот же Трулльский собор отвергает, не взирая на его древнее происхождение, как подвергшийся некоторым еретическим искажениям. Однако вошедшие в состав Апостольских Постановлений 85 Апостольских Правил собор принимает, хотя и не утверждает, что они, в самом деле, составлены двенадцатью апостолами. Он выражается об этом таким образом: «Признал сей святой Собор... чтобы отныне ко исцелению душ и уврачеванию страстей тверды и ненарушимы пребывали принятые и

утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами, а также и нам преданные именем святых и славных апостолов восемьдесят пять правил». Здесь подчеркивается, что эти правила, хотя и носят имя святых апостолов, были приняты и утверждены святыми отцами.

Как установила церковно-историческая наука еще в XIX столетии, эти Правила Апостольские имеют сирийское происхождение и окончательно составлены в первой половине IV века, хотя, по существу, многие из них могут восходить и к апостольскому времени. Обращает внимание, например, что правила Антиохийского Собора 341 г. во всем совпадают с некоторыми из этих Апостольских Правил. Если Собор 341 г. имел перед собой правила, надписанные именем святых апостолов, то он, конечно же, должен был сослаться на этот авторитет, а не просто переписывать и издавать их от своего лица без указания источника. Эти Правила Апостольские и впоследствии выдвигались, прежде всего, иерархами сирийскими или сирийского происхождения. Они и вправду отражают так же, как в целом и так называемые Апостольские Постановления – реальности именно сирийской церковной жизни, хотя в древней Церкви во всех поместных общинах было много сходного. В частичном виде Апостольские Правила довольно рано проникли на Запад, по крайней мере, они известны там уже в начале VI века. Однако, в западной Церкви они утвердились лишь в числе 50-ти, принятых окончательно Трулльским Собором.

Дело Трулльского Собора император Юстиниан II принимал очень близко к сердцу. Он не только издал его правила, но и весьма заботился, чтобы они были приняты во всех поместных Церквях. Царствование Юстиниана было прервано его низложением – с 695 до 705 г. он был не у дел, но потом вновь захватил престол (впервые он стал императором в 685 г., в 695-м был свергнут, в 705-м опять вернулся к власти, в 711 г. его окончательно свергли и убили). Однако и в обстановке ожесточенной борьбы за власть Юстиниан не забывал о Трулльском соборе и вел интенсивные переговоры с Римом, побуждая папу принять его деяния. Поначалу Юстиниан пытался действовать угрозой расправы, но потом изменил тактику: ему удалось во время своего вторичного царствования пригласить в Константинополь папу Константина – это был один из тех редких случаев, когда папа посетил столицу империи. Как вы помните, в Константинополе ранее побывал папа Вигилий, насильственно привезенный для участия в V Вселенском Соборе, от какого участия он все-таки уклонился. Затем в Константинополь под стражей для суда и расправы доставили папу Мартина Исповедника, теперь же папа, похоже,

явился сюда совершенно добровольно и был с большим почетом принят императором. При встрече государь упал перед ним ниц, и только после этого они облобызались. Папское посещение состоялось, несмотря на то, что Трулльский собор довольно бесцеремонно перечеркнул некоторые притязания Рима на главенство в Церкви – например, одно из правил во всем уравнивает Константинопольскую и Римскую кафедры, хотя и признает, что Константинопольская – вторая по чести.

Конечно же, Константин был приглашен в Константинополь не с тем, чтобы ему там расточали любезности, а для переговоров относительно Трулльского собора. Переговоры состоялись, и была достигнута некая договоренность, но содержания ее мы не знаем, потому что Юстиниан очень скоро потерял власть, и, по всей видимости, в Риме предпочли забыть о благоприятных для константинопольской стороны результатах соглашения.

Уже второе царствование Юстиниана было исключительно беспокойно, а после его гибели начинается настоящий политический хаос. Императоры сменяются один за другим. Непосредственным преемником Юстиниана II стал армянин Филиппик (это его императорское имя, прежде он назывался Вардан). Его двухлетнее царствование совершенно бездарно, оно замечательно попыткой восстановления монофелитства, ибо Филиппик был воспитанником того самого монаха Стефана, которого VI Вселенский Собор осудил вместе с патриархом Антиохийским Макарием.

Филиппик был убежденным монофелитом, что показали и его действия на императорском престоле. Приверженность монофелитству новый император обнаружил, между прочим, своего рода иконоборческой выходкой, удалив с почетного места в Святой Софии изображение VI Вселенского Собора, решения которого он отменил. Чтобы дезавуировать VI Вселенский Собор, Филиппик не ограничился изданием единоличных императорских указов, но собрал собор епископов Константинопольской патриархии, который и согласился на этот шаг. Участникам поместного собора очень скоро пришлось раскаяться и вернуться к православию, когда император-еретик был низложен.

Лекция 12

Иконоборчество было очень важным событием в истории Церкви. Иконоборческий период длился в общей сложности больше столетия и имел очень существенные непосредственные последствия. Но и в дальнейшем иконоборчество, с одной стороны, и учение Церкви о почитании святых икон с другой стороны вызывали очень большой интерес и совершенно различную оценку. Как вы знаете, в XVI в. на Западе произошла Реформация, и протестанты различных толков выступали как умеренные или неумеренные иконоборцы. И, в общем-то, продолжают выступать в такой роли до сих пор. Мы можем встретиться с иконоборческими настроениями, скажем, у баптистов, с которыми нам в нашей стране приходится соприкасаться. Так что мы должны знать и исторические события иконоборчества и, самое главное, – тот ответ Церкви, который иконоборческая ересь получила.

Можно сказать, что первое свержение Юстиниана II открывает собой годы хаоса. Одна за другой следуют, так сказать, дворцовые революции; государственные перевороты, императоры падают один за другим, и это в тех условиях, когда самому существованию империи угрожают страшнейшие враги. Это требовало, конечно, наведение порядка, и, в конце концов, к власти приходит самый одаренный военачальник того времени – Лев, который становится основателем новой династии. Лев III основатель Исаврийской, так называемой, династии. Она называется по имени того племени, жившего в восточной части Малой Азии, из которого происходил Лев III. Он был человеком самого простого происхождения и сделал, благодаря своей одаренности военной, блестящую военную карьеру. В конце концов, он стал генерал-губернатором одной из так называемых фем – так назывались военные округа, на которые была поделена территория империи. И потом он стал и императором. Управление его началось в 717 г., и в том же году ему пришлось защищать столицу от страшной осады, которой ее подвергли арабы. Я уже говорил неоднократно, что Византийская империя выполняла в истории христианства I тысячелетия ту же роль, которую впоследствии выполняла Россия. То есть она прикрывала собой весь христианский мир от нашествия с востока.

И, в конце концов, она не выдержала этого натиска с востока и пала, но благодаря ее стойкости в течение долгих столетий сохранился христианский мир в его целом (в то время ограниченный одной только

Европой, еще – за исключением Средиземноморского бассейна). Мы прекрасно представляем себе, какой опасности подвергалось бы христианство как таковое, если бы Европа была захвачена арабами, что они пытались сделать. Для них завоевание Византии, завоевание Константинополя было только этапом в захвате всей Европы. Но вот и на этот раз тоже Византийской империи удалось арабов отогнать. Правда, до самого конца царствования Льва III (а умер он в 741 г.) продолжались сухопутные набеги арабов на территорию Малой Азии. Но всякий раз империя более или менее успешно справлялась с этими набегами.

Значит, отметим, что первый император-иконоборец был человеком, активно защищавшим империю от ее противника, чтобы быть справедливыми и воздать должное тем императорам, которые в истории Церкви, остались навсегда заклейменными как еретики и, может быть, как ересиархи. Далее, нужно отметить, что Лев III проводил также и полезные внутренние преобразования в империи – он издал законодательный сборник под названием «Эклога». Этот сборник впоследствии был переведен на славянский язык и имел большое значение в юридической жизни также и православных славян. Далеко не сразу Лев III приступил к своим иконоборческим мерам, хотя есть все основания думать, что еще задолго до своего прихода к власти, он был убежденным иконоборцем. В науке существует великое множество мнений о том, что было причиной иконоборчества. И каждое историческое направление, конечно, изыскивает причины, в соответствии со своей исторической доктриной. Для марксизма вся история сводится к экономическим отношениям, и марксистские историки стремились доказать, что императоры-иконоборцы хотели решить чисто экономические проблемы, хотели экспроприировать обширные земельные владения монастырей и заставить монахов трудиться на пользу государства. Действительно, монашество Византии к иконоборчеству было весьма многочисленно: по некоторым начальным подсчетам в Византии того времени было около 100 000 монахов – для сравнения скажу, что в России в начале XX в. было 40 000 монашествующих, при том, что население Российской империи православное было значительно больше византийского населения. И монастыри действительно владели очень большими богатствами. Однако доводы марксистов теряют всякое значение, если учесть, что далеко не сразу иконоборчество приняло такое определенное антимонашеское направление, с каким оно известно в истории. Во всяком случае, об антимонастырской деятельности Льва III нам не известно ничего. Антимонашеское направление деятельность иконоборцев принимает

только во II-ой половине царствования второго императора-иконоборца – Константина V Копронима, сына Льва III.

Далее, иконоборчество рассматривается как продукт различных чуждых влияний. Говорится об иудейском влиянии. Действительно известно о дружбе Льва III с Хазарским государством, в результате этих дружеских отношений Лев III даже женил своего сына, императора Константина V на хазарской принцессе. Однако внутри империи Лев III предпринял в общем редкое в Византии гонение на евреев, которых силой заставляли принимать крещение. Так что говорить о симпатии Льва III к евреям и иудейству как таковому не приходится.

Далее, говорят о мусульманских влияниях. Это, в общем-то, может иметь большее основание, хотя происхождение иконоборчества – вещь, которая по-прежнему остается темной. Действительно, мусульманство само по себе совершенно непримиримо относится не только к священным изображениям, которые оно отвергает в духе известного ветхозаветного запрета на изображение Бога, но оно отрицает также всякие обыкновенные изображения людей и живых существ. Мусульманство в этом, видимо исходит из идеи Бога-Творца. Человек, который решается изображать живые существа, как бы вступает в соревнование с их творцом. Однако в начале своих завоевательных походов против христианского мира мусульманство проявляло себя вполне терпимо в отношении тех священных изображений, которые повсюду существовали в христианских храмах. Но за некоторое время до того, как появилось Византийское иконоборчество, в территориях, подвластных мусульманам, были строжайше запрещены любые священные изображения, в любом немусульманском вероисповедании.

И мусульмане, таким образом, как бы предварили императоров-иконоборцев в гонениях на святые иконы. Но все же именно императоры-иконоборцы были мужественными борцами против мусульманской экспансии, и я полагаю, не стоит думать, что мусульманство могло иметь такое определяющее влияние на их сознание, хотя некоторые последующего времени императоры-иконоборцы находились под очевидным влиянием мусульманской культуры. Это нужно сказать, прежде всего, о последнем императоре-иконоборце уже IX в. Феофиле, о котором у нас речь дальше.

Далее. Существовали различные христианские течения, которые отвергали почитание святых икон. Иконы отвергались в некоторых монофизитских сектах – монофизитство, по крайней мере в первые века своего существования, обнаружило очень большую анархичность и

расколосось, как это впрочем часто бывает с еретическими движениями, на множество ветвей, которые друг с другом боролись не менее ожесточенно, чем с православием. И вот некоторые крайние монофизиты отвергали почитание святых икон. Например, так называемые фантазиасты или иначе афтартодокеты, последователи Юлиана Галикарнавского. Дело в том, что крайние монофизиты впадали в традиционный не только для греков, но и для негреческого востока, спиритуализм, т.е. принижение или даже отвержение вещественного начала как презренного и самого по себе греховного. И в этой связи конечно, священные изображения, изображения материальные могли представляться этим еретикам излишними, недопустимыми.

Кроме этих ересей или сект нужно назвать еще очень сильную секту павликиан. Эта секта получила распространение в восточной части Малой Азии и исходила из все того же дуализма – духа и материи, в чем-то соприкасаясь с манихейством, которое тоже было дуалистической сектой. Павликиане прямо отождествляли все вещественное и телесное со злом и грехом. Они отвергали не только иконы, но и очень многое другое в богослужении. Можно сказать, что они фактически отменяли православное богослужение. И вот влияние этих ересей и сект христианских и христианского происхождения, пожалуй, нужно считать определяющим в становлении иконоборчества.

Иконоборчество зародилось в среде малоазиатского епископата. Несколько епископов малоазиатских выработали доктрину иконоборчества и познакомили с ней императора Льва III. Во всяком случае, первому выступлению Льва III против святых икон предшествовали его консультации с собравшимися в Константинополе епископами иконоборческого направления. Поскольку в предыдущие годы военная служба будущего императора Льва III протекала как раз в Малой Азии, нужно думать, что он уже давно имел контакты с некоторыми из этих богословов иконоборчества, и давно уже созрели какие-то планы совместных действий. Непосредственным толчком, побудившим императора выступить против святых икон, было постигшее Константинополь страшное землетрясение, которое он суеверно истолковал как знак Божьего гнева за то, что продолжается языческий, как он считал, обычай иконопочитания.

Первое выступление Льва III против иконопочитания датируется 726 г. На первых порах он стремился убедить, а не действовать силой. Он собирал народ, выступал с проповедями, что было в обычае Византийских Императоров, и пытался склонить на свою сторону константинопольского

патриарха и римского папу. Патриарх святитель Герман Исповедник остался непреклонным. Папа, который фактически был вне досягаемости для императора, тем более мог не придавать серьезного значения императорским попыткам изменить церковную практику и церковное учение. У императора Льва III состоялась интересная переписка с папой святым Григорием II. Император утверждает в письме к римскому папе свои полномочия в церковной жизни, которые он формулирует в следующих словах: «Я есмь царь и священник», – на языке того времени слово «священник» могло относиться не только к иереям, но и к архиереям. Интересно, что папа не оспаривает это самоопределение императора. В ответном письме папа пишет, что «царями и священниками могут почитаться православные цари, которые защищают и утверждают церковное учение, а те, которые колеблют его, внося в истинное учение примесь лжи, не могут почитаться царями и священниками».

В 730 г. Лев III собрал в Константинополе так называемый селентион – так назывались заседания, где под председательством императора собирались высшие церковные и светские сановники. (Селентион – от латинского слова «селенциум». Название очень характерно. Оно указывает на то, что в присутствии императора все прочие члены собрания должны были молчать и принимать к сведению его ценные указания). В этом заседании принимал участие патриарх святой Герман, который решительно отказался одобрить иконоборческие меры царя. В результате святой Герман был низложен и отправлен в ссылку, а патриархом был назначен его сенкел Анастасий, который оказался оппортунистом, что впоследствии проявилось.

С первых же шагов иконоборчество встретило сопротивление не только на далеком западе, но и в самой Византии. Одной из первых иконоборческих мер Льва III было удаление образа Христова, который осеял так называемые Медные врата императорского дворца. Когда посланный для этого офицер поднялся по лестнице и снял образ с ворот, произошло народное возмущение, и офицер был убит народом, за что император жестоким образом расправился со всеми, кого можно было обвинить в причастности к этому убийству. Таким образом, даже в самой столице иконоборчество не было популярно. Решительно стояла на стороне иконопочитания европейская часть Византии. Однако же в малоазиатской части иконоборчество нашло довольно-таки широкий отклик, и вот это сохранялось на всем протяжении иконоборческого периода. Если где-то иконоборчество имело базу, то это в Малой Азии, в то время как в Европе, в Греции, на Балканах оно не находило поддержки,

и настроение самого населения столицы в общем-то было скорее на стороне иконопочитания. Хотя в столице впоследствии было немало и иконоборцев. Обширные части православного мира в то время в результате мусульманского нашествия находились уже за пределами Византии. Это были территории трех патриархатов: Александрийского, Антиохийского, и Иерусалимского. В этих патриархатах, несмотря на то, что сами мусульмане пытались навязать там православным иконоборчество, оно не встретило никакой поддержки, и мало того, именно в этих областях появился один из самых замечательных защитников иконопочитания. Я имею в виду преподобного Иоанна Дамаскина.

Преподобный Иоанн Дамаскин происходил из знатной греческой семьи, которая выдвинулась своей службой при дворе халифа в Дамаске. Отец преп. Иоанна был чем-то вроде министра финансов при дворе мусульманского государя. И сам преп. Иоанн в юности тоже занимал высокий пост при этом дворе. Однако впоследствии он оставил двор, оставил эту государственную службу и стал монахом в монастыре святого Саввы в Палестине.

Во второй половине 20-х годов, начиная с первых иконоборческих выступлений Льва III, преп. Иоанн составил одно за другим «Три слова в защиту святых икон». Во многом эти «Три слова» повторяют одно другое. Как считают современные исследователи последовательное издание этих «Трех слов», связано с тем новым, что происходило в изгибах императорской политики. Каждое из них было ответом на какие-то новые шаги императора-иконоборца. Аргументация иконоборцев поначалу была вполне примитивной. Они, как правило, ограничивались ссылкой на ветхозаветное запрещение изображать Бога и считали, что иконопочитание – это возвращение к осужденному еще в Ветхом Завете идолопоклонству. Отвечая на это, преподобный Иоанн Дамаскин указывает на факт Боговоплощения, открывающий собой совершенно новую эпоху. Изображение Христа Сына Божия возможно потому, что он сам пожелал стать человеком, сам пожелал стать видимым для людей. Разрабатывая теорию иконопочитания, преподобный Иоанн проводит различие между двумя видами поклонения: один из них называется греческим словом «лятрия» (на слав, язык это переводится словом «служение») и этот вид почитания нужно воздавать одному только Богу. От «лятрия» отличается «поклонение» – «проскинисос». «Проскинисос» – поклонение, можно воздавать всему, что Божественно, всему, что имеет то или иное причастие к Божественной славе и Божественной власти. Например, дети воздают почитание родителям, потому что родительская

власть над детьми это Божественное установление. Рабы воздают почитание господам, поданные воздают почитание царю и т.д. Существует множество видов почитания, которые совсем не возбранены Божественным учением, и каждый человек есть носитель образа Божия. Поэтому мы воздаем почитание и святым, и вообще к каждому человеку мы должны относиться почитательно, как к образу Божию. «Лятрия» – служение, должно быть воздаваемое одному только Богу, «проскинисос» – поклонение, может воздаваться также и тому, что в той или иной степени причастно к Богу.

В основу всей аргументации своей преподобный Иоанн Дамаскин полагает христологический аргумент – изображение Христа Спасителя, а следовательно, вообще всякое изображение на иконе возможно, потому что Сын Божий пожелал стать человеком. Уже это указывает нам, что споры о святых иконах были прямым продолжением христологических споров, которые вроде бы закончились VI Вселенским Собором. И в дальнейшей истории иконоборчества есть множество подтверждений тому, что здесь мы имеем дело именно с христологической проблемой.

Лев III умер в 741 г. Ему наследовал его сын Константин V, который правил до 775 г. Однако нужно отметить, что в самом начале своего царствования Константин V был свергнут с престола и в течение целых 16 месяцев был отстранен от власти. Сверг его один из крупнейших военачальников, из сподвижников его отца – Артавас, который был женат на родной сестре Константина V. Особое значение этой узурпации придавало то, что Артавас провозгласил себя защитником иконопочитания и в Константинополе, который он захватил, и во всех местах, где ему удалось утвердить свою власть, было восстановлено иконопочитание, и казалось, что иконоборческий эпизод исчерпан. Константин V был еще более одаренным полководцем, чем его отец, и он опирался почти на все малоазиатские воинские части. Ему удалось вернуться к власти, и может быть этим шестнадцатимесячным эпизодом в значительной степени объясняется та ожесточенность, с которой он впоследствии обращался с защитниками иконопочитания. Однако Константин V, также как и его отец, умел ожидать и вовсе не сразу он развернул свою иконоборческую активность. Вначале перед ним стояли важные военные проблемы, которые он с успехом решил. Но, кроме того, для того, чтобы иконоборцы могли навести в Церкви свои порядки, требовалось время. Константин V начал систематически назначать на епископские кафедры иконоборцев, низлагая иконопочитателей. А в некоторых случаях он даже создавал новые кафедры специально для того, чтобы увеличить число епископов

своих сторонников. Он вел дело к созыву большого собора, и, в конце концов, собор этот был созван в 754 г. Собор происходил в Иерие, в императорском дворце на азиатском берегу Босфора. Собор был вроде бы представительным, там собралось 388 епископов. Однако православные сразу же назвали этот собор Безглавым, потому что на нем не было ни одного патриарха. Константинопольский патриарх умер еще до собора и только на последней сессии собора император представил ему того, кого он избрал патриархом. Т.е. все прочие заседания Собора происходили без патриарха константинопольского, а прочие четыре патриарха, и восточные патриархи, и римский папа не захотели прислать своих представителей на иконоборческий собор. Так что этот собор состоял исключительно из епископов Константинопольской Церкви. Собору предшествовала активная подготовка. Император действовал как активный пропагандист иконоборчества. Во многих местах собирались народные сходки, и перед этими собраниями выступали защитники иконоборчества. В некоторых случаях устраивались публичные диспуты православных и иконоборцев. Правда, обычно после этих диспутов православные защитники святых икон препровождались в тюрьму и оставались в тюрьме до конца собора иконоборческого, чтобы они никак не могли помешать его проведению. Император Константин V выступал не только как организатор иконоборческой борьбы, но и как богослов иконоборчества. Он написал несколько трактатов, обосновывающих иконоборчество. Это, наверное, самое значительное, что дали иконоборцы в области богословия. Поэтому нам придется познакомиться с аргументацией Константина V. Прежде всего, православных и иконоборцев разделяло само понимание того, что такое «образ». Иконоборцы в соответствии с восточными магическими представлениями считали, что если образ возможен, он должен быть тождествен своему оригиналу. Поэтому единственно возможным образом Христовым они провозгласили Святую Евхаристию. Православные, напротив, считали, что образ не тождествен своему оригиналу, отличается от него. Так что с самого начала между православными и иконоборцами было отсутствие общего языка, они как бы говорили на разных языках и с трудом могли понять друг друга. В ответ на замечательную защиту иконопочитания в трудах преподобного Иоанна Дамаскина, Константин V развивает христологическую аргументацию в пользу иконоборчества. Он говорит, что было бы монофизитством, слиянием двух естеств во Христе изображение одновременно человеческого и божественного естества на иконе. Православных и иконоборцев объединяло одно: и те, и другие считали невозможным изображать Бога, изображать Божественное

естество, Божественную сущность. Если православные не впадают в монофизитство, если они не претендуют, изображая два естества Богочеловека на иконах, тем самым сливать эти два естества, то тогда православные неизбежно впадают в несторианство, – продолжает Константин Копроним свою аргументацию, – потому что, если православные изображают человеческое естество, не изображая при этом Божественное естество, то они разделяют два естества, а это уже есть несторианство. Впоследствии православные ответили подробно на эту иконоборческую аргументацию, но, собственно, уже преподобный Иоанн Дамаскин на нее ответил, потому что и он говорит о том, что изображает лицо на иконе.

Подробно это учение развивает преподобный Феодор Студит, защитник иконопочитания последующих десятилетий. Вся эта аргументация императора-иконоборца ниспровергается тем, что, как учит православная Церковь в лице названных богословов, на иконе изображается не естество, а лицо. Это, собственно, извечный факт всякого искусства, не только религиозного. Всякий, кто делает изображение, изображает не человеческое естество, а изображает Петра, Ивана и т.д. На иконе изображается не человеческое естество, и не Божественное естество, но лицо Богочеловека, лицо Сына Божия, который пожелал стать человеком нашего ради спасения. Но нужно отметить, что в своих трактатах император-иконоборец шел значительно дальше, чем готовы были пойти члены созванного им собора. У Константина V в его богословии проявляются явно монофизитские тенденции, которые иконоборческий собор всячески устранял из объявленного им официального иконоборческого учения. Впоследствии, уже после собора, в разгар своих гонений Константин V дошел до того, что воспретил почитание святых и Божией Матери, почитание мощей, т.е. его учение было самым радикальным иконоборчеством. Надо сказать, что далеко не все иконоборцы отличались такой решительностью, были разные толки в иконоборчестве. Здесь надо коснуться также и истории иконоборчества в предшествующие века: и православные, и защитники иконоборчества стремились опереться на традицию. И те, и другие отождествляли новое с плохим. Иконоборчество плохо, потому что оно вносит новое учение в Церковь, – говорили православные. Но то же самое иконоборцы говорили о самом православии, они считали почитание святых икон неким новшеством в Церкви и изо всех сил пытались найти в свою пользу аргументы не только от Писания, но и от Предания. И действительно, что-то им удалось наскрести, хотя православные тут же уличили их в

недобросовестности: в некоторых случаях они допускали подтасовки этого святоотеческого материала. Если в хронологическом порядке говорить, иконоборцы указывали на письмо епископа Евсевия Кесарийского сестре императора Константина Великого. Это письмо подлинно, никто не отрицает его подлинности, но считать Евсевия Кесарийского полноценным представителем церковного Предания невозможно, указывали православные, потому что Евсевий Кесарийский явно склонялся к арианству.

Далее, иконоборцы указали на тексты святителя Епифания Кипрского против священных изображений. Св. Епифаний – это отец IV – начала V в., современник и, надо сказать, противник святителя Иоанна Златоуста, но что касается его иконоборческих высказываний, в науке до сих пор ведется спор о том, могут ли они принадлежать святителю Епифанию. Некоторые ученые считают, что эти цитаты подлинные, другие – нет, например, замечательный русский ученый Георгий Острогорский, который целый ряд исследований посвятил истории иконоборчества. Так вот, Острогорский и другие ученые решительно утверждают, что эти цитаты, приведенные иконоборцами в частности на соборе 754 г., не подлинны. Что касается Запада, то Запад не мог решительно влиять на византийских иконоборцев, однако нужно сказать, что Запад всегда относился к иконам гораздо прохладнее, чем Восток. Об этом говорит, например, такой эпизод. Папе римскому, святителю Григорию Двоеслову, как его называют на Западе, Григорию Великому – он был папой в конце VI в. – стало известно, что марсельский епископ уничтожил на территории своей епархии все иконы. Папа написал ему по этому поводу письмо, где хвалит его ревность, но в то же время указывает, что эта ревность есть ревность не по разуму. С одной стороны, папа говорит, что нужно бороться со злоупотреблениями в почитании икон, с другой стороны папа излагает, в чем состоит, по его мнению, польза икон. Как считает святой Григорий Двоеслов, видный представитель западного богословия, икона имеет значение педагогическое и психологическое. Икона – это книга для неграмотных или же для иноземцев. Икона, скажем, помогает сосредоточиться в молитве, но не больше. Это учение ущербно, неполно с православной точки зрения, потому что, как учит православная Церковь, через икону молящийся вступает в общение с тем, кто на ней изображен. Т.е. икона имеет не только психологическое, но и метафизическое значение. Икона, хотя и отличается от своего первообраза, однако она причастна ему.

Надо сказать, что в самой Византии, особенно в период,

предшествовавший появлению иконоборчества, было достаточно много злоупотреблений, которыми иконоборцы и оправдывали свои действия. Очень часто икона воспринималась действительно как некий идол в языческом смысле, как некая совершенно самостоятельная реальность, как бы вообще не имеющая отношение к тому, кто изображен на ней. Икону могли употреблять в качестве восприемницы при святом крещении или при монашеском постриге. Некоторые священники доходили до того, что соскабливали краску с икон и смешивали ее со святым причастием и, конечно, эти и подобные злоупотребления довольно-таки языческого характера должны были провоцировать вот такие иконоборческие настроения у тех, кто уже был предрасположен к ним. Однако вернусь к тому, о чем я уже начал говорить. Сами иконоборцы вовсе не были едины в своем отношении к святым иконам. Были совсем умеренные иконоборцы, которые выступали против уничтожения икон, против того, чтобы их выносили из церквей, и считали, что иконы нужно только помещать выше человеческого роста в церквах, чтобы не допускать слишком уж такого языческого, как они считали, поклонения им. Были иконоборцы, которым, скажем, запрещали изображать Христа, но не запрещали изображать святых.

В общем, иконоборчество имело различные градации, и Константин V в ряду иконоборцев должен быть признан самым крайним, особенно во 2-ой половине своего царствования, после собора 754 г. Получив санкцию собора, он считал себя вправе действовать самыми жестокими и решительными методами. Поскольку самыми стойкими защитниками святых икон были монахи, то гонения обрушились именно на монашество. Монастыри закрывались, превращались в казармы, общественные бани или просто конфисковывались в пользу государственной казны. Монахов изгоняли в ссылку или же принуждали жениться и снимать с себя монашество. Примером святого, пострадавшего за иконопочитание, можно назвать святого преподобномученика Стефана Нового, которого натравленная иконоборцами толпа народа растерзала на улицах Константинополя.

Римские папы поначалу не хотели ссориться с императорами. Но после иконоборческого собора разрыв стал совершенно неизбежен. Это повлекло важные последствия. С одной стороны, резко упало влияние Византии в Италии. В южную Италию бежало множество монахов, и не только монахов из числа гонимых в Византии иконопочитателей. В южной Италии всегда был силен греческий элемент, а теперь эллинизация южной Италии еще больше усилилась. Южная Италия стала очень важным очагом

греческой церковной культуры: там создавались школы, открывались новые монастыри, было множество мастерских по переписыванию книг, которые называются скрипториями, по научной терминологии. Но император отвечал на враждебные действия Рима так, как он мог. Константин V, в частности, изъял из римской юрисдикции и присоединил к константинопольской патриархии обширные территории, как на Балканах, так и в южной Италии. Этими мерами император-иконоборец, сам того не зная, подготавливал тот расцвет константинопольской Церкви, который произошел после того, как она смогла преодолеть иконоборческий кризис.

Константин V остался в истории как жестокий гонитель православия. О нем православные вспоминали с ужасом и после того, как было восстановлено иконопочитание, его останки были вынесены из императорской спальни, из церкви Святых Апостолов и похоронены в другом месте. Однако в народе оставалась и слава его военных побед, когда уже в IX в. славяне осаждали Константинополь, то жители Константинополя в ужасе от грозящей им опасности прибежали к могиле Константина V и просили, чтобы он встал из гроба. Этот император известен своими победами также и над славянами, в то время еще язычниками.

Вторая половина царствования Константина V – это кульминация иконоборчества. Ни до, ни после оно никогда не принимало такого размаха, и не было столь ожесточенным. И после его смерти сразу наступило затишье.

Короткое царствование его сына Льва IV это такой переходный период, который предшествовал восстановлению иконопочитания. Лев IV царствовал с 775 до 780 г. Он женился на афинянке Ирине. Уже этот выбор жены показывает, что Лев IV относился довольно спокойно к проблеме иконопочитания, потому что Ирина была сторонницей иконопочитания и не скрывала этого. Лев IV предпринял несколько жестоких мер против иконопочитателей, однако они кажутся совершенно ничтожными по сравнению с широкомасштабными и свирепыми иконоборческими мерами его отца. Когда Лев IV умер, то, в общем-то, стало довольно-таки ясно, что наступает торжество иконопочитания, хотя это было ясно далеко не для всех, и императрице святой Ирине приходилось преодолевать значительное сопротивление, в частности, сопротивление армии, которая была верна традициям Константина V. Императрица Ирина правила вместе со своим малолетним сыном Константином VI. В первый раз в истории женщина была официально объявлена царицей. Это было таким

политическим новшеством в Византии. Святой Ирине нужно было очень много сделать для того, чтобы иконопочитание было восстановлено. Понадобилось, конечно, избрать нового патриарха. Прежний патриарх-иконоборец был удален, и по предложению царицы патриархом был избран ее секретарь Тарасий. Тарасий был мирянин, однако, весьма сведущий в вопросах богословия. Избрание мирян на епископские кафедры было довольно обычным делом в Византии, хотя на Западе этого избегали, и впоследствии между Византией и Римом был спор по этому поводу. Святитель Тарасий стал патриархом в 784 г. Как видите, невозможно было сразу все устроить. Слишком укоренилось иконоборчество в жизни Византии. Прошло уже несколько иконоборческих десятилетий, и целые поколения византийцев были воспитаны, выросли в иконоборческой ереси.

Чтобы преодолеть иконоборчество, чтобы отменить деяния иконоборческого собора 754 г., который объявил себя Вселенским, нужен был Вселенский Собор. С этим соглашались все: и в Константинополе, и в Риме, и в других местах. И вот был созван Собор в июле 786 г. в Константинополе. Но как только началось первое заседание Собора, в церковь, где заседали отцы Собора, ворвались солдаты из столичного гвардейского гарнизона. Они разогнали Собор, причем некоторые из епископов, бывшие на Соборе, приветствовали разгон Собора. Это говорит о том, что и в среде самого епископата еще достаточно сильны иконоборческие воззрения. Посему было решено отложить созыв Собора и обеспечить его безопасность. Из Константинополя были под предлогом близящейся войны с арабами удалены ненадежные в этом отношении контингенты и вместо них в город были введены европейские части, которые были известны преданностью иконопочитания. Затем было решено провести Собор не в огромном Константинополе, где могли произойти всякие случайности, но в маленьком городе Никее, который лучше можно было контролировать. И вот таким образом был подготовлен VII Вселенский Собор.

Лекция 13

После того как св. Ирина стала править единолично, установилось правление, которое оценивают по-разному. Монахи были чрезвычайно довольны правлением св. Ирины после свержения ее сына Константина, потому что св. Ирина дала различные льготы и послабления монастырям, освобождение от различных налогов и т.д. Было довольно население Константинополя, которому также были значительно снижены налоги. Но недовольны были военные, потому что от снижения налогов меньше средств могло уделяться на нужды обороны, и разные государственные чиновники. В этот период государство, которым правила св. Ирина, стало несколько слабее и попало в определенную зависимость как от арабов на востоке, так и от болгар на севере. Но самое главное – престиж Византии сильно упал на Западе, что отразилось на отношениях константинопольской Церкви с западной, римской Церковью. Это имело самые роковые последствия.

Во время правления св. Ирины на Западе действовал один из самых сильных западных государей – Карл Великий, которому удалось путем завоеваний и ловкой дипломатической деятельностью собрать огромное государство. Карл присоединил к своему Франкскому королевству Саксонию, крестив ее, после того, как он покорил Баварию. Он осуществлял экспансию в сторону славян, подчинил себе Лангаварское государство в Италии. Покорением Лангавардов Карл оказал папе услугу, какой не в силах была оказать ему Византия. Именно в виду своей военной немощи византийки и теряли престиж в Риме.

Римская Церковь решила связать свою судьбу с франками. Этому не помешало то, что после VII Вселенского Собора иконопочитание в Византии было восстановлено, и не было никаких чисто церковных препятствий для общения между римской и константинопольской Церквями. Рим был в определенной степени разочарован результатами этого Собора, потому что Рим ждал от него гораздо большего: не только восстановления иконопочитания, но и возвращения всего, что было отобрано у римской Церкви императорами-иконоборцами. Но Константинополь не хотел об этом и слышать. Официальный Константинополь в лице императорской и иерархической властей не хотел слышать о различных папских притязаниях, в том числе и на прима́т в Церкви Христовой. И только ревнители православия – монашествующие готовы были идти до конца в поддержке Рима. Но так называемые зилоты

не смогли на Соборе провести свою точку зрения. С другой стороны, поскольку Риму были нужны франки, Рим был готов идти на очень большие уступки в отношении Франкского государства, и это выразилось в том споре, который поднял Карл Великий по поводу догматического определения VII Вселенского Собора. При дворе Карла неизвестно кем были составлены так называемые «Карловы книги», в которых в остром полемическом тоне отвергались не только определения иконоборческого собора 754 года, но и определения VII Вселенского Собора 787 года. «Карловы книги» имели в виду, прежде всего, политическую цель, желая возвысить государство Карла Великого в ущерб Византии, которая якобы впала в ересь на VII Вселенском Соборе. Обвинения, выдвинутые против учения, выраженного VII Вселенским Собором, были крайне неудачными. Прежде всего, по той причине, что составители «Карловых книг» имели в руках чрезвычайно несовершенный латинский перевод деяний Собора, который никак не отражал всей тонкости греческой богословской терминологии (различие между служением и поклонением и т.п.). Отвергая иконопочитание, как оно было утверждено VII Вселенским Собором, Карл Великий ссылаясь на старое учение папы св. Григория Двоеслова, которого на Западе называют Григорием Великим. Отношение этого папы к иконам было не совсем православным. Сохранилось письмо св. Григория Двоеслова одному подчиненному ему епископу. Когда он узнал, что этот епископ в своей епархии уничтожил все иконы, он сказал, что тот проявил ревность, но не по разуму и объяснил, зачем нужны иконы. По объяснению св. Григория Двоеслова, иконы – это книги для неграмотных, они помогают сосредоточиваться в молитвах, приходить в умиление, вспоминая события Священной Истории. Иными словами, в этом учении об иконах им усваивается значение всего лишь психологическое и педагогическое. В то время как учение об иконах VII Вселенского Собора более глубокое: оно говорит не только о психологическом и педагогическом значении икон, но и об их онтологическом значении, о том, что иконы соединяют молящегося с тем, кто изображен на иконе, хотя икона и не тождественна с тем, кто на ней изображен.

Римский папа пытался вступить в полемику с Карлом Великим, но Карл так упорно стоял на своем, что папа вынужден был отступить. Карл созвал собор во Франкфурте в 794 году. На этом соборе он осудил иконопочитание так, как оно было догматизировано VII Вселенским Собором, причем на этом соборе присутствовали представители того самого папы Адриана I, который за несколько лет до этого отправил своих

представителей на VII Вселенский Собор, и они приняли осуждение Собора на Франкфуртском соборе. И хотя на Западе проблема иконопочитания никогда не имела такого живого значения, как на Востоке, все-таки для папы это была тяжелая и унижительная уступка. Эта уступка говорила о том, насколько уцепились папы за нового могущественного покровителя.

Через несколько лет это сближение папского престола с Карлом Великим получило новое развитие. 25 декабря 800 года (в день Рождества) Карл Великий был венчан в Риме как император, причем инициатива провозглашения Карла императором принадлежала папам (венчал его папа Лев III). Коронование совершилось по византийскому чину. Это было событие, которое в области политической явилось важнейшей предпосылкой церковного разделения, потому что, по всеми принятым представлениям того времени, империя – это единое всемирное государство. Двух империй быть никак не может. Есть и может быть только одна империя. Она существовала прежде, имела столицу Рим, потом новую столицу – Константинополь. До последнего момента империя, имевшая столицей Константинополь, продолжала во всем христианском мире считаться римской, и хотя ее границы не совпадали с границами христианского мира, она считалась неким идеальным увенчанием всего христианского мира. Теперь появилась новая империя. Империя Карла была создана папами совсем не для того, чтобы внести что-то новое в политическое мышление, не для того, чтобы в мире вместо одной было отныне две империи. Новая империя должна была не стать рядом с той империей, которую возглавляла св. Ирина, а должна была заменить ее. Это было тем более логично, что можно было говорить: когда женщина управляет государством, оно как бы не дееспособно.

Но государство, во главе которого стояла св. Ирина, было слишком сильным, и с ним нельзя было не считаться. Карл должен был получить признание от этого государства. И вот в Константинополь направляется посольство от Карла Великого, которое предлагает св. Ирине заключение брака с Карлом Великим. Надо сказать, что Карл несколько раз вступал в брак, что всякий раз имело политические цели. Со всяким новым присоединением большой территории он закреплял свои успехи династическим браком.

Никакого результата не последовало, потому что в том же 802 году, когда посольство прибыло в Константинополь, там произошел переворот (31 октября). Этот переворот был сделан высшими чиновниками. Он лишил св. Ирину власти. Она была сослана далеко от Константинополя,

где вскоре и умерла. К власти пришел император Никифор I, который до того был одним из министров финансов. Финансовые чиновники были чрезвычайно недовольны царствованием св. Ирины. Летописец Феофан говорит, что после воцарения Никифора наступило всеобщее недовольство и растерянность. Но это говорит не о настроениях народа в целом, а о настроениях монахов, горячо поддерживавших св. Ирину. В православных кругах нерасположение к новому императору вовсе не было всеобщим. Например, монах Феостирикт в житии св. Никиты Мидикийского говорит, что Никифор I был благочестивейший нищелюбивый и монахлюбивый император. Никифор держался православия и иконопочитания. Он разными средствами показывал, что не собирается менять религиозную политику св. Ирины. Однако в то же время он не был готов так слушаться духовенство, как это делала она; напротив, он требовал от самого духовенства послушания. Во время его царствования обострились отношения верховного государственного и церковного управления с монашеской партией зилотов, особенно после смерти патриарха св. Тарасия (806 г.). На патриарший престол был возведен соименный императору Никифор (впоследствии св. Никифор Исповедник). Новый патриарх был человеком широких взглядов. Как и Тарасий, он занимался не только богословием, но и светскими науками, он известен как историк. В последние годы своей жизни писал много богословских трудов в защиту иконопочитания.

Как и Тарасий, патриарх Никифор до восшествия на престол был государственным чиновником. В церковной политике он придерживался того же умеренного направления, что и св. Тарасий, стараясь действовать во всем в союзе с императорской властью. То, что мирянин был поставлен на патриаршество, вызвало большое недовольство у зилотов, надеявшихся, что патриархом станет прп. Феодор Студит. Кроме того, император (по-видимому, отчасти для того, чтобы поставить на место Феодора Студита и сочувствующих ему) извлек из забвения спор о прелюбодейном браке Константина VI. Был собран собор духовных и светских сановников, подтвердивший законность брака императора. Священник, который в свое время венчал этот брак, был принят в церковное общение. Это стало причиной того, что студийские монахи прекратили церковное общение с патриархом, чем вызвали репрессии против себя со стороны властей государственных. Монашество в целом могло быть также недовольно императором Никифором I, потому что он восстановил отмененные св. Ириной налоги.

Никифор был энергичным императором и много заботился об

укреплении армии. Он водил также военные походы. Один из них закончился катастрофой: воинственный болгарский князь Крум одержал полную победу над византийской армией, и сам император Никифор погиб в этой битве (26 июля 811 года). После него императором стал его близкий родственник Михаил I Рангаве. Правление этого государя непродолжительно (811–813 гг.). Михаил был слабым правителем и легко поддавался влиянию сильных людей. Он был готов идти на любые уступки в отношении требований монашества. Студиты были возвращены из ссылки, в которую были отправлены при Никифоре I за то, что вышли из церковного общения с патриархом. При императоре Михаиле I было принято новое решение о втором браке Константина VI. Это решение отменяло предыдущее, принятое при Никифоре I, благоприятное для Константина VI решение.

Влияние преп. Феодора Студита стало безграничным. Благодаря своей огромной энергии он полностью подчинил себе слабовольного императора. Даже в вопросах войны и мира решающий голос принадлежал игумену Студийского монастыря. При новом правителе изменилась позиция Византии в отношении Западной Римской империи. Если Никифор не хотел и слышать о притязаниях Карла Великого на императорский титул и даже запретил патриарху Никифору послать римскому папе свой синодик, то при Михаиле I начались совсем другие времена. Михаил согласился признать за Карлом Великим императорский титул. В 815 г. посланцы византийского императора прибыли в город Аахен, столицу империи Карла Великого, где приветствовали его как императора. То есть не только фактически, но и формально, юридически теперь существовали две империи. Правда, византийцы признали франкского императора императором, но не римским, потому что титул римского императора византийцы оставляли за своим государем. Однако средневековая идея империи неразрывно связана с римским именем, поэтому признание Карла императором было уже большим шагом к тому, чтобы признать его и римским императором.

Ситуация на Балканах продолжала быть тяжелой после побед, которые Крум одержал над византийской армией. Свои новые требования Крум изложил в ультимативной форме. Византия колебалась в их принятии, поэтому Крум вновь начал боевые действия. В императорском совете Константинополя голоса разделились. Патр. Никифор соглашался с царем Михаилом I в том, что нужно уступить и пойти на требования Крума. Но против этого решительно возразил прп. Феодор Студит, который требовал продолжения войны. В частности он обосновывал свое

мнение тем, что Крум требовал обмена перебежчиками, а поскольку часть их успела принять христианство, выдавать их язычнику Круму на растерзание было бы изменой самому христианству. Поскольку прп. Феодор Студит имел очень большое влияние на императора, его мнение возобладало. Византийская армия вступила в войну, и в июне 813 года произошла битва близ Адрианополя, где византийская армия была разгромлена.

Это произошло в значительной мере из-за предательства одного из генералов – Льва Армянина. Вместо того чтобы ввести свои войска в битву, он остался в стороне. Этот же Лев Армянин очень скоро после сражения при Адрианополе совершил государственный переворот: сверг православного императора Михаила I и стал императором. С царствования Льва V Армянина начинается вторая волна иконоборчества. Император Михаил очень смиренно отнесся к событиям, без всякого сопротивления отказался от власти и постригся в монахи. Впоследствии один из его сыновей Никита (в монашестве Игнатий) стал патриархом Константинополя. В церковной истории ему принадлежит большое место.

Годы правления Льва V – 813–820. Он был представителем тех малоазийских военных, которые отличались воинственной активностью и в то же время иконоборческой настроенностью. Лев V поручил ученому Иоанну Грамматику собрать необходимые материалы для осуждения иконопочитания для предстоящего иконоборческого собора. Когда возобновилось иконоборчество, противоборствующие течения в Православной Церкви немедленно объединились ввиду общей опасности. В борьбе против иконоборцев патриарх Никифор Исповедник шел по одной линии со своими недавними противниками – студитами во главе с прп. Феодором. И тот и другой в этот исторический момент написали очень много в защиту иконопочитания. Прп. Феодор опять был отправлен в ссылку, как это было уже не раз. Никифор Исповедник был смещен с патриаршего престола, и в первый день Пасхи 1 апреля 815 года был поставлен Феодот Мелиссинос – представитель одной из аристократических семей, проявивших себя в иконоборческом движении. Наш известный обер-прокурор 18 века, которого сместила с должности императрица Екатерина II за проект реформ в антицерковном духе, был отдаленным потомком этих византийских Мелиссинос.

Вскоре после Пасхи 815 года под председательством нового патриарха состоялся иконоборческий Собор в храме св. Софии. Этот Собор отменил догматическое определение VII Вселенского Собора и подтвердил то, что было постановлено иконоборческим Собором 754 года.

Однако это было сделано в мягкой форме. Собор объявил, что не считает иконы идолами, но, тем не менее, распорядился об уничтожении икон. Это характерно в целом для политики Льва V и большинства иконоборцев второй волны: они, в сущности, придерживались тех же воззрений, что и первые иконоборцы, но действовали в более мягком духе.

Ничего нового в области богословия новая волна иконоборчества не дала. Иконоборчество 9 века было всего лишь слабой попыткой реакции, оно не имело внутренней живой силы, в отличие от иконоборчества Константина V Копронима, пламенного иконоборца.

Лев V предчувствовал, что он плохо кончит, что его царствование очень непрочное, и действительно, он был убит на Рождество 820 г. прямо посреди собора св. Софии. Его преемником стал его бывший боевой товарищ, организовавший заговор против него – Михаил II Аморец, создатель Аморийской династии. Во время его царствования в споре о святых иконах наступило затишье. Гонения на иконопочитателей прекратились. Отправленные в ссылку иконопочитатели во главе с патриархом Никифором и прп. Феодором были возвращены, но, к большому их разочарованию, восстановления иконопочитания не произошло. Михаил II пытался занять нейтральную позицию: он не признавал ни VII Вселенского Собора, утвердившего иконопочитание, ни обоих иконоборческих Соборов. Всякая дискуссия об иконах была запрещена.

По своим собственным убеждениям и настроениями Михаил II, без сомнения, был иконоборцем. Но, будучи реалистом, он видел, что иконоборчество совершенно потеряло почву. То, что он был иконоборцем, показывают разные факты. Так, например, в воспитатели своему сыну и наследнику Теофилу он определил Иоанна Грамматика – ученого, который организовал иконоборческий Собор 815 года. После смерти иконоборческого патриарха Феодота он не разрешил вернуться на патриаршество свт. Никифору, а назначил на константинопольскую кафедру другого иконоборца. Однако в своей политике он занимал нейтральную позицию, потому что не верил в будущее иконоборчества.

Существуют сведения об одной единственной репрессивной мере этого императора против иконопочитателей. Когда Мефодий, который после восстановления иконопочитания стал патриархом, привез императору папский меморандум, где говорилось о необходимости восстановления иконопочитания, Мефодия подвергли истязаниям и посадили в темницу. Но эта репрессивная мера при всей ее жестокости была вызвана не только тем, что папа защищал иконопочитание, но и всем

комплексом взаимоотношений между Константинопольским императором и Римским папой. При этом императоре произошло восстание Фомы Славянина, который некогда был боевым товарищем двух императоров – Льва V и Михаила II. Фома Славянин достиг больших успехов. Он объявил, что выступает в защиту православия, иконопочитания. Успехи этого восстания выразились, в частности, в том, что Фома Славянин получил венчание на царство от Антиохийского патриарха. Это произошло, конечно, по желанию арабов восточных соседей Византии, которым это восстание было очень выгодно. Но Фома Славянин потерпел, в конце концов, неудачу.

Последним императором-иконоборцем стал сын Михаила II Феофил (829–842), Он был человеком прекрасно образованным и имел особую любовь к наукам и искусствам, хотя отец его был грубым полуграмотным военачальником. Император Феофил был большим почитателем арабской культуры и никогда ни до, ни после него влияние арабской культуры в Константинополе не было так велико.

Феофил был убежденным иконоборцем. В своей деятельности он стремился доставить победу иконоборчеству.

Лекция 14

Вторая волна иконоборчества закончилась вместе со смертью императора Феофила – последнего императора-иконоборца. После его смерти начинается новый период церковной истории – период большого подъема, но и новых больших трудностей. Эпоха иконоборчества увеличила разрыв между Римом и Константинополем. Разрыв стал таким большим, что и конец иконоборчества не означал того, что разрыв этот будет преодолен. Императоры-иконоборцы по-новому провели границу между патриархатами Константинопольским и Римским. Эта новая граница стала более естественной. Иконоборцы изъяли из римской юрисдикции некоторые территории Южной Италии, а самое главное – обширные территории на Балканах, потому что там римская юрисдикция простиралась вплоть до Салоник. Эту довольно большую греческую территорию (от Салоник до Южной Италии) иконоборцы передали Константинопольской патриархии. Надо сказать, что Южная Италия – тоже исконно греческая территория, в древности она называлась Великой Грецией. Благодаря этим размежеваниям граница между двумя патриархатами более или менее совпала с естественной границей греческого и латинского мира, что, конечно, еще больше содействовало размежеванию в более глубоком плане.

В этом новом периоде Константинопольской Церкви пришлось выполнить новые огромные задачи. После смерти Феофила правительство поспешило восстановить иконопочитание. Последний патриарх-иконоборец был низложен, и патриархом стал исповедник православия св. Мефодий. В марте 843 г. было совершено торжественное празднование восстановления иконопочитания, которое превратилось в праздник в честь православной веры во всем ее объеме – Торжество Православия. Был составлен синодик в Неделю Православия, который до сих пор печатается в каждом греческом издании постной Триоди. Этот синодик впоследствии неоднократно дополнялся, и в целом, в том виде, в каком он сложился на протяжении веков от 9 века, с Торжества Православия до 14 века, когда в синодик были внесены главы, отразившие учение исихастов, является очень важным вероучительным документом Православной Церкви. Он содержит изложение православного учения и осуждение различных ересей и еретиков.

Как и первое восстановление иконопочитания, окончательное восстановление иконопочитания произошло в царствование женщины.

После смерти Феофила власть взяла его вдова Феодора. Сын и наследник Феофила в это время был еще совсем маленьким: ему было не больше 6 лет. Это был Михаил III. Среди советников царицы главную роль играл министр путей сообщения Феоктист. Это был фактически министр внутренних дел Византийской империи. Феоктист был человеком благочестивым, и после того, как он в результате государственного переворота был убит, греческая Церковь причислила его к лику святых, хотя в наших святцах он не значится.

В отличие от времени св. царицы Ирины, восстановление иконопочитания совершилось легко и спокойно, потому что иконоборческое движение уже отжило, и сильной оппозиции иконопочитанию больше не было. Однако, несмотря на это, императрица Феодора, ее главный помощник Феоктист и патриарх Мефодий проводили иконопочитание с чрезвычайной осторожностью. Они оказывали снисхождение тем иконоборцам, которые не желали принять почитание святых икон.

Как и прежде, этот умеренный образ действий встретил сопротивление со стороны зилотов – ревнителей. Во время иконоборчества православные были едины, но как только иконопочитание стало единым, сразу же возобновилось старое разделение на политиков и зилотов. Как и прежде, против умеренной икономической политики патриархов свв. Тарасия и Никифора тоже выступали монахи знаменитого константинопольского Студийского монастыря. Спор принял такую остроту, что опять студийские монахи были отлучены от церковного общения. Однако уже в 847 году патриарх св. Мефодий умер, и это дало шанс для примирения противоборствующих церковных группировок. На патриарший престол был назначен Игнатий. Он должен был вызвать симпатии зилотов, поскольку он был монахом строгой жизни и безупречной репутации. В то же время он был сыном свергнутого с престола императора Михаила I Рангави, поэтому был тесно связан с самыми высокими придворными сферами. Как надеялись в правительстве, он должен был найти общий язык и с царицей. Действительно, борьба на время утихла, хотя впоследствии св. Игнатий невольно стал причиной еще гораздо более серьезного церковного раздора. После ликвидации иконоборчества правительство должно было выдержать тяжелую борьбу с сектой павликиан. Эта секта получила большое распространение на восточной границе империи и пользовалась в свое время покровительством императоров-иконоборцев, но также и православного императора Никифора I. Секта эта превратилась в настоящее государство

со своей армией, своими крепостями, и императоры рассматривали ее с чисто военной точки зрения как препятствие для тех восточных врагов империи, которые захотели бы преодолеть границу в том месте, где секта была распространена. Некоторые сектанты стали переселяться к арабам и сражались против христианской империи.

Императрица Феодора развернула довольно жестокие преследования этих сектантов, и многие из них были переселены с восточной границы в Европу, во Фракию. Это была довольно обычная внутривластная мера римских императоров. В данном случае это было не очень удачно, т.к. ересь начала распространяться и в новом районе расселения сектантов. В 856 году произошел государственный переворот: Михаил III взял власть в свои руки. Поскольку он был очень молод и проявлял способности в основном в военном деле, фактическим правителем стал его дядя Варда, брат св. Феодора, который и подвигнул своего племянника на государственный переворот. Во время переворота министр Феоктист был убит, а императрица Феодора была вынуждена отречься от власти. Двумя годами позже, когда состоялось неудачное покушение на ее брата Варду, она была сослана в монастырь.

Варда был еще более одаренным правителем, чем свергнутый им Феоктист. Для нас интересно то, что Варда энергично содействовал культурному подъему. Если время иконоборчества было временем культурного упадка, то после падения иконоборчества началось возрождение культуры. В этой области покровительство императорской власти всегда было чрезвычайно важно. Без этого покровительства не могло быть настоящего культурного подъема. Сначала покровителем культуры был Феоктист, потом в еще большей степени им стал кесарь Варда. Кесарь Варда основал высшую школу – род университета – в императорском Магнабрском дворце. В этом университете занимались всеми отраслями тогдашней науки. История высшего образования Византии до сих пор не выяснена полностью. Есть ученые, которые считают, что высшее образование существовало на всем протяжении византийской истории, то затухая и приходя в упадок, то поднимаясь и расцветая, а другие считают, что это была прерывистая линия, когда были периоды полного угасания высшего образования. Так или иначе, университет в Магнабрском дворце имел очень большое значение. Руководителем его был назначен виднейший ученый Лев Математик, несмотря на то, что в свое время он проявил себя как иконоборец. Одним из самых блестящих профессоров стал великий Фотий, впоследствии патриарх.

Фотий родился около 820 года, он был племянником патриарха св. Тарасия, т.е. по рождению принадлежал к высшей знати и происходил из семьи, верной почитанию святых икон. Его семья претерпела гонения во время иконоборчества, что не помешало Фотию получить великолепное образование. Он преподавал целый ряд наук: логику, диалектику, что-то вроде истории философии (учения Аристотеля и Платона), математику, а также богословие.

Одновременно Фотий состоял чиновником государственной службы, ему поручались важные дипломатические миссии. Вообще Фотий – одна из самых характерных личностей Византийской империи, на его примере мы видим, насколько тесно объединялись культура, государство и Церковь, потому что Фотий был одновременно великим ученым, государственным чиновником высокого ранга, а впоследствии и патриархом.

После смены правительства должна была произойти и смена церковного возглавления. Источники, вообще говоря, несправедливы к режиму Михаила III и кесаря Варды, а, кроме того, после удаления патриарха св. Игнатия от патриаршества началась жестокая распря между сторонниками патриархов свв. Игнатия и Фотия. Поэтому те сведения, которые сообщают лица, заинтересованные партийно в этой расправе, должны очень внимательно проверяться. Наука нашего времени обладает замечательным исследованием на эту тему чешского историка и католического священника Франциска Дворника. Оно называется «Схизма Фотия» (известны издания на английском и французском языках). Но резюме этого огромного исследования, занимающего много сотен страниц, было напечатано на русском языке в Богословских трудах, составил его профессор Огицкий. Франциск Дворник последовательно реабилитирует Фотия и тех, с кем он был связан, от обвинений, которые на них возводились сначала современниками, а потом пристрастной западной историографией.

По версии сторонников патриарха Игнатия, кесарь Варда был безнравственным человеком, именно поэтому и произошло его столкновение с патриархом Игнатием, который обличил его. Как считает Дворник, кесарь Варда стал жертвой клеветы и вовсе не виновен в том, за что его строго осуждал патриарх Игнатий. Но, в конце концов, самое существенное – это то, что перед Церковью стояли такие большие задачи, которые патриарх Игнатий был не в силах исполнить, и которые были по плечу человеку с более широким кругозором.

Игнатий был удален, и патриархом стал ученейший Фотий. Его

посвящение произошло 25 декабря 858 года. Началось замечательнейшее патриаршество, которое связано как с величайшими достижениями византийской Церкви, так и с очень большими церковно-историческими потрясениями. В церковно-политическом отношении св. Фотий занимал такую же позицию, как и патриархи свв. Тарасий, Никифор и Мефодий. Поэтому против него сразу же выступили зилоты, тем более что удобным поводом для таких выступлений были некоторые проблемы при возведении Фотия на патриаршество. Фотия обвиняли в том, что он стал патриархом при живом патриархе Игнатии, но, как доказывает тот же Франциск Дворник, имело место отречение патриарха Игнатия от патриаршества, а в таком случае возведение Фотия на патриаршество вполне оправдано. Правда, потом под давлением своих сторонников св. Игнатий отказался от этого отречения.

Сразу же возникли две церковные партии: одна была привержена патриарху Фотию, другая выступала за низложенного патриарха Игнатия. Гораздо более значительную борьбу, чем с партией своих византийских противников, патриарху Фотию нужно было выдержать с Римом. После событий иконоборческой эпохи и политических событий, приведших к созданию Западной империи, сложились новые отношения между Римом и Константинополем. Этого могли не заметить только зилоты, которые в своем ослеплении продолжали апеллировать к Риму во всех случаях, считая его по-прежнему высшей церковной инстанцией и не замечая того, что такое отношение к Риму означает измену существенным интересам своей собственной Церкви. Значение перемен, которые произошли между Западом и Востоком, были ясны св. царице Феодоре и патриарху Мефодию, которые сами по себе не имели никакого расположения к Риму (св. Мефодий даже происходил из Сицилии) и вели церковные дела совершенно независимо от Рима. Если св. Ирина перед тем, как восстановить иконопочитание, считала нужным советоваться с Римом, то св. Феодора и патриарх св. Мефодий действовали совершенно независимо, вовсе не считая Рим главой Вселенской Церкви. Но решающий шаг в этом развитии отношений с Римом в сторону полного освобождения от его влияния, в сторону независимости константинопольской Церкви (речь шла не о разрыве, а об автокефалии, хотя это термин более позднего времени) сделал патриарх Фотий. Поначалу патриарх Фотий не хотел и не ожидал столкновения с Римом. Он был занят борьбой с партией приверженцев патриарха Игнатия.

Став патриархом, Фотий послал папе известительную грамоту, синодик, в надежде на то, что признание со стороны папы поможет ему

утвердиться в отношении партии игнасиан. Однако вскоре после избрания Фотия на патриаршество в Константинополе папой римским стал Николай I. Он был проникнут сознанием вселенского значения Рима, и стремился утвердить власть Рима над всей Вселенской Церковью. Противники патриарха Фотия апеллировали к Риму, и папа Николай I счел возможным вмешаться в константинопольский спор как верховный судья. Николай I высказался в пользу Игнатия и отказался признать Фотия законным патриархом, признав его возведение на патриаршество совершенно не каноническим – не только потому, что это возведение произошло при жизни патриарха Игнатия, но и по той причине, что Фотий был возведен на патриаршество сразу из мирского звания. С западной точки зрения это было недопустимо, хотя мы знаем, что в константинопольской Церкви в разные времена (и в 4-м, и в 8-м веках) такие назначения происходили. Таковы были назначения патриархами свв. Тарасия и Никифора, которые в течение нескольких дней были возведены в самый высокий церковный сан из мирян.

На самом деле проблемы каноничности не имели для римского папы какого-то самодовлеющего значения. Самым важным для него было утвердить свою власть, заставить всех признать, что Рим конечная инстанция в решении всех вопросов. Папа Николай I в отстаивании принципа римского примата (власти Рима над всей Церковью Христовой) не хотел останавливаться ни перед чем. Папа послал в Константинополь легатов, которые должны были участвовать в соборе, рассматривавшем это спорное дело. Этот собор состоялся в 861 году, и римские легаты на нем были побеждены и убеждены патриархом Фотием, согласившись с тем, что возведение его на патриаршество канонично. Однако когда легаты вернулись в Рим, папа осудил их, собрав в 863 году свой собственный собор в Латеранском дворце. На этом соборе он объявил патриарха Фотия низложенным.

Патриарх Фотий тоже не собирался складывать оружие. Если Рим стремился к универсальной власти, то патриарх Фотий хотел, чтобы константинопольская Церковь была реально автокефальной, чтобы она не зависела от Рима. Когда-то, еще сравнительно недавно (в конце 8 – начале 9 века) прп. Феодор Студит писал о так называемой пентархии – о том, что Вселенская Церковь возглавляется пятью главами, пятью патриархами, которые, подобно пяти чувствам человека, вместе действуют для общего блага. Однако уже тогда, когда эту теорию излагал прп. Феодор Студит, она уже не соответствовала реальной действительности, потому что три восточных патриархата – Александрийский, Антиохийский и

Иерусалимский – уже давно находясь на территориях, захваченных мусульманами, во всяком случае не могли иметь существенного влияния на жизнь Вселенской Церкви в целом. Мы помним, каким слабым и даже проблематическим было представительство восточных патриархатов на VII Вселенском Соборе. То же самое можно сказать и об их участии в других важных событиях в жизни Вселенской Церкви.

Реально существовали два средоточия, два полюса – Рим и Константинополь. Если Рим по церковным правилам имел первенство чести, то Константинополь в тот момент безусловно преобладал в отношении развития церковной жизни. Приведу статистику. В Римской Церкви было 497 епархий (это слово я употребляю в современном смысле), в Константинопольской Церкви было 656 епархий. Всего в Восточной Церкви было 1087 епархий, причем из епископов трех восточных патриархатов немалое число проживало на территории константинопольской Церкви. Поэтому константинопольская Церковь была, конечно, в расцвете своей силы. В тот момент власть константинопольского патриарха простиралась на всю наличную территорию Византийской империи, и очень скоро этому патриархату предстояло шагнуть и далеко за пределы этой империи, потому что должна была начаться славянская миссия, которая дала Восточной Церкви огромные приобретения. Надо сказать, что патриарх Фотий был как нельзя более на месте в том смысле, что он понимал все величие задач, стоявших тогда перед константинопольской Церковью, и был в силах содействовать их решению. Между прочим, в патриаршество Фотия произошло нападение русских на Константинополь, и важнейший источник по истории этих событий – проповеди самого патриарха Фотия, произнесенные перед взволнованным и перепуганным константинопольским населением. В науке обсуждается вопрос, кто были эти русские, пришли ли они из Киева или из Крыма, но уже в патриаршество Фотия отношения с русскими получили неожиданно благоприятное развитие. В своем знаменитом окружном послании (2-е письмо патриарха Фотия, которое называется «Окружное послание к восточным престолом»), которое датируется первой половиной 867 года, Фотий сообщает о крещении русских. Он сообщает сначала о крещении болгар, а затем говорит: «Не только сей народ сменил прежнее нечестие на веру Христову, но те, кто часто заставлял о себе говорить, кто всех произвел в свирепости и кровожадности (здесь, конечно, в нем говорят те чувства, которые жители Константинополя испытали при действительно очень опасном нападении русских). Народ, называемый

«росс» (в названии русских использовался этноним, который мы встречаем в греческом тексте Ветхого Завета – Быт.46:21), который поднял руку против Римского государства, поработив своих соседей и чрезмерно этим возгордившись, но ныне и они сменили эллинское и безбожное учение (эллинское, в смысле: языческое), в котором пребывали, на чистую и беспримесную христианскую религию и с любовью поставили себя в разряд подчиненных и друзей вместо недавнего дерзкого набега и грабительства. И настолько воспламенила их любовь и ревность о вере (вопиет пака Павел: «Благословен Бог вовеки!»), что они приняли епископа и пастыря и с большим тщанием и усердием восприняли христианское богослужение».

Это замечательное сообщение никто в науке не оспаривает, речь идет только в деталях: где именно произошло первое крещение Руси, которое в историографии называется «фотиевым крещением», какие именно русские приняли в тот момент христианскую веру.

Русское нападение на Константинополь дало основание империи на возобновление дипломатических отношений с хазарами. Это были традиционные союзники Византии. Однако здесь теперь господствовал новый дух: посольство, посланное к хазарам, было одновременно и дипломатической, и религиозной миссией. Во главе этого посольства был поставлен замечательный ученый Константин Философ, которого мы знаем как св. равноап. Кирилла, которому суждено было стать просветителем славян. Целью миссии было защищать христианство в Хазарии перед лицом иудейских и мусульманских влияний, которые чувствовались в этой стране. Вскоре, однако, св. Константин-Кирилл и его брат св. Мефодий оказались во главе более важного посольства, которое получило всемирно-историческое значение. В Константинополь прислал посольство моравский князь (Моравия часть современной Чехии). Он просил прислать в Моравию византийских миссионеров. Моравия в этот момент уже не была языческой страной, христианство было там уже распространено, но находилось в руках баварского немецкого духовенства, что представляло для Моравского княжества политическую опасность. Князь Ростислав хотел избавиться от опасности немецкой экспансии и прибегнул к византийским миссионерам. Здесь мы видим, как переплетаются чисто церковные дела и интересы с интересами и делами политическими. Мы не должны считать, что все в жизни должно быть размежевано и разложено по полочкам. Сама политика в путях Промысла Божьего может служить делу насаждения христианской веры. Но для полного разума событий мы должны иметь в виду этот политический

момент.

Князь Ростислав стремился решить свои политические проблемы, но из этого проистекли огромные духовные, церковные и культурные последствия для всего славянского мира. Дело в том, что германское духовенство, которое до миссии свв. равноап. солунских братьев действовало в Моравии, действовало, естественно, в соответствии с традициями Западной Церкви, допускавшей проповедь на национальном языке и даже перевод самых важных молитв на языки разных народов, но совершенно исключала возможность совершать богослужение на национальных языках. На Западе богослужение совершалось только на латинском языке, и через некоторое время, когда деятельность свв. братьев вызвала борьбу против них со стороны германского духовенства, была даже выдвинута трехязычная теория, согласно которой существуют только три священных языка – языки Пилатовой надписи на Кресте Господнем: еврейский, греческий и латынь. Только на этих языках, мол, и может совершаться богослужение.

Для просвещенных византийских миссионеров, конечно, дело представлялось по-другому. В Восточной Церкви во все времена совершалось богослужение на различных языках (на сирийском, коптском, эфиопском, армянском, грузинском). Св. Кирилл был великим ученым-филологом, в отличие от большинства греческих ученых того времени, в отличие от патриарха Фотия, ученость которого ограничивалась только греческим миром. Св. Кирилл знал и восточные языки. Он начал по благословию своего священноначалия константинопольского переводить богослужение и священные книги на славянский язык. Этот язык свв. братья знали с детства, так как были уроженцами города Солуни; в нем самом и в его окрестностях жило вперемешку греческое и славянское население. Хотя свв. братья принадлежали к высшему классу греческого общества и не были славянами по происхождению, как это иногда утверждается, однако славянский язык был им хорошо знаком. Они (прежде всего это относится к св. Константину-Кириллу) начали разрабатывать славянский литературный язык. Речь шла не о том, чтобы взять то или иное разговорное наречие и перевести на него Св. Писание и литургические книги, а о создании совершенно нового языка, языка книжного, литературного, языка священного, потому что речь шла не о какой-нибудь литературе, а о церковной письменности.

В создании этого языка свв. братья использовали элементы разных славянских наречий. В то время славянские языки были очень близки один к другому, но уже существовали и различные наречия, и язык

окрестностей Солуни отличался от языка, на котором говорили в Моравии. Как доказывают современные филологи, свв. братья стремились создать некий общеславянский язык. Но еще существеннее то, что они использовали элементы и других языков. В славянском языке, созданном свв. братьями, мы находим множество греческих слов, латинские слова (слово «алтарь» – латинское, его нет в греческом языке), находим какие-то влияния принципов греческого словообразования, находим даже греческие морфемы (например, слово «литургисати»). Синтаксис в славянском языке греческий, поэтому в традиционных учебниках славянского языка отсутствует раздел синтаксиса, поскольку предполагалось, что тот, кто изучает славянский язык, уже выучил латынь и греческий, следовательно, с синтаксисом никаких проблем не будет.

Тот славянский язык, который создали свв. братья, совсем не был обычным простонародным разговорным языком. Это был особый книжный язык, который требовал определенных и немалых усилий, чтобы им мог овладеть тот, кто хотел свободно читать книги, написанные на этом языке или переведенные на этот язык. Дело христианизации славян, которое Византийская Церковь вела уже на протяжении веков с тех пор, как славяне совершили свое нашествие на Балканский полуостров, теперь было возведено на принципиально новую ступень. Внешним поводом к тому было то, что новая славянская паства византийских миссионеров находилась на большом удалении от Византии. В то время как славяне, расселившиеся на Балканах, хотя они фактически и не всегда были подданными Великой империи, но идеально должны были стать таковыми, и поскольку они расселились там, где уже были греческие церкви, греческие епархии, задача в отношении них сводилась скорее к их эллинизации, приобщению к греческой Церкви, нежели к тому, чтобы их обособить в отношении церковного языка. Здесь же благодаря совершенно другой задаче стало возможным создание той славянской церковной письменности, которая, правда, со временем была изгнана из области расселения западного славянства, но явилась основой церковной жизни славянства южного и восточного.

Есть интересная книга «Сказание о славянской письменности», где помещены жития свв. Кирилла и Мефодия, а также вспомогательный научный материал по этой проблематике. Там многие важные частные вопросы рассматриваются. Например, в литературе вызывал споры вопрос о том, к какой из византийских церковных партий принадлежали свв. Кирилл и Мефодий, были ли они близки к патриарху Фотию. Сторонники патриарха Игнатия нападали на Фотия, в частности, за то, что он слишком

много усердия отдает изучению языческих авторов. Например, в житии св. патриарха Игнатия мы читаем:

«Вопреки евангельскому изречению: «Кто хочет быть мудрым, да будет неразумным в веке сем», Фотий утвердил свое сердце и ум на гнилом и песчаном основании светской мудрости». В другом антифотианском сочинении о Фотии говорится еще более страшные вещи: «Фотий продал душу волхву-еврею за посвящение его в искусство гадания, тайны астрологии и эллинских (то есть языческих) наук. А за литургией вместо молитв он читал стихи языческих поэтов».

Совсем по-другому к эллинским учениям относятся составители жития св. Кирилла. Там эллинские учения, которые проходил этот святой, перечисляются с полным одобрением, что уже само по себе заставляет говорить о единомыслии св. Кирилла и патриарха св. Фотия. Нам определенно известно, что св. Кирилл получал свое образование именно под руководством св. Фотия, который был профессором университета до того, как стал патриархом.

Историк русской Церкви Евгений Евстигнеевич Голубинский считает, что широта, которая позволила свв. солунским братьям создать славянскую письменность, перевести богослужение и Священное Писание на славянский язык, есть исключительная их принадлежность, что все остальные греки, в том числе и патриарх Фотий, были узкими греческими националистами. Это несправедливо, потому что мы знаем, что тот же Фотий деятельно участвовал в отправке посольства в Хазарию, которое имело и религиозные цели.

Сам по себе греческий национализм в тот исторический момент, о котором мы говорим, мог быть весьма относительным. Мы знаем, что многие лица, в том числе и царской крови (кесарь Варда и сам патриарх Фотий), не были чистокровными греками. Было очень много лиц армянского происхождения среди высшего слоя Византии, и верность имперской культуре, языку вовсе не означала отрицания права на существование за национальными культурами, национальным богослужебным языком и т.д. Существовало, например, много православных армян, совершавших богослужение на армянском языке, хотя и не принимавших богословского учения армянской Церкви.

Отправление миссии в Моравию вовсе не означало покушения на права Римской Церкви. Существовали всеми признанные границы патриархатов, территория Моравии, несомненно, принадлежала западному миру, и никто не собирался это княжество изымать из римской юрисдикции. Моравский князь стремился всего лишь утвердить

независимость своей национальной Церкви от немцев, но не от папы. Эта Церковь должна была не через посредство немецких епископов, а непосредственно подчиняться римскому папе. Это дает основания некоторым католическим историкам изображать дело так, будто бы свв. братья переметнулись на сторону римского папы, отреклись от своей лояльности в отношении константинопольского императора и константинопольского патриарха и стали чадами римской Церкви. Это, конечно, не так.

Несмотря на противоборство между Константинополем и Римом, которое произошло как раз при патриархе Фотии, Церковь всеми ощущалась как в принципе единая. Это теперь, после целого тысячелетия разделения, мы как бы изначально утверждаем это разделение и в тех веках, которые предшествовали этому разделению. У нас невольно срывается с уст слово «католик», когда мы говорим о каком-нибудь западном деятеле времен до разделения. Это, конечно, анахронизм. О Церквях католической и православной в их разделении мы можем говорить только после того, как это разделение произошло. А до того была единая Церковь, несмотря на все трудности, которые существовали между патриархатами. Так что свв. братья, действуя в духе принципов, которые они имели как клирики и чада Восточной Церкви, вовсе не собирались на Западе создавать какой-то очаг сопротивления Церкви западной. Они считали, что моравская Церковь войдет составной частью в обширный Западный патриархат, но при этом они встретили огромные трудности, потому что их принципы миссионерского дела, церковного строительства, которые они вынесли с Востока, встретили непонимание и жестокое сопротивление со стороны подавляющей части западного духовенства.

Надо сказать, что позиция пап в отношении свв. братьев колебалась, потому что в чисто политическом плане папы были скорее заинтересованы в создании в Моравии противовеса слишком уж усилившемуся франко-немецкому духовенству. Мы помним события Франкфуртского собора, когда мощная империя Карла Великого оказала нажим на Рим даже в вопросах вероучения, заставив папских легатов отказаться от только что утвержденного иконопочитания.

В то же время противников деятельности свв. братьев в Моравии было очень много, и они оказывали постоянное давление на римских пап. Св. Кирилл был вынужден бороться за свою моравскую Церковь. Именно для того, чтобы защитить моравскую Церковь от нападений германского духовенства, он прибыл в Рим, где умер в 869 году. С ним вместе был в Риме его брат св. Мефодий. В тот момент римские папы благосклонно

отнесли к миссии свв. братьев, и св. Мефодий, похоронив брата, принял посвящение в епископа, став архиепископом Моравии и Паннонии. Было принято решение создать эту большую архиепископию на той территории, где свв. братья устраивали Церковь.

На обратном пути св. Мефодий попал в плен к баварцам и был заключен в тюрьму. Рим через некоторое время выступил в его защиту, и после того, как Рим сказал, что немецкие епископы будут отлучены, если немедленно не отпустят св. Мефодия, он был отпущен.

Одно время Рим даже согласился на применение славянской азбуки для записи славянских текстов. Уже это было чрезвычайно большой уступкой, потому что обычно на Западе, хотя и разрешались записи различных текстов, в том числе и молитв, на национальных языках, но при этом требовалось, чтобы записи всегда делались латинскими буквами. Св. Кирилл изобрел совершенно оригинальный славянский алфавит, в котором наряду с буквами греческого алфавита использовал буквы некоторых восточных языков для обозначения звуков, которых нет в греческом. Этим славянский алфавит выгодно отличается от использования латинского алфавита для языков, фонетически далеких от латыни. В английском, немецком, да и французском языке приходится делать ужасные сочетания согласных для выражения звуков, которых не было в латинском языке. Этого нет в славянском языке, где алфавит в точности соответствует фонетике.

Рим, однако, долго сопротивлялся возможности совершения богослужения на славянском языке. Здесь в свое время Рим должен был пойти на уступки. В 880 году папа Иоанн VIII, наконец, разрешил богослужение на славянском языке. В 885 году умер св. Мефодий, и вскоре моравские князья изменили направление своей политики. Племянник Ростислава Святополк пошел на сближение с немцами, и ученики свв. братьев были изгнаны из Моравии. Они продолжали свою миссию среди южных славян. Но в западной Церкви почти до нашего времени сохранялось славянское богослужение. Была некоторая часть католиков-хорватов, которые сохранили богослужение на церковнославянском языке, причем для записи этих текстов у них было богослужение западное, западная месса. Но не на латинском языке, как у всего остального католического мира, а на церковнославянском языке, причем они пользовались не нашим кириллическим славянским алфавитом, а тем алфавитом, который был изобретен свв. первоучителями славян – глаголическим алфавитом, более древним и более оригинальным по начертанию букв. А ныне вошедший во всеобщее употребление

кириллический алфавит – это алфавит, возникший уже в южных славянских землях, куда переселились ученики свв. Кирилла и Мефодия и где уже существовала традиция пользоваться для записи славянских текстов греческими буквами. Поэтому алфавит, который мы называем кирилловским, ближе к греческому, чем глаголический. Несмотря на то, что дело свв. Кирилла и Мефодия не привилось в Моравии, они создали церковный язык и, можно сказать, церковную культуру всего православного славянства, и язык Кирилла и Мефодия – это то, что ныне объединяет всех православных славян: русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов.

После того как началась миссия свв. братьев в Моравии, почувствовали необходимость принять христианство также и болгары. Однако в то время, как Моравия обратилась для утверждения в ней христианства к Византии, Болгария, напротив, обратилась к франкам, для чего болгарский князь Борис отправил посольство. Византия не могла допустить, чтобы соседняя Болгария вошла в сферу влияния франкской империи, поэтому Византия сделала очень внушительную военную демонстрацию у границ и берегов Болгарии. В результате этой демонстрации силы болгарский князь Борис уступил. В 864 году он принял христианство от Византии, причем в крещении он принял имя Михаила, тогдашнего византийского императора, который, как это было принято, выступил его восприемником при крещении. Сразу после этого греческий клир приступил к просвещению Болгарии под руководством патриарха Фотия. Крещение Болгарии имело следствием не только очень большой прогресс в ее духовном развитии, но и окончательное решение этнической проблемы, потому что Болгарское государство было основано восточным народом (булгарами), захватившим целую группу славянских племен. Принятие христианства булгарами означало окончательную славянизацию этой верхушки болгарского общества, и те, кто противился христианизации, противились и славянизации. Такие попытки князю Борису (Михаилу; он причислен к лику святых) пришлось пресечь самым решительным образом.

Были несомненны очень большие плоды христианского просвещения и крещения Болгарии во всех сферах ее жизни духовной, культурной, политической. В то же время князь Борис (Михаил) пережил некоторое разочарование. Целью Византии было подчинение Болгарии константинопольской церковной юрисдикции, что имело значение и в плане политического контроля над этим сильным соседним государством. Болгары же стремились к созданию независимой автокефальной Церкви и

даже хотели, чтобы эта Церковь, только что возникшая, сразу же получила ранг патриархии. Поскольку эти пожелания болгарского князя оставались неудовлетворенными, он отвернулся от Византии и обратился к Риму. Это было как нельзя более кстати для римского папы Николая I, озабоченного борьбой с патриархом Фотием. Папа отправил в Болгарию легатов, которые с большим рвением принялись за дело, т.е. стали исправлять то, что они считали неправильным в действиях византийских миссионеров. Между греческой и латинской Церковью в это время уже существовали большие различия, и если было желание исправлять то, что установили византийские миссионеры – епископы и священники, то открывалось очень большое поле деятельности. Казалось, что Болгария скоро будет окончательно увлечена в лоно римской Церкви, но этого не произошло, потому что князь Борис хотел не подчинения своей Церкви Риму, а создания автокефальной болгарской Церкви, и жесткий диктат Рима в церковной области был для него еще менее приемлем, чем византийская юрисдикция.

Теперь раздор между Римом и Константинополем достиг кульминации, Фотий защищал свою Церковь, которая подверглась нападению со стороны Рима и в болгарском вопросе. Кесарь Варда и император Михаил III без всяких колебаний встали на сторону своего патриарха. Император отправил папе письмо, где с большой гордостью выразил сознание независимости и превосходства своей империи. Император в ультимативной форме требовал отмены постановления о низложении патриарха Фотия, которое папа Николай I вынес на Латеранском соборе. Но патриарх Фотий пошел еще дальше, чем император Михаил III. Фотий выступил как судья западной Церкви. Он обвинил западную Церковь в неправильностях в области не только церковного строя и богослужения, но, прежде всего, в области догматики. Патриарх Фотий стоял у истоков византийской антилатинской литературы, которая со временем, после разделения Церквей, приняла большой размах и стала важной частью догматико-полемической византийской литературы. Но патриарха Фотия выгодно отличает от всех его последователей то, что он умел делать различие между существенным и менее существенным. Если многие антилатинские полемисты впоследствии увлекались чисто обрядовыми проблемами, то для Фотия на первом плане стоял вопрос вероучения, и главное обвинение Фотия против западной Церкви относилось к догмату филиокве. Фотий прежде об этом не задумывался. Он столкнулся с этим, когда западные миссионеры, прибывшие в Болгарию, стали учить болгар, что греческая Церковь

неправильно содержит Символ Веры – без филиокве, тогда как II Вселенский Собор принял Символ Веры с филиокве. Мы знаем, что исторически это совсем не так и что вставка в Символ Веры появилась гораздо позже первых двух Вселенских Соборов. Впервые эта вставка появилась в Испании в 6 веке, и там она имела антиарианскую направленность. Ариане, которым в 6 веке принадлежала политическая власть в Испании, утверждали неравенство Отца и Сына. Вставка филиокве в Символ Веры должна была показать православным, что Отец и Сын равны. Эта вставка, откровенно говоря, основана на богословском учении блж. Августина, епископа Эпонийского (конец 4-го – первые десятилетия 5-го века). Но одно дело частное богословское мнение, частное учение, пусть даже такого уважаемого богослова, как блж. Августин, а другое – церковное учение. После того как на Западе перестали читать восточных отцов, влияние блж. Августина там стало определяющим. Несмотря на это, на Западе только постепенно Символ Веры в испанской редакции завоевывал свое положение. При Карле Великом филиокве было принято в Символ Веры в империи Карла, но Рим в то время еще сопротивлялся вставке в Символ Веры.

В конце концов и Рим согласился на эту вставку, тем более что богословское сознание западного духовенства, воспитанного на блж. Августине, этому не противилось. Этому могло противиться только историческое сознание, поскольку исторически Символ Веры не имел этих слов. Но, как мы знаем, в средние века историческое сознание было мало развито, исторические знания не всегда были на должной высоте, поэтому вполне мирно без особого сопротивления на всем Западе Символ Веры стал читаться с этой вставкой.

Первым восточным богословом, который обратил на это внимание и много сил положил на опровержение западного догмата, стал патриарх св. Фотий. Он до самого конца жизни, даже будучи низложенным и находясь в далекой восточной ссылке, продолжал составлять догматические трактаты о филиокве, что показывает его искреннюю, совсем не конъюнктурную заинтересованность в этой проблеме. Некоторые изображают Фотия как чистого политика. Он, конечно, был великим политиком, но он был также и великим богословом и, как человек святой праведной жизни, думал, прежде всего, об угождении Богу. Итак, Фотий выступил с осуждением римской Церкви в ереси. В 867 году в Константинополе был созван Собор под председательством императора Михаила III, который анафематствовал папу Николая I. Собор также осудил учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына (филиокве) и

объявил незаконным вмешательство Рима в дела константинопольской Церкви. После этого собора патриарх Фотий отправил окружное послание восточным патриархам. Я сегодня уже цитировал это послание, именно там патриарх Фотий сообщает о крещении Руси. В послании перечисляется целый ряд неправильностей в жизни Западной Церкви не только в области догматики, но и в области церковного строя и богослужения. На первом месте стоит все-таки догматическое учение.

В момент величайшего напряжения в борьбе св. Фотия против Рима в Константинополе совершился государственный переворот, который явился ударом в спину патриарху Фотию. Переворот произошел потому, что Михаил III, государь не без способностей, довольно легкомысленно сделал своим ближайшим другом человека, который его и погубил. Это был Василий Македонянин – простой крестьянин, выделявшийся разве что своей физической силой. Он был взят на службу во дворец императора и очень быстро был приближен к императору. Император даже сделал его своим соправителем, а поскольку Михаил не имел мужского потомства, в случае его смерти власть автоматически должна была перейти к соправителю.

Перед тем Василий Македонянин добился устранения кесаря Варды, который был предательски убит. Затем настал черед и самого Михаила III. Правда, Михаил был человеком изменчивым, и Василий Македонянин покусился на него в тот момент, когда Михаил утратил свое расположение к нему, и теперь Василий сам мог опасаться за свою жизнь. Вообще в их отношениях много напряжения, изобразить которое было бы под стать разве что Шекспиру. Михаил женил своего друга и соправителя на своей бывшей возлюбленной, на которой в свое время не разрешила жениться его мать св. Феодора. Этот брак, навязанный Василию Македонянину, тоже не способствовал улучшению их отношений. Короче говоря, Василий совершил переворот, и 24 сентября 867 года Михаил был убит. Это произошло в том самом году, когда Фотий развернул напряженную борьбу против Рима.

После убийства Михаила Василий стал императором как коронованный соправитель. Ему удалось создать новую династию. Как и все византийские императоры, Василий I много занимался церковными делами. Поначалу он был вынужден в церковной деятельности принять направление, прямо противоположное направлению деятельности своего предшественника. После своего восшествия на престол Василий I заключил патриарха Фотия в монастырь, и таким образом в самый напряженный момент борьбы св. Фотия против Рима он был устранен.

В ноябре 867 года на патриаршество вернулся св. Игнатий. Этой ценой были восстановлены отношения с Римом, т.е. произошел радикальный поворот. В 869–870 гг. в Константинополе состоялся церковный собор, в котором участвовали легаты папы Адриана II. Римская Церковь считает этот собор Восьмым Вселенским Собором. Православная Церковь, напротив, не признает деяний этого собора.

На этом соборе патриарх Фотий был объявлен не только низложенным, но и отлученным, и все его действия признаны не имеющими силы. Однако и на этом соборе не удалось избежать столкновения между Константинополем и Римом. Обе стороны имели совершенно различные воззрения о юрисдикции римского престола. Это было показано римским легатам. Они считали, что по существу дело Фотия уже рассмотрено в Риме, и византийской иерархии остается только присоединиться к тому решению, которое вынесено в Риме. Известно выражение: «Когда высказался Рим, дело окончено».

Но в Константинополе смотрели на вещи иначе. Все, в том числе и новоиспеченный император Василий I, считали, что дело, совершенно не зависимо от римских решений, должно быть рассмотрено своим собственным собором. Император сам председательствовал на соборе, как это бывало, когда соборы имели существенное значение для всей жизни. Кроме того, собор завершился делом для Рима совершенно непредвиденным и весьма неприятным. Через три дня после того, как собор окончил свои заседания, в Константинополь прибыли посланцы из Болгарии, и собор возобновил свою работу. На этом новом заседании был обсужден вопрос, какой юрисдикции должна подчиняться болгарская Церковь – римской или константинопольской. Ожидания, которые князь св. Борис-Михаил возлагал на Рим, не оправдались. Рим не исполнил то, чего он хотел, отвергнув тех кандидатов, которых предлагал св. Борис, чтобы они возглавили болгарскую Церковь, и болгарский князь вновь обратился в Константинополь. Именно с целью решения церковного вопроса и прибыли в Константинополь болгарские послы. Несмотря на резкие протесты представителей римского папы, собор принял по болгарскому вопросу решение, благоприятное для Константинополя, причем представители трех восточных патриархов, бывшие на этом соборе (по этой причине собор формально можно считать Вселенским), тоже действовали в пользу Константинополя.

То, что произошло за последние годы (упорное стремление Болгарии к церковной независимости, причем она не останавливалась перед тем, чтобы оставлять константинопольскую юрисдикцию и переходить в

римскую), конечно, чему-то научило саму константинопольскую патриархию. Поэтому по отношению к болгарам проявили большую уступчивость, чем прежде. Император повелел патриарху Игнатию рукоположить для Болгарии архиепископа и многих епископов. Сам по себе сан архиепископа означал, что эта Церковь будет если не автокефальной, то, во всяком случае, автономной. Болгария хотя и признала верховные права константинопольского патриарха, но в своем внутреннем церковном управлении получила достаточно большую автономию. На особое значение болгарской архиепископии в структуре византийской Церкви указывает место архиепископа болгарского в списках высших чинов византийской Церкви. Он занимает здесь 16-е место, следуя непосредственно за синкеллом-патриархом (синкелл-патриарх – это один из высших сановников патриархии), в то время как остальные митрополиты и архиепископы стоят соответственно на 58-й и 59-й ступенях, а епископы – на 60-й ступени этой византийской церковной таблицы о рангах. Несмотря на неоднократные протесты Рима, Болгария так и осталась в византийском духовном мире. Даже когда впоследствии Болгария создавала свою собственную автокефальную Церковь, она оставалась в том целом, которое впоследствии один ученый назвал византийским содружеством. Такое развитие болгарской проблемы привело к тому, что сразу же сильно омрачились отношения Рима и Константинополя, едва успев восстановиться.

На отношения с Римом очень рассчитывал император Василий, ради чего он даже пожертвовал патриархом Фотием. Однако по существу между императором Василием I и Фотием не было большой разницы в решении церковных вопросов, поэтому неизбежно должна была произойти реабилитация патриарха Фотия.

Лекция 15

Император Василий I, который начал с такого в высшей степени враждебного шага в отношении святого патриарха Фотия, очень быстро пошел по тому пути в церковной политике, который разрабатывал сам Фотий, которого придерживались сильные люди предшествующего царствования – император Михаил III, и, прежде всего, кесарь Барда, дядя императора. Этот поворот в политике, когда император Василий I смог в известном объеме противостоять требованиям Западной Церкви и сохранить юрисдикцию Константинопольской Церкви над Болгарией (впрочем, в соответствии с пожеланиями самих болгар), сказался и на отношении Василия I к самому Фотию. Через некоторое время Фотий был возвращен из ссылки, император назначил его воспитателем своего сына, состоялось примирение двух иерархов – патриарха Игнатия и отстраненного от патриаршества Фотия. Патриарх Фотий помогал престарелому патриарху Игнатию своими медицинскими советами, и после того, как умер патриарх Игнатий, патриарх Фотий спокойно, без всякого конфликта, занял патриаршую кафедру. Исчерпал себя конфликт двух церковных партий – игнатиан и фотиан.

Во многих исторических сочинениях говорится о том, что Фотий во время своего второго патриаршества вторично порвал с Римской Церковью, произошла вторая схизма Фотия. Современные ученые убедительно показывают, что никакой второй схизмы Фотия не было, что Фотий умер, не будучи в разрыве с Римской Церковью. Время императора Василия I, а также его сына и преемника Льва VI – это время очень активного законодательства. Если беспримерно плодовитым законодателем был святой Юстиниан, то второе по значению время законодательной активности Византийской империи – это как раз время Василия I и Льва VI. Эти законы, конечно, не могли не коснуться и церковной жизни. Один из важных законодательных текстов, изданных еще при Василии I, носит название «Эпанагога» или иначе «Исагога». В обоих случаях это название переводится как «Введение», этот законодательный документ должен был служить введением к обширному своду законов. В современной науке спорят не только о том, какое название этого документа правильное, но также и о юридическом статусе этого документа. Некоторые считают, что он остался только в ранге законопроекта, другие ученые доказывают, что «Эпанагога» была промульгирована, т.е. принята как действующий закон. По всей

видимости, те разделы «Эпанагоги», которые имеют отношение к Церкви, были составлены если не лично патриархом Фотием, то под его влиянием, и они как раз нас интересуют в первую очередь. В «Эпанагоге» перечисляются обязанности императора, патриарха (император все-таки на первом месте) и других светских и церковных сановников. Здесь выражается идеальный образ отношений между царством и священством.

Согласно «Эпанагоге», церковно-государственный организм представляется как идеальное единство, составленное из множества частей и членов. Во главе этого единого тела стоят император и патриарх как два главы вселенной. Они тесно и мирно сотрудничают в целях блага человечества. Сферы этих компетентных властей совершенно параллельны. Светский заботится о телесном, духовный – о духовном благоденствии подданных империи, которые одновременно являются членами Церкви. Здесь дается новый вариант знаменитой теории симфонии, которую мы встречаем уже в законодательстве Юстиниана, в Шестой новелле Юстиниана, и поэтому представляется важным хотя бы вкратце сравнить, посмотреть, чем отличаются эти две модели. Их различие, прежде всего, в том, что если Юстиниан говорит о симфонии царства и священства, то в «Эпанагоге» говорится о симфонии царя и патриарха. Царство и царь – это примерно одно и то же, потому что Юстиниан под царством, конечно, подразумевал всю совокупность чиновников и государственного аппарата, подразумевал и особу самого государя. В византийских понятиях, в общем-то, здесь можно было понимать только государя... или его вместе со всеми его соправителями, всеми, кто так или иначе официально делят его власть, будучи венчаны на царство вместе с ним. Очень важное различие – то, что в «Эпанагоге» вместо священства, которое, конечно, у Юстиниана обозначает совокупность всего духовенства и, прежде всего, конечно, совокупность епископата, – вместо этого целого мы находим у авторов «Эпанагоги» личность патриарха, В «Эпанагоге» говорится также о епископах, но если патриарх описывается в самых высоких тонах, патриарх есть одушевленный образ Христов, в себе самом являющий истину, то о епископах ничего подобного не говорится, епископы – это всего-навсего администраторы маленьких епархий, хотя на самом деле, конечно, вот эти высокаторжественные слова («одушевленный образ Христов, в себе самом являющий истину»), вполне естественные в отношении патриарха, столь же естественны в отношении любого епископа, столь же естественны, столь же традиционны, начиная со времен святого сщмч. Игнатия Богоносца, который, наверное, первый развил подробно учение о

епископстве как образе Христовом.

Что же происходит? Здесь мы имеем дело с вариантом уже сложившегося папизма. Мы не должны этого пугаться, соблазняться этим, потому что уже давным-давно церковно-историческая наука вскрыла такой соблазн, который действительно существовал в Византии, особенно в поздней Византии. То есть в борьбе против римских притязаний произошло в определенной степени некоторое сползание на римские позиции в отношении учения о первой иерархии. Конечно, здесь уже не вспоминается об идеалах пентархии (пятиглавия, пятивластия), о чем писал еще преп. Феодор Студит сравнительно недавно, в начале того же самого IX века и, естественно, здесь не вспоминается и о римском патриархе, который фактического влияния на церковную жизнь Византии иметь не мог.

Конечно, можно сказать, что «Эпанагога» – это всего лишь идеальная конструкция, здесь говорится слишком в общих чертах о значении и обязанностях императора, патриарха и так далее, но «Эпанагога», будучи идеальной картиной, оказывала совершенно реальное влияние на жизнь церкви и государства, причем в течение долгих веков. Скажем, у нас в XVII веке патриарх Никон ссылался на «Эпанагогу». Опять-таки мы не удивимся, что он ссылался на «Эпанагогу», потому что он имел тоже своего рода папистические притязания и даже вдохновлялся такими западными подделками, обосновывающими власть римского папы, как Константинов дар. Грубая фальшивка, которая говорит о том, что якобы св. Константин Великий в благодарность за то, что римский папа Сильвестр его крестил, подарил ему Рим со всякой властью, столицу империи. На самом деле вовсе не Сильвестр его крестил, и вообще это очень грубая и очень поздняя подделка, однако она в духе вот того папизма, который был близок сердцу патриарха Никона и который в какой-то степени вкрался и в византийское сознание. Однако византийская реальность делала очень существенные поправки тем идеальным схемам, которые мы находим в «Эпанагоге».

После смерти императора Василия I, когда к власти пришел ученик Фотия Лев VI, очень скоро произошло вторичное удаление Фотия от патриаршества. Патриарх Фотий был отправлен в ссылку на Восток, он умер через несколько лет после этого, и мы знаем, что в последние годы своей жизни он работал над богословскими трактатами о филиокве, а также пытался привести к общению с Православной Церковью армян. Об этом говорят послания патриарха Фотия армянским царям, которые сохранились в армянском переводе.

Нужно отметить, что удаление Фотия вторичное не имело никакой связи с константинопольско-римскими отношениями, не сказалось на этих отношениях. После удаления патриарха Фотия Лев VI возвел на патриаршество своего младшего брата Стефана, которому в тот момент не исполнилось еще и шестнадцать лет. Это показывает истинное соотношение двух властей в Константинополе. Конечно, Стефан был лично очень благочестивым человеком, он с раннего детства был предназначен своим отцом Василием I к духовной карьере, соответственно воспитывался, Церковь впоследствии причислила этого патриарха, который умер совсем молодым, не дожив и до тридцати лет, к лику святых. Однако, в церковной политике этот юный патриарх, конечно, мог быть только послушным исполнителем воли своего старшего брата-императора. И фактически все церковные дела Лев VI взял в свои руки.

Как ученик патриарха Фотия, к которому он проявил такую большую неблагодарность, Лев VI был человеком прекрасно образованным, можно сказать, энциклопедически образованным. Он был хорошим писателем и выступал даже как оратор. Лев VI много занимался и богословием. Сохранились в наших богослужебных книгах песнопения, составленные этим императором. Его имя надписывается как Лев Деспот. Например, утренняя стихира Октоиха. В дни церковных праздников Лев VI часто проповедовал. Он проявлял себя, впрочем, и в области светской литературы и поэзии. За свою разнообразную писательскую и законодательную деятельность еще при жизни Лев VI получил прозвание Мудрого (Софос), или Любомудрого (Философос). Впоследствии его имя обросло всякими легендами, его начали изображать как великого предсказателя будущего, но это уже относится к области сказочной. Лев VI после Юстиниана I – самый активный законодатель, причем его законы, так же как и законы, изданные при его отце, никоим образом не обходят церковных вопросов. Таковы в частности, Новеллы, новые законы императора Льва. Общее число Новелл – 113, из них по меньшей мере 17 относятся к церковной жизни. Новеллы чисто церковного содержания составлены на имя патриарха Стефана, то есть брата императора. Они имеют многообразное содержание, я не буду перечислять всего, скажу, что в некоторых случаях Лев смягчает законодательство Юстиниана. Если Юстиниан запретил принимать епископский сан лицам, хотя и вдовым, но имеющим детей, поскольку считал заботу о детях несовместимой с епископским званием, то Лев VI дозволил вдовцам, имеющим детей, принимать сан епископа. В других случаях Лев в своих законах проявляет большую строгость. Например, по этим законам, если раб, без ведома

господина, принимает монашество или священный сан, вплоть до сана епископа включительно, он подлежит лишению сана, должен быть возвращен господину.

В государственном плане законы императора Льва были важным моментом в становлении византийского абсолютизма. Император рассматривался как избранник Божий, как орудие промысла Божия, и все нити управления находились в руках императора. Император был верховным главой государственного управления, верховным главнокомандующим, верховным судьей, единственным законодателем, защитником Церкви и защитником православной веры. Византия всегда была правовым государством, император не имел права нарушать законы, но он мог отменять прежние законы и принимать новые.

Вообще в Византии считалось всегда действующим древнее установление: воля государя имеет силу закона; то, что угодно государю, имеет силу закона. Конечно, общие моральные требования, обязательные для всех христиан, сохраняли и для императора свое значение. И сложившиеся законы Церкви император не мог менять совершенно произвольно. И как раз в царствование Льва VI произошел очень показательный конфликт императора и Церкви, который показал, что император не всемогущ в области христианского нравственного закона, даже соображения государственной пользы не могут этот закон менять. Этот конфликт императора Льва VI связан с его браками. Лев VI в своих законах занимался также и брачным законодательством. Он ввел законы, которые запрещали четвертый брак, существенно ограничивали возможности для вступления в третий брак и серьезно порицали даже и второй брак. Именно при Льве VI впервые было объявлено обязательным венчание брака, прежде брак мог считаться законным и без церковного священнодействия, т.е. понятие гражданского и церковного брака не совпадало до Льва VI и совпало более или менее благодаря его законам, хотя впоследствии и императоры еще доводили до логического конца законодательства Льва VI. Скажем, при Льве VI рабы еще не были обязаны заключать церковный брак, впоследствии и на рабов это было тоже распространено.

Первый его брак был неудачным. Он вступил в него по воле своего отца Василия I, с которым у него были чрезвычайно трудные отношения, Василий его не любил и даже не считал своим сыном. А когда первая жена, брошенная Львом еще при жизни, умерла (ее, между прочим, Церковь причислила к лику святых), Лев VI узаконил браком свою связь с дочерью своего премьер-министра. Премьер-министр получил почетный

титул царского отца. Однако эта вторая жена Льва умерла года через два после того, как официально стала его женой, и у императора все не было мужского потомства. Потом он вступил в третий брак, и опять его жена умерла, прожив с ним едва год, и, наконец, не имея все еще мужского потомства, он сблизился с одной придворной дамой, которая родила ему сына. Это было вне брака, потому что до рождения сына Лев VI не решался на поправление тех церковных законов, которые он сам уточнил в своем законодательстве совсем недавно. Но когда родился сын, ему нужно было его легализовать как своего престолонаследника. Он обратился к тогдашнему патриарху Николаю Мистик. Прозвание «Мистик» связано с тем, что до занятия патриаршей кафедры это был один из крупных сановников в государстве, так сказать, тайный советник, если воспользоваться нашей русской терминологией. Именно такое значение имеет греческое слово «мистик» в данном случае, оно вовсе не означает каких-то мистических способностей или наклонностей иерарха. Надо сказать, что в решении вопроса о брачном статусе Льва VI патриарх Николай Мистик проявил достойную твердость. Он 6 января 906 года совершил торжественное крещение императорского сына, признал его законным сыном императора, однако под условием, что император немедленно удалит из своего дворца мать этого престолонаследника. Этот наследник Льва VI – будущий император Константин Багрянородный. Однако Лев не сдержал своего обещания и через два дня после крещения сына женился на его матери. И не только женился, но и венчал ее, дав ей титул августы – титул, который получали дамы царской крови.

Патриарх немедленно реагировал на это. Он запретил императору входить в церковь. На Рождество 906 года и на Богоявление 907 года император не был допущен в собор св. Софии. У императора, правда, оставался выход, к которому иногда прибегали в Византии, когда хотели справиться с патриархами. Он обратился в Рим. Римским папой тогда был Сергей III. Папа с удовольствием пошел навстречу пожеланиям императора. Дело не только в том, что западные законы о браке были в известном отношении гораздо менее строгими, чем принятые в Византии, но, прежде всего, в том, что для папы Сергия III здесь представлялась очень хорошая возможность вмешаться в дела Константинопольской Церкви и показать свое превосходство, показать, что он есть глава Вселенской Церкви. Ссылаясь на решение Рима, Лев VI смог вынудить патриарха Николая Мистика к отречению от патриаршества. На место патриарха Николая был возведен весьма благочестивый, но также весьма ограниченный Евфимий, который готов был исполнять требования

императора и одновременно инструкции, присылаемые из Рима. Это вызвало немедленное возобновление старого церковного разделения. Вновь Церковь разделилась на политиков и зилотов. Зилоты, естественно, в этой ситуации не признавали патриарха Евфимия, не признавали низложения Николая Мистика, не признавали четвертого брака императора. Зилоты – ревнители, сторонники старого православия. Конечно, мы можем отметить, что в отличие от того момента, когда столкнулись игнатиане и фотиане, на этот раз зилоты оказались в оппозиции к Риму, в то время как зилоты времен конфликта патриархов Фотия и Игнатия были союзниками Рима в борьбе против патриарха Фотия. В дальнейшем византийским зилотам предстояло совершенно однозначно занять антиримскую позицию, но это произошло уже в момент и после окончательного разделения церквей. Вот такой дорогой ценой, обеспечив престолонаследие, Лев VI через некоторое время после этого умер 12 мая 912 года.

После смерти Льва VI к власти пришел его брат Александр, который все царствование Льва VI формально числился его соправителем, однако реального участия в делах не принимал. Царь Александр, прежде всего, позаботился о том, чтобы поменять всех, кто был особенно предан Льву VI. В частности, он удалил от патриаршества Евфимия и возвел на патриаршество вновь Николая Мистика. Внешнеполитические действия императора Александра были крайне неудачны. Он нарушил мир с Болгарией и дал повод сильной в то время Болгарии начать войну против Византии. Впрочем, вскоре император Александр умер, а Константин Багрянородный был все еще малолетним, власть перешла к регентскому совету, который возглавил патриарх Николай. Патриарх Николай оказался в трудном, можно сказать, двусмысленном положении, потому что правил от имени ребенка, рождение которого он не мог считать законным, и коронацию которого он не признавал. Коронация была совершена уже после отстранения от патриаршества Николая. Свергнутому патриарху Евфимию осталась верной часть духовенства, которая не принимала патриарха Николая. И вот в таком положении, при отсутствии единства в обществе, началась очень тяжелая война с Болгарией.

Болгарией в это время правил Симеон – один из самых славных болгарских государей. Симеон ставил себе очень большие цели. Он не просто хотел поживиться за счет Византии, он хотел поглотить Византию, стать императором вместо византийского императора. И сил у него было достаточно много. Однако, придя под стены Константинополя, он все-таки не мог его взять. Начались переговоры. Патриарх Николай с большим

почетом принял Симеона в императорском дворце и пошел на очень большие уступки болгарам. Симеон получил от патриарха императорскую корону и обещание, что со временем малолетний Константин VII Багрянородный женится на дочери Симеона. Правда, он не признавался римским императором. Он признавался всего лишь императором, или царем, Болгарским. Но все-таки его цель была почти достигнута. Если бы он действительно стал тестем юного императора, он фактически взял бы дела Византии в свои руки. Он успокоился и удалился временно восвояси. Но условия, на которые пошел патриарх Николай, многие признавали недопустимыми, и после ухода Симеона Болгарского произошел переворот. Регентство патриарха Николая было свергнуто, и в императорский дворец возвратилась Зоя, мать Константина Багрянородного. Договоренность, которой достиг Николай с болгарами, была расторгнута.

Болгары немедленно возобновили войну. Война была очень тяжелой, потому что за пределами Константинополя не было никакой возможности противиться болгарам. Если регентство патриарха Николая пало потому, что он слишком большие уступки сделал болгарам, то правительство императрицы Зои пало по противоположной причине, потому что она была слишком неуступчивой. К власти пришел генерал самого простого происхождения Роман Лакопин, или Лекопин по другому написанию. В 919 году юный Константин Багрянородный женился на дочери Романа Лакопина, ее звали Елена. Но через некоторое время Роман венчался на царство и своего зятя оттеснил на второй план. Конечно, возвышение Романа Лакопина, который женил Константина на своей дочери, означало крах планов Симеона Болгарского. Симеон этого вытерпеть не мог. Патриарх Николай Мистик пытался посредничать, направляя многочисленные письма Симеону. Но Симеон был непреклонен и требовал отстранения от власти Романа Лакопина. Симеон готов был на все, но он не мог самого главного – он не мог взять Константинополь.

Пока Константинополь оставался в руках Романа, Роман все-таки был хозяином положения, несмотря на все опустошения, которые болгары производили во всей европейской части империи. Наконец Симеон был вынужден признать свое бессилие, состоялась его встреча с Романом Лакопином, и эта встреча означала конец высоким притязаниям болгарского государя. Роман проявил гибкость и достаточно большую уступчивость в отношении Симеона и поэтому, в конце концов, смог договориться даже с таким энергичным противником Византии, как Симеон.

После смерти Симеона ситуация в Болгарии в корне изменилась. Сын Симеона Петр, который правил достаточно долго, с 927 до 969 года, был человеком весьма миролюбивым, он поспешил заключить на долгие времена мир с Византией. В его царствование граница Болгарии и Византии была местом совершенно спокойным. При Петре было сильное влияние Византии в Болгарии, потому что Петр женился на внучке Романа Лакопина. Это влияние выражалось, в частности, в большом духовном влиянии – влиянии на болгарскую письменность церковную. Однако внутренне состояние молодой болгарской Церкви не было безоблачным.

Как раз в царствование болгарского царя Петра появляется секта богамилов. Это секта совершенно нетерпимая в отношении Православной Церкви. Основатель этой ереси поп Богамил. Он во многом вдохновлялся учением павликиан. Мы помним, что византийские императоры для того, чтобы ослабить секту павликиан, которая получила большое распространение на границе малоазиатских владений империи с арабским халифатом, многих павликиан переселили во Фракию в Европу.

Учение богамилов – это дуалистическое учение. В мире господствуют два начала противоположных – добро и зло. Вся жизнь мира – это борьба Бога и дьявола, которые борются как бы на равных. Богамилы, как и многие другие сектанты, стремились к чисто духовной вере, отвергали все внешнее в богопочитании, отвергали внешнее богослужение, все церковные обряды и всю церковную иерархию, они призывали к строжайшему аскетизму. Протест богамилов против Православной Церкви нерасторжимо соединялся с их протестом против Византийского государства и вообще государства такого вот теократического типа. Богамильство имело и сильно выраженный социальный характер, оно было протестом против власти знатных, богатых. Богамильство имело большое влияние не только в Болгарии, но и к западу от нее, в Сербии и в Западной Европе тоже. Дело не только в том, что богамильство непосредственно влияло на формирование различных еретических течений, которые появлялись то там, то здесь. Дело в том, что сам тип этой ереси или секты может спорадически возникать там, где нет достаточного просвещения, воцерковления, и там, где существуют социальные бедствия. Причем в неблагоприятные периоды истории учения такого типа получают особенно большое распространение.

Лекция 16

Вообще в Византии не было такого единодержавия, как в других странах. Там могло быть одновременно два и больше императоров. У нас в России, как мы знаем, под влиянием византийских обычаев временами так устраивалось. Например, Петр I одно время правил при формальном соправлении своего брата императора Иоанна V. Роман Лакопин не только сам достиг положения первого императора, он венчал на царство двух своих сыновей, т.е. получилось одновременное правление четырех императоров: Роман Лакопин, два его сына и его тесть, представитель легитимной македонской династии Константин Багрянородный.

– У Лакопина был еще один сын, которого он с самых юных лет предназначил для церковной карьеры. Ребенком он был назначен синкеллом патриарха Николая Мистика (синкелл патриарха – один из самых высоких чинов Константинопольской патриархии), а затем, в возрасте примерно 16-ти лет (вспомним пример патриарха св. Стефана, недалеко отстоящий по времени), Феофилакт, сын Романа Лакопина, сам стал патриархом.

Вообще говоря, император Роман Лакопин имел с церковной иерархией самые хорошие отношения. У него были хорошие отношения уже с патриархом Николаем Мистиком, занимавшим достаточно независимую позицию в отношении церковной иерархии и императорской власти. Схизма сторонников патриарха Евфимия уже не играла какой-то заметной роли, сходила на нет. Римская Церковь в этот момент переживала один из самых трудных периодов своей истории и заняла позицию безоговорочного подчинения воле византийского императора.

Церковные действия императора Романа Лакопина имели безусловно политическое значение. В частности, он пытался укрепить свое положение тем, что бросал определенно моральную тень на Македонскую династию. В 920 году в Константинополе состоялся церковный собор, в котором участвовали и легаты римского папы. На этом соборе было принято решение в связи с четырьмя браками императора Льва VI. По этому решению, которое выразилось в документе под названием «Томос соединения» впредь безусловно возбранялся четвертый брак. А браки третий и даже второй допускались только в порядке снисхождения к человеческой немощи и с определенными и весьма существенными ограничениями.

Так, в третий брак мог вступить человек, который не достиг

сорокалетнего возраста и не имел потомства в своих двух первых браках. Это решение было принято более или менее всеми и хотя оно, означало победу патриарха Николая Мистика, но в то же время несколько унижало Македонскую династию, таким образом, политически было на пользу Роману Лакопину.

Вообще говоря, отношения патриарха Николая Мистика и императора Романа Лакопина были идеальными отношениями царя и патриарха, описанными в «Эпанагоге». Но, как я уже сказал в связи с «Эпанагогой», в целом отношения между царской властью и церковной иерархией в Византии не соответствовали этим идеальным отношениям равноправного сотрудничества. Такой патриарх, как Николай Мистик, который был сильной личностью, мог сделать достаточно независимым положение церковной иерархии, но очень многое зависело не от порядков как таковых, но именно от личности, а выбор патриарха полностью зависел от императора. И вот, как я уже сказал, преемником этого сильного патриарха, Николая Мистика, стал шестнадцатилетний царевич Феофилакт, который, конечно, был абсолютно послушным исполнителем воли своих царственных родственников.

Рукоположение Феофилакта совершили специально приглашенные в Константинополь папские легаты. Это произошло в 933 году. Несмотря на свой высокий церковный сан, патриарх Феофилакт имел наклонности, связанные с его происхождением, наклонности вполне, так сказать, рыцарские. Больше всего на свете он интересовался конюшней и верховой ездой и даже умер он, много лет быв патриархом, в результате неудачного падения с лошади. Его смерть произошла в 956 году, Это был явно неудачный опыт, и после патриарха Феофилакта юные царевичи больше не становились патриархами, однако сама по себе зависимость патриархов от императорской власти продолжалась и далее.

Роман Лакопин был сильным императором, который успешно боролся с мусульманскими противниками империи. В его царствование произошли, между прочим, и новые контакты с русскими. В июне 941 года флот Киевского князя Игоря напал на Византию. Подобное нападение было и раньше, в 907 году, но теперь Византия показала гораздо большую силу. Русские потерпели поражение и были изгнаны, причем русские корабли были уничтожены с помощью знаменитого греческого огня. Однако в 943 году Игорь вновь появился на Дунае с большим русско-печенежским войском. Византия согласилась на заключение нового договора. Первый договор был заключен в 911 году, после предыдущего нападения; теперь, в 944 году, был заключен новый договор. Они более

или менее одинаковы, но второй договор в силу больших военных успехов Византии при последнем столкновении более благоприятен для Византии.

Настоящим триумфом Византии было взятие города Едессы в 944 году. В Едессе находилась великая святыня – нерукотворный образ Спасителя. Этот образ был из Едессы доставлен в Константинополь. Торжественная встреча образа произошла в день Успения 15 августа 944 года, и в память этого события установлен ежегодный праздник, который по нашему календарю отмечается на второй день Успения – 16 августа. Но это великое событие было последним триумфом императора Романа Лакопина. Он стал жертвой властолюбия своих сыновей, которые старого государя отстранили от власти. Но если Роман Лакопин имел большой авторитет, то сыновья его никакого авторитета не имели, и поэтому законному императору Константину Багрянородному было нетрудно совершить переворот в свою пользу.

Вот так, в 945 году, Константин Багрянородный, на 40-м году жизни, наконец взял реальную власть в свои руки, будучи венчан на царство еще в раннем детстве. Константин Багрянородный так долго находился вдалеке от власти не только потому, что так складывались обстоятельства, но и потому, что он по своему характеру не очень-то стремился к власти. Это был вовсе не уникальный в Византии тип ученого и писателя на троне, который гораздо больше интересовался науками, чем делами правления. Дела правления, правда, его тоже интересовали, но, прежде всего, как предмет научного изучения. Он оставил нам совершенно драгоценные сведения о различных сторонах государственной жизни своего государства. Кроме того, государь, который так любил науки, выступал как вдохновитель и организатор научной работы. Под его непосредственным руководством трудились историки и другие ученые.

В это время преобладающим жанром научной продукции становятся произведения такого справочно-энциклопедического плана. В царствование Константина VII Багрянородного произошло очень важное для нас с вами событие. В Константинополь прибыла русская княгиня Ольга. Осенью 957 года она долго гостила при дворе. Историки спорят о деталях этого визита, в частности о том, когда именно произошло крещение святой Ольги – или во время ее пребывания в Константинополе, или еще до прибытия в Константинополь, но, так или иначе, крещение ее, и ее визит в Константинополь – это события связанные. Об этом говорит и то, какое имя приняла святая Ольга в крещении. Как вы помните, ее имя в крещении Елена, а это имя не только созвучно имени святой Ольги, византийские источники его передают как Ольга, с густым придыханием.

Дело не только в этом созвучии, а, прежде всего в том, что Елена – это имя супруги императора Константина Багрянородного, которая, как это было принято, в этом случае выступала как восприемница, даже если это было заочное восприемничество.

Это еще не было моментом крещения Руси, но это предвзоветило крещение Руси, которое произошло в исторически довольно скорый срок после визита святой Ольги в Константинополь. После смерти Константина Багрянородного, который умер 9 ноября 959 года, править стал его сын Роман II, названный, естественно, в честь деда Романа Лакопина. В 956 году, т.е. еще при жизни отца, Роман, человек легкомысленный, по собственной воле и по любви женился на дочери трактирщика Анастасии, которая, став императрицей, получила имя Феофано. Изменение имени при венчании было довольно частым явлением. Феофано была женщиной красивой, но совершенно аморальной, ей предстояло сыграть свою роль в византийской истории. Роман II умер достаточно рано. После его смерти его вдова взяла власть в свои руки и правила от имени двух своих малолетних сыновей, но такое положение было непрочно, и молодая императрица, понимая непрочность своего положения, вышла замуж за Никифора Фоку. Никифор Фока был представителем одной из самых сильных аристократических семей и очень крупным, значительным полководцем. Задолго до того он отвоевал остров Крит, который долгое время находился под властью арабов. Армия и без того провозгласила Никифора Фоку императором, стране грозила гражданская война, которая была предотвращена этим браком.

Никифор Фока был уже немолодой человек. Он имел аскетические наклонности, очень дружил с афонскими монахами. Прп. Афанасий Афонский был его личным другом. Однако эти монахи осудили брак Никифора Фоки не только потому, что это был второй брак, но еще и потому, что до того, как Никифор Фока встретился с Феофано, он думал о принятии монашества. В царствование Никифора Фоки начинается расцвет святой Афонской горы, который продолжался в последующие века византийской истории. Никифор Фока в своем законодательстве пытался воспрепятствовать росту монастырских и церковных земель. В 964 году он издал, можно сказать, совершенно беспрецедентную Новеллу. Дело в том, что церковные земельные владения росли очень быстро, и можно сказать, все классы общества, от самых богатых и знатных до самых бедных, вносили свою лепту в этот рост церковных и монастырских имений. Росло также и число новых монастырей. Многие знатные люди считали совершенно необходимым для поддержания личного и семейного

престижа создавать монастыри. Эти монастыри могли становиться семейными усыпальницами, где совершались постоянные молитвы о здравии и упокоении тех, кто принадлежал к роду, создавшему монастырь. Кроме того, знатные люди получали определенные, и очень немалые, права над теми монастырями, которые они создавали. Они не только могли сами составлять уставы этих монастырей, они могли фактически управлять ими на правах ктиторов. И хотя монастыри в Византии не были освобождены от государственных повинностей, скажем, от уплаты налогов, но все-таки государство могло тяготиться тем, что монастырские владения росли так значительно.

Но Новелла императора Никифора Фоки объясняется, наверное, не столько соображениями государственной пользы, сколько соображениями морально-религиозного характера. В своей Новелле Никифор Фока беспощадно осуждает алчность тех монахов, которые думают только об увеличении владений и забывают о монашеских обетах, один из которых есть обет нестяжания. Император пишет, что в таком случае, когда монахи занимаются стяжанием, монашеская жизнь превращается в пустую комедию, которая оскорбляет имя престола. На будущее император запрещает переход земель в собственность монастырей, церковных учреждений, а также отдельных клириков. Он запрещает и основание новых монастырей, отмечая, что часто монастыри основываются из тщеславия. Те, которые хотели проявить свою благочестивую щедрость, могли по закону Никифора Фоки помогать уже существующим монастырям, но только денежными пожертвованиями, ни в коем случае не земельными. Речь здесь идет о монастырях, которые основывались, так сказать, на цивилизованных территориях, там, где существовало сельское хозяйство. Закон Никифора Фоки не относился к пустынным и трудным для ведения сельского хозяйства местам. Наоборот, в своем законе он поощряет основание келий, т.е. маленьких монастырей в таких местах.

Этот закон действовал недолго, но он характеризует императора Никифора и как государственного деятеля, и как носителя своеобразного благочестия. Ведя постоянно войны на Востоке против мусульман, император Никифор Фока был проникнут сознанием того, что он ведет войну, не только защищая государство, но защищая и саму христианскую веру. Вот это понимание войны как священной объясняет, почему император Никифор Фока сделал странное на первый взгляд предложение. Он предложил всех воинов, которые пали на войне с неверными, почитать как святых. И хотя это предложение принято не было, оно, тем не менее, говорит о том, как сильно эволюционировало духовное понимание войны.

Если в IV веке свт. Василий Великий назначал покаянное правило (епитимию) для тех воинов, которые, находясь в походе, совершали человекоубийство, то теперь, напротив, предлагается рассматривать воинов, павших на войне с неверными, как страдальцев за веру.

Успехи Никифора Фоки в войнах с мусульманами были действительно велики. Он и его полководцы захватили Антиохию и, кроме того, город во внутренней Сирии Алеппо. То есть значительная часть Сирии оказалась вновь под властью православного императора. Сам центр Антиохийского патриархата на некоторое время освободился от мусульманского владычества. Пока Никифор Фока занимался войнами на Востоке, обострились отношения с Болгарией. Прежде с Болгарией были хорошие отношения, но как бы в память о больших военных успехах Болгарии, она получала хоть и небольшую, но дань от Византии. И вот после очередных успехов Никифора Фоки, после того, как он освободил от мусульман Киликию (юго-восточная часть Малой Азии) и остров Кипр, к нему пришли послы из Болгарии, которые потребовали, чтобы он продолжал платить эту дань. Он разгневался и приказал высечь этих послов. Византийская армия немедленно вторглась в Болгарию, но у Никифора Фоки не было времени заниматься Болгарией, и поэтому он попросил расправиться с ней русского князя Святослава. Это была большая ошибка, потому что русские действительно с удовольствием выполнили эту просьбу, но не для того, чтобы помочь Византии, а для того, чтобы самим утвердиться на Дунае.

Вскоре после взятия Антиохии Никифор Фока пал жертвой заговора. Этот заговор возглавил один из его, так сказать, конкурентов, тоже очень одаренный полководец Иоанн Цимисхий. Он тоже представитель одной из знатных семей. Переворот был совершен в ночь на 11 декабря 969 года. Никифор Фока был убит. В заговоре принимала участие императрица Феофано, супруга Никифора Фоки. Но Феофано, которая надеялась стать супругой нового императора, ожидаемого не получила. Убитый Никифор Фока нашел мстителя в лице константинопольского патриарха Полиевкта. Патриарх Полиевкт решил не оставлять безнаказанным преступление цареубийства. Он потребовал от Иоанна Цимисхия церковного покаяния. Кроме того, он потребовал наказания убийц императора Никифора Фоки и, кроме того, потребовал удаления императрицы Феофано. Император был вынужден подчиниться всем этим требованиям патриарха. Историки называют этот эпизод Византийским схождением в каноссо. Только после того, как Цимисхий выполнил предложенные ему патриархом условия, патриарх счел возможным совершить его венчание на царство. Моральная

победа патриарха была еще сильнее, поскольку ему также удалось добиться от императора отмены закона Никифора Фоки против роста монастырских земель.

То моральное преобладание, которое проявил в этом случае патриарх, тем более показательно, что он имел дело с одним из самых сильных государей в византийской истории.

В этой жизни мне известны две власти: священство и царство. Первой Творец мира доверил заботу о душах, другой о телах. Если ни одна, ни другая власть не страдает, тогда в мире царствует благоденствие.

Иоанн Цимисхий продолжал военные предприятия своего устраненного кровавым путем предшественника. Цимисхий совершил поход против русского князя Святослава. Он взял болгарскую столицу великий Преслав, там посадил на престол болгарского царя для того, чтобы заполучить болгар на свою сторону. Болгары стали переходить на сторону Византии, и, наконец, Святослав оказался запертым, блокированным в городе Селистрии на Дунае.

Русские оказали достойное мужественное сопротивление, но силы были совершенно неравны. В осажденном городе был страшный голод, и, в конце концов, после неудачной попытки прорвать блокаду русские войска потерпели поражение – Святослав сдался. Причем победители обошлись, в общем-то, вполне достойно с побежденными. Святослав обязался оставить Балканы и никогда больше там не появляться, кроме того, не нападать на византийские владения в Крыму и, напротив, помогать Византии в ее борьбе с врагами. Император подтвердил торговые привилегии русских, а все русские пленники были отпущены и снабжены продовольствием, поскольку они изголодались в этой осаде. На обратном пути Святослав погиб в сражении с печенегами. Существует предположение, что гибель Святослава была подстроена Иоанном Цимисхием, но никаких оснований для этого предположения нет, потому что Святослав находился в руках Цимисхия, который при желании мог бы уничтожить его со всем его воинством.

Цимисхий продолжал завоевания на Востоке. Он вошел уже и в Палестину, занял города Тиверию, Назарет, Кесарию Палестинскую. До Иерусалима оставалось совсем недалеко. Хотя Иерусалим не был взят, но император, несколько преувеличивая свои успехи, мог писать следующее своему союзнику армянскому царю Ашоту III. (Надо сказать, что сам Цимисхий был армянин, как многие знатные византийцы в это время). Письмо начинается словами: «Услышь и узнай об этом чуде». А заключается оно следующим: «Вся Финикия, Палестина и Сирия

освобождены от гнета сарацин и признают власть римлян».

Из этого похода Цимисхий вернулся смертельно больным и умер 10 января 976 года. Это очень значительное правление продолжалось всего шесть лет.

После смерти Цимисхия власть должна была перейти к представителям законной династии, двум сыновьям Романа II и Феофано – Василию II и Константину VIII. Василий II нам особенно интересен, потому что это император, при котором произошло крещение Руси, и он, как вы знаете, сам деятельно участвовал в этом событии. И как раз начало христианской России связано с очень важными событиями царствования Василия II, с событиями, которые едва не стоили ему царского венца. Сильные полководцы, которые вели войны Византии и завоевывали, отвоевывали у мусульман большие территории, иногда начинали борьбу за власть в самой Византии. И вот как раз большое восстание произошло против Василия II. Одновременно восстали два полководца Варда Фока и Варда Склир, которые хотели устранить Василия и поделить между собой империю. Эти полководцы командовали почти всеми войсками, которые находились в государстве. Поэтому для Василия II было буквально спасительным то, что весной 988 года ему пришел на помощь русский отряд в 6000 человек. Эта варяго-русская экспедиция в последний момент спасла власть Василию II. Поражение, которое русские нанесли мятежникам, стало переломным моментом в мятеже, и он пошел на спад. Однако русский отряд и в дальнейшем оставался на службе в Константинополе. В награду за эту помощь, как вы помните, Василий II обещал русскому князю Владимиру в жены свою сестру Анну при условии, что Владимир крестится сам и крестит свой народ. Это было совершенно беспрецедентно, еще никогда представительница легитимной династии не выдавалась замуж за иноземного государя. Несмотря на то, что реальная власть могла и не принадлежать легитимной династии, как это было в первой фазе правления Константина Багрянородного, но все-таки оставалась разница между династией законной и теми, кто по каким-то причинам становился соправителями и даже первыми императорами при этих законных легитимных императорах. И вот бывали прежде династические браки, скажем, родственницы Романа Лакопина вступали в браки с чужеземными государями, но брака, как называлось это в Византии, Багрянородной царевны с иностранным правителем пока еще не было, это был первый случай.

Понятно, что это беспрецедентное дело многим не нравилось, и поэтому, когда миновала опасность, исходившая от мятежников, Василий

II решил расторгнуть свою договоренность, но, как вы знаете из истории, святой князь Владимир путем военного нажима заставил его исполнить договор. Правда, события, связанные с крещением Руси, недостаточно ясны, чтобы мы могли утверждать это с полной точностью, потому что существует и другая версия этих событий, согласно которой святой Владимир совершил свою военную акцию в Крыму не как противник императора Василия II, а, напротив, как союзник, борясь не с территорией, подвластной Василию II, а с мятежниками, которые восстали против этого византийского императора.

Но, так или иначе, крещение Руси состоялось, и это было, конечно, великим событием не только для самой Руси, но и для Византии. Сфера духовного влияния Византии, то, что называется некоторыми «византийским содружеством наций», расширилось до бескрайних северных пределов. Русская Церковь, как вы знаете, вошла в состав Константинопольской патриархии и несколько веков была подчинена Константинополю, до середины XV века. В этот первый период русской церковной истории Русской Церковью управляли преимущественно митрополиты, которые присылались из Константинополя. Иногда эти митрополиты избирались в России, но рукоположение они должны были все-таки принимать в Константинополе, и духовная жизнь России, конечно, развивалась под очень большим влиянием Византии. Вообще в этот период церковной истории, после того многообразия, которое существовало в первые века (Церкви Александрийская, Сирийская и т.д.), имели много своих местных особенностей в этот период, ввиду угасания древних восточных патриархатов, жизнь Православной Церкви унифицируется по константинопольскому образцу, и этот образец воспринимается как единственно возможный, и Русская Церковь начинает свою жизнь в русле этого византийского предания, византийского церковного строя.

Содержание

протоиерей Валентин Асмус История Церкви	1
протоиерей Валентин Асмус	
Лекция 1	2
Лекция 2	12
Лекция 3	23
Лекция 4	31
Лекция 5	42
Лекция 6	51
Лекция 7	61
Лекция 8	72
Лекция 9	81
Лекция 10	92
Лекция 11	105
Лекция 12	116
Лекция 13	129
Лекция 14	137
Лекция 15	156
Лекция 16	165